Л. Фигье.

ИСТОРІЯ ЧУДЕСНАГО

ВЪ НОВѢЙШЕЕ ВРЕМЯ.

ЧАСТЬ I.

Чудесничества Каліостро.—Магнитезеры-мистики.—
Электро-біологія.—Стучащіе духи.

Переводъ съ третьяго изданія

М. Гогунцова.



С.-Петербургъ.
Типографія П. П. Сойкина, Стремянная, № 12.
1895.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 23 сентября 1895



1

КНИГА ИМЕЕТ

Листов печатных	Выпуск	В перепл. един. соедин №№ вып.	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Служебн. №№	№№ списка и порядковый	2002
		2.1-2				6	760/66	

Кудесничества Каліостро.

Primus inter pares.

I.

Іосифъ Бальзамо въ Страсбургѣ.

Прежде чѣмъ приступить къ исторіи вертящихся столовъ и медіумовъ,—явленію новѣйшаго времени,—мы считаемъ нужнымъ познакомить читателя съ фактами, которые по своей необычайности представляютъ логическіе антецеденты тѣхъ чудесъ, свидѣтелемъ которыхъ служитъ конецъ нашего столѣтія. Для начала мы разскажемъ о кудесничествахъ знаменитаго шарлатана, который подъ именемъ Каліостро (принятымъ имъ вмѣсто настоящаго имени Іосифа Бальзамо) въ послѣдніе годы XVIII вѣка взволновалъ довѣрчивую и жадную до чудеснаго Европу. Іосифъ Бальзамо совершалъ большую часть тѣхъ чудесъ, которые поражаютъ нашихъ современниковъ. Его магическія зеркала превратились въ наши дни въ тѣ процессы и манипуляціи, которые имѣютъ назначеніемъ вызывать явленія гипнотизма Бреда и *біологизма* доктора Филипса, безъ сколько-нибудь ощутительной разницы между этими двумя способами подчинять волѣ извѣстнаго лица волю субъектовъ слабыхъ и податливыхъ. Его питомцевъ *замѣнили* въ наше время медіумы, которые переселившись изъ Америки, наводнили Европу, и большинство явленій, поражающихъ спиритовъ, не болѣе, какъ второе изданіе операцій и пріемовъ, бывшихъ хорошо извѣстными Іосифу Бальзамо. Все это не болѣе, какъ могущественное вліяніе воли, выражающееся

*

въ явленіяхъ лишь по внѣшности сверхъестественныхъ. Мы начнемъ нашъ разсказъ о громкихъ подвигахъ сициліанскаго кудесника съ того момента, какъ онъ появился во Франціи и торжественно вступилъ въ Страсбургъ.

Это происходило 15 сентября 1780 года. Съ утра многочисленная толпа простонародья и мѣщанъ вышла за городъ и стоя на Кельскомъ мосту или размѣстившись по сосѣднимъ кабачкамъ, бесѣдовала о чудной особѣ, которую поджидала. О происхожденіи Каліостро шли самые разнородные толки. Разсказывали о его обширныхъ путешествіяхъ по Азіи, Африкѣ и Европѣ. Говорили о несмѣтныхъ сокровищахъ, которыя онъ собралъ, обращая въ золото неблагородные металлы. По мнѣнію однихъ—онъ былъ святымъ, свыше вдохновеннымъ пророкомъ, обладающимъ даромъ творить чудеса. По мнѣнію другихъ, приписываемыя ему исцѣленія легко объяснялись его обширными познаніями. Но третья группа, и она не составляла меньшинства,—видѣла въ немъ нечистую силу, діавола, посланнаго съ миссіей на землю. То тамъ, то сямъ, даже въ этой послѣдней группѣ встрѣчались сторонники Каліостро, которые принимая въ соображеніе, что въ концѣ концовъ Каліостро приносилъ лишь пользу людямъ, приходили къ логическому выводу, что онъ долженъ быть добрымъ духомъ. Они смѣло принимали и отстаивали, что этотъ необыкновенный субъектъ разсказывалъ о себѣ или приказывалъ разсказывать. Что же касается до самого Каліостро, то онъ провозгласилъ, что появился и путешествуетъ по Европѣ для обращенія невѣрующихъ и укрѣпленія католицизма. Онъ утверждалъ, что Богъ, въ знакъ его миссіи, далъ ему даръ творить чудеса и даже удостоилъ его божественнаго лицезрѣнія. Говорили, что онъ имѣлъ частыя бесѣды съ ангелами.—«Бесѣды съ ангелами!—воскликнулъ старикъ, который не принадлежа ни къ одной изъ группъ, молчаливо вслушивался во все, что говорилось.—Бесѣды съ ангелами! А каковъ возрастъ этого господина?»—«Возрастъ праотца нашего Адама, или, если хотите, графа Сенъ-Жермена»,—насмѣшливо отвѣтилъ ему одинъ изъ сосѣдей.—«Забавны вы съ вашимъ вопросомъ! Развѣ у подобныхъ людей есть метрическія выписки?!

У нихъ нѣтъ возраста или, точнѣе, они всегда имѣютъ тотъ возрастъ, который пожелаютъ. Говорятъ, господинъ графъ Каліостро старѣе трехъ тысячъ лѣтъ, но ему можно дать не болѣе тридцати шести».—«Тридцать шесть лѣтъ, ба!»—тихо произнесъ старикъ.—«Мой бездѣльникъ имѣлъ бы почти тотъ же возрастъ. Положительно необходимо, чтобы я увидѣлъ этого господина»!

Пока шелъ этотъ разговоръ, человѣкъ, котораго съ такимъ любопытствомъ ожидали,—*великій коптъ*—прибылъ къ Кельскому мосту, окруженный многочисленной свитой прислуги и лакеевъ, въ роскошныхъ ливреяхъ. Это была царская роскошь и при томъ онъ умѣлъ придавать себѣ соотвѣтственный видъ и осанку. Рядомъ съ нимъ, въ открытой коляскѣ, ѣхала его жена Серафима Феличіани, блистая всѣми чарами молодости и красоты.

Связанная съ нимъ почти со временъ отрочества, она уже десять лѣтъ раздѣляла съ нимъ жизнь авантюриста.

Въѣздъ Іосифа Бальзамо въ столицу Эльзаса былъ чисто тріумфальнымъ. Тріумфъ почти не былъ нарушенъ инцидентомъ, не возымѣвшимъ другихъ послѣдствій, кромѣ того, что, сразу выказалъ могущество *великаго копта* или его удивительныя способности.

Въ тотъ моментъ, когда кортежъ вступилъ на Кельскій мостъ, изъ среды собравшихся раздался крикъ и почти вслѣдъ за этимъ протискался старикъ. Онъ бросился передъ лошадьми и, остановивъ экипажъ, крикнулъ:

— «Это, Іосифъ Бальзамо, это мой бездѣльникъ»!—И, гнѣвно обратившись къ послѣднему, онъ повторялъ:—*мои шестьдесятъ унцій золота, мои шестьдесятъ унцій золота!*»—Великій коптъ казался невозмутимымъ. Онъ едва удостоилъ бросить взглядъ на смѣлое нападеніе. Среди глубокой тишины, которую вызвалъ этотъ инцидентъ въ толпѣ, отчетливо раздались слѣдующія слова, которыя, казалось, исходили свыше:—«Уберите съ дороги этого безумца, онъ одержимъ нечистыми духами!»—Большинство присутствовавшихъ, ошеломленные, пали на колѣни. Тѣ же, которые сохранили присутствіе духа, схватили старика, оттащили его, и затѣмъ уже ничто не нарушало тріумфальнаго въѣзда великаго

копта въ ликующій городъ. Кортежъ остановился у большой залы, гдѣ находились всѣ больные, которыхъ эмиссары Каліостро заблаговременно собрали. Людей, одержимыхъ тяжкими недугами, позаботились отстранить, посуливъ имъ помощь на дому. Утверждаютъ, что знаменитый эмпирикъ вылѣчилъ всѣхъ собранныхъ въ залѣ — «однихъ—простымъ прикосновеніемъ, другихъ—словомъ; однимъ раздавая серебряныя монеты на водку; «другихъ—своимъ универсальнымъ лекарствомъ». Изъ чего состояло это лекарство? Обращаться ли намъ за разъясненіемъ къ тому, что утверждаетъ въ біографіи Мишо одинъ анонимный авторъ, похваляющійся знаніемъ, что элексиръ Каліостро былъ составленъ единственно изъ золота и благоуханій. «Мы имѣли случай,—говоритъ этотъ авторъ,—испробовать жизненный элексиръ Каліостро, такъ же какъ и элексиръ знаменитаго Сенъ-Жермена; въ основу ихъ входятъ лишь золото и ароматы». Что за прозорливый анонимъ!

Какъ бы то ни было, когда Іосифъ Бальзамо оставилъ залу, возгласы и благословенія толпы сопровождали его до заготовленнаго для него роскошнаго отеля, гдѣ онъ продѣлалъ другія чудеса, совершенно аналогичныя явленіямъ магнетизма, о которомъ мы поговоримъ впослѣдствіи.

Явленія этого рода Каліостро могъ вызывать лишь при посредствѣ молодого мальчика или молодой дѣвочки, которыхъ онъ называлъ своими голубями и которые играли роль нашихъ теперешнихъ медіумовъ.

Голуби или питомцы Каліостро должны были обладать самою безупречною невинностью. Эти дѣти, имъ самимъ избираемыя, сначала получали изъ его рукъ родъ посвященія. Затѣмъ они произносили передъ наполненнымъ водою графиномъ заклинанія, вызывающія ангеловъ. Вскорѣ небесные духи появлялись имъ въ графинѣ. На предлагаемые вопросы иногда ангелы отвѣчали сами вполнѣ отчетливымъ, голосомъ; но чаще отвѣты эти являлись написанными въ графинѣ на поверхности воды и были видимы только голубямъ, на обязанности которыхъ лежало читать ихъ для публики. Вечеромъ, въ день пріѣзда, Каліостро принималъ у себя, за роскошно сервированнымъ столомъ, избранное

Страсбургское общество и затѣмъ далъ ему сеансъ со своими голубями. Вотъ какъ разсказываетъ, по показаніямъ современниковъ, одинъ анонимный авторъ объ этомъ вечерѣ.

Въ салонѣ Каліостро, въ которомъ, при освѣщеніи, отведено было не мало мѣста оптикѣ и фантасмогоріи, —было введено нѣсколько маленькихъ мальчиковъ и дѣвочекъ въ возрастѣ семи—девяти лѣтъ. Великій коптъ выбралъ казавшихся ему болѣе развитыми мальчика и дѣвочку голубями и передалъ обоихъ дѣтей своей женѣ. Та отвела ихъ въ сосѣднюю залу, надушила, одѣла въ бѣлыя одежды, дала имъ выпить по стакану эликсира и затѣмъ представила ихъ, какъ готовыхъ къ посвященію.

Каліостро удалился и минуту спустя появился въ костюмѣ великаго копта. Костюмъ состоялъ изъ черной шелковой одежды съ вышитыми по ней красными іероглифами. На головѣ его былъ одѣтъ египетскій уборъ съ повязками, собранными въ складки, обхватывающими его голову и затѣмъ спускавшимися на плечи. Повязки были изъ золотой парчи. На лбу ихъ сдерживалъ обручъ, осыпанный драгоцѣнными каменьями. На груди была крестообразно повязана изумруднаго цвѣта лента, покрытая изображеніями жуковъ и разноцвѣтными буквами, высѣченными изъ металловъ. У пояса изъ краснаго шелка висѣлъ широкій рыцарскій мечъ, съ рукояткой въ формѣ креста. Въ этомъ убранствѣ онъ имѣлъ такой внушительный видъ, что все общество хранило глубокое молчаніе, точно пораженное трепетомъ. На маленькій круглый столикъ чернаго дерева былъ поставленъ хрустальный графинъ. Согласно ритуалу, позади обоихъ дѣтей избранныхъ въ голуби или питомцы, была поставлена ограждающая ширма.

Два лакея, одѣтыхъ египетскими невольниками, какъ ихъ изображаютъ на изваяніяхъ въ Ѳивахъ, прислуживали у стола. Они подвели дѣтей къ великому копту, который возложилъ руки имъ на головы, на глаза и на грудь, дѣлая при этомъ странныя тѣлодвиженія, которыя Орденомъ назывались миѳами или символами. Послѣ этой подготовительной церемоніи одинъ изъ лакеевъ подалъ Каліостро на бѣлой бархатной подушкѣ маленькую золотую лопаточку. Онъ ударилъ

по столу вдѣланною въ слоновую кость рукоятью лопаточки и спросилъ:—Что дѣлаетъ въ настоящую минуту человѣкъ, который сегодня утромъ, у городскихъ воротъ, поносилъ великаго копта?

Дѣти посмотрѣли въ графинъ и, повидимому, что-то въ немъ увидѣли, потому что дѣвочка вскрикнула:—Я вижу, что онъ спитъ!

Предполагаютъ, что подъ столомъ было приспособленіе для отраженія въ графинѣ фигуръ и буквъ. Такъ заставляло думать то, что когда требовались отвѣты, выходящіе изъ ряду обычныхъ, дѣти ничего не видали. Тогда отвѣчали голоса невидимыхъ ангеловъ.

На предложеніе Каліостро, объявившаго, что можно задавать любые вопросы, многія дамы пришли въ волненіе. Одна изъ дамъ спросила, что дѣлаетъ теперь ее мать, находившаяся въ Парижѣ. Отвѣтомъ было, что она сидитъ въ театрѣ между двумя пожилыми людьми. Другая пожелала узнать, каковъ возрастъ ея мужа. Отвѣта не послѣдовало, что вызвало крикъ энтузіазма, такъ какъ у ней мужа не было, и неудавшаяся попытка этой западни имѣла послѣдствіемъ, что подобная ей не повторилась. Третья дама передала запечатанную записку. Мальчикъ тотчасъ же прочелъ въ графинѣ слѣдующіе: «Вы не получите». Вскрыли записку; въ ней спрашивалось, получитъ ли сынъ полкъ, о которомъ она для него хлопотала. Мѣткость отвѣта еще болѣе возбудила удивленіе.

Одинъ судья, который не смотря на все продолжалъ сомнѣваться, отправилъ по секрету своего сына домой, чтобы узнать, чѣмъ занята была въ то время жена и, когда сынъ ушелъ, отецъ обратился съ этимъ вопросомъ къ великому копту. Графинъ не сообщилъ ничего, но голосъ объяснилъ, что госпожа играетъ въ карты съ двумя сосѣдками. Этотъ неизвѣстно откуда исходившій, таинственный голосъ приводилъ въ трепетъ часть собранія, и когда сынъ судьи вернулся и подтвердилъ точность оракула, многія дамы, испугавшись, оставили собраніе.

Въ теченіи почти трехъ лѣтъ, которые Іосифъ Бальзамо провелъ въ Страсбургѣ, въ немъ заискивали и его ласкали

самые избранные изъ знати, судейства, духовенства и ученыхъ. Въ частности, его посѣтилъ знаменитый Лафатеръ, претендовавшій угадывать характеръ человѣка по его наружности. Но великій коптъ, безъ сомнѣнія, побоялся предстать предъ нимъ объектомъ для наблюденія, такъ какъ онъ принялъ его или, точнѣе, выпроводилъ слѣдующей дилемой:

— Если изъ насъ двухъ вы болѣе свѣдущи, вамъ нѣтъ никакой надобности во мнѣ; если же свѣдующій я—то я въ васъ не нуждаюсь.

Почтенный Цюрихскій кюре, совершившій поѣздку въ Страсбургъ съ спеціальной цѣлью побесѣдовать съ Іосифомъ Бальзамо и не желавшій возвращаться въ свой приходъ, лишь ограничиваясь этимъ комплиментомъ, написалъ Бальзамо на другой день:—«Откуда исходятъ ваши знанія? Какъ вы ихъ пріобрѣли? Въ чемъ онѣ заключаются»?

Великій коптъ, не уступая въ лаконизмѣ отвѣтилъ:

In verbis, in herbis, in lapiodibus!

Конечно, Лафатеръ заслуживалъ лучшаго пріема. Во Франціи онъ извѣстенъ только по своимъ работамъ относительно физіогномики; но это была одна сторона дѣятельности Цюрихскаго пастора. Человѣкъ этотъ настолько же довѣрчивый, на сколько ученый, былъ, въ сущности, энтузіастомъ и даже убѣжденнымъ поклонникомъ кудесничества. Онъ ѣздилъ въ Ратисбонъ повидаться съ Гаснеромъ и безъ колебаній вѣрилъ во всѣ его чудеса. По одному слуху о чудесахъ, творимыхъ животнымъ магнетизмомъ, и еще раньше, чѣмъ онъ точно узналъ, въ чемъ состоитъ новая система—онъ сталъ горячимъ проповѣдникомъ месмеризма. Ни мало не колеблясь, онъ склоненъ былъ перенести то-же довѣріе и то-же почтеніе на могущество великаго копта египетскаго франкъ-массонства, который, однако, такъ безцеремонно съ нимъ обошелся.

Въ Страсбургѣ же Іосифъ Бальзамо впервые увидѣлъ кардинала де-Роганъ, въ ту пору архіепископа этого города, съ которымъ онъ впослѣдствіи былъ замѣшанъ въ знаменитой исторіи съ ожерельемъ. Онъ легко завоевалъ дружбу и довѣріе этого князя церкви, однако, не излѣчилъ его. Это, по

крайней мѣрѣ, слѣдуетъ заключить изъ признанія, помѣщеннаго въ мемуарахъ Бальзамо, которые онъ писалъ, будучи узникомъ Бастиліи.

«Не много времени спустя, послѣ моего пріѣзда во Францію», — говоритъ онъ, — «господинъ кардиналъ де-Роганъ приказалъ мнѣ передать черезъ барона Милиненса, своего оберъ-егермейстера, что желалъ бы со мной повидаться. Такъ какъ принцемъ руководило лишь любопытство, то я отказался его удовлетворить; вскорѣ онъ прислалъ сказать мнѣ, что съ нимъ произошелъ припадокъ удушья и онъ желаетъ посовѣтываться со мной. Я поспѣшилъ въ его епископскій дворецъ и сообщилъ ему свой взглядъ на его болѣзнь; кардиналъ, казалось, былъ удовлетвореннымъ и просилъ меня посѣщать его отъ поры до времени».

Гетингенскій профессоръ Мейнерсъ былъ однимъ изъ тѣхъ, которые любопытствовали взглянуть на Іосифа Бальзамо и которые не были имъ приняты, какъ шпіоны. Хотя и очень дурно расположенный къ Бальзамо, Гетингенскій профессоръ не отрицаетъ дѣйствительности его излѣченій. Не слѣдуетъ, однако, думать, что къ благословенію и похваламъ, среди которыхъ Бальзамо прожилъ въ теченіи трехъ лѣтъ въ Страсбургѣ, не примѣшивалось никакого диссонанса. Въ своихъ мемуарахъ онъ самъ упоминаетъ, хотя въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ, о какихъ-то преслѣдованіяхъ, которыя заставили его оставить этотъ городъ. За отсутствіемъ подробностей, мы не имѣемъ возможности сказать, откуда шли эти преслѣдованія и въ чемъ онѣ состояли. Можетъ быть, они имѣютъ связь съ инцидентомъ, который, на мгновеніе, произвелъ переполохъ въ въѣздѣ великаго копта въ Страсбургъ; инцидентомъ, истолкованіе котораго, должно быть интереснымъ для читателя.

Злополучный нарушитель гармоніи въ день въѣзда Каліостро былъ золотыхъ дѣлъ мастеромъ изъ Палермо, по прозвищу Марано, происходившимъ не то изъ еврейской, не то изъ мавританской семьи. Скупецъ, ростовщикъ и въ качествѣ послѣдняго крайне недовѣрчивый, но суевѣрный, онъ безусловно вѣрилъ всему, что льстило его корыстолюбивымъ инстинктамъ. Марано весьма часто надували шарлатаны,

значительныя потери, которыя онъ понесъ, слушая искателей философскаго камня и принимая участіе въ подобныхъ же фантастическихъ предпріятіяхъ, не слишкомъ его исправили.

Марано не разъ удавалось слышать о молодомъ человѣкѣ, жизнь котораго была полна таинственности. Его звали Іосифомъ Бальзамо. Ему было тогда не болѣе семнадцати лѣтъ, и въ томъ самомъ Палермо, гдѣ онъ родился, онъ слылъ за субъекта необыкновеннаго, одареннаго сверхъестественной властью. Репутаціи, которую онъ съумѣлъ себѣ создать, не мѣшало его темное происхожденіе, такъ какъ онъ утверждалъ, что семья, къ которой онъ принадлежалъ, не болѣе, какъ кажущаяся, и что онъ обязанъ своимъ существованіемъ азіатской принцессѣ. Къ тому же, молодой человѣкъ не былъ въ дисгармоніи съ самыми лестными догадками, которыя можно было составить на его счетъ.

Онъ былъ недуренъ собой и имѣлъ внушительный видъ; говорилъ мало и умѣлъ держать въ границахъ собесѣдника силою своего взгляда. Іосифъ Бальзамо тщательно скрывалъ свой внутренній мірокъ и именно благодаря тому, что о немъ мало знали, о Бальзамо разсказывали самыя необыкновенныя вещи. Его часто видывали вызывающимъ духовъ, и въ Палермо каждый былъ увѣренъ, что онъ имѣетъ сношенія съ ангелами, получая, при ихъ посредствѣ, разоблаченія самыхъ интересныхъ тайнъ.

Марано жадно вслушивался въ эти разсказы и возымѣлъ страстное желаніе увидѣть друга небесныхъ духовъ. У послѣдняго было уже столько почитателей и, конечно, кумовей, что Марано удалось найти такого, который предоставилъ ему желаемое свиданіе. Оно состоялось съ молодымъ Бальзамо въ домѣ самого золотыхъ дѣлъ мастера.

При входѣ гостя Марано преклонилъ колѣно. Бальзамо не помѣшалъ этому, затѣмъ поднялъ его и торжественнымъ, но благосклоннымъ тономъ спросилъ, зачѣмъ онъ его позвалъ.

— При вашихъ обычныхъ сношеніяхъ съ небесными духами, вамъ легко было бы это узнать,—отвѣтилъ Марано—и не трудно было бы,—прибавилъ онъ съ печальной улыбкой,—возвратить мнѣ деньги, которыя я потерялъ по милости фальшивыхъ алхимиковъ... даже доставить мнѣ болѣе.

— Я могу оказать вамъ эту услугу, если только вы будете вѣрить.

— Вѣрю ли я?! О, конечно, вѣрю!—вскричалъ съ жаромъ золотыхъ дѣлъ мастеръ.—Вѣра, или вѣрнѣй слѣпое довѣріе, была, слабой или сильной чертой характера Марано, особенно, когда перспектива обрѣсть сокровища носилась въ его умѣ. Бальзамо, хорошо знавшій эту особенность ростовщика, назначилъ ему на завтра свиданіе за городомъ и ушелъ, не прибавивъ болѣе ни слова.

Завтра, въ шесть часовъ утра, оба они сошлись на дорогѣ, ведущей въ капеллѣ святой Розаліи, приблизительно въ ста шагахъ отъ городскихъ воротъ Палермо. Бальзамо, ни слова не говоря, знакомъ пригласилъ мастера слѣдовать за собой. Послѣ часа ходьбы, они остановились среди пустыннаго поля неподалеку отъ грота. Бальзамо, указывая на гротъ, сказалъ.

— Въ этомъ подземельи находится сокровище. Мнѣ нельзя имъ воспользоваться: я могу до него прикоснуться и употребить въ свою пользу лишь подъ страхомъ утраты своей власти и своей чистоты. Оно находится подъ надзоромъ адскихъ духовъ. Но, по моему зову, духи эти могутъ быть на время скованными ангелами. Остается только узнать, удовлетворите ли вы тѣмъ условіямъ, которыя вамъ будутъ продиктованы. Этой цѣной сокровище можетъ быть ваше.

— Лишь бы только узнать, въ чемъ дѣло!—нетерпѣливо вскричалъ довѣрчивый мастеръ.—Говорите скорѣе!

— Это вы должны узнать не изъ моихъ устъ—прервалъ его Бальзамо,—но прежде всего—на колѣни.

Онъ самъ уже преклонилъ колѣна. Марано поспѣшилъ ему послѣдовать,—и немедленно послышался голосъ, произнесшій слѣдующія слова, ласкавшія слухъ стараго скупца болѣе, чѣмъ всѣ симфоніи въ мірѣ.

Шестьдесятъ унцій жемчуга, шестьдесятъ унцій рубиновъ, шестьдесятъ унцій алмазовъ въ кованномъ золотомъ ларцѣ, вѣсомъ въ сто двадцать унцій. Адскіе духи, стерегующіе это сокровище, вручатъ его честному человѣку, котораго представилъ нашъ другъ, если онъ имѣетъ пятьдесятъ лѣтъ если онъ не христіанинъ, если... если... если...—Затѣмъ шли подробности, которымъ всѣмъ Марано удовлетворялъ. По-

этому онъ съ живымъ удовольствіемъ вслушивался въ каждую фразу до послѣдней, которая была формулирована такъ: «если онъ при входѣ въ гротъ, прежде чѣмъ въ него вступитъ, сложитъ шестьдесятъ унцій золота въ пользу сторожей».

. . . .

— Слышали вы?—спросилъ Бальзамо, который поднявшись на ноги двинулся уже въ путь, повидимому, не обращая никакого вниманія на ошеломленную мину мастера.

— Шестьдесятъ унцій золота!—вскричалъ со вздохомъ ростовщикъ, испытывавшій страшную борьбу между жадностью и скупостью.

Но Бальзамо не слушалъ ни его восклицаній, ни его вздоховъ. Безмолвно они дошли до города. Марано, который потомъ ободрился, слѣдовалъ за нимъ—тоже молча. Такъ они дошли до мѣста, гдѣ утромъ встрѣтились и гдѣ, какъ былъ убѣжденъ Марано, они должны разстаться, прежде чѣмъ войти въ городъ. Наконецъ, Марано нужно было принять рѣшеніе.

— Подождите минутку,—вскричалъ онъ жалобнымъ тономъ, видя, что молодой человѣкъ идетъ далѣе,—шестьдесятъ унцій золота, что-же, это послѣднее слово?

— Понятно,—небрежно отвѣтилъ Бальзамо, даже не удостоивъ остановиться.

— Ну, такъ въ которомъ часу завтра?

— Въ шесть часовъ утра, на томъ же мѣстѣ.

— Буду.

Это было послѣднимъ словомъ мастера, или какъ-бы послѣднимъ вздохомъ его побѣжденной скупости.

На другой день, въ условномъ часу, они съ той же точностью встрѣтились, какъ и впервые, Бальзамо съ своимъ обычнымъ спокойствіемъ, а Марано со своимъ золотомъ. Они направились къ гроту. Ангелы, спрошенные тѣмъ же манеромъ какъ и наканунѣ, отвѣтили тоже самое. Затѣмъ Бальзамо казался совершенно чуждымъ тому, что должно было произойти, и Марано, не безъ сильной внутренней борьбы, сложилъ шестьдесятъ унцій золота въ опредѣленномъ мѣстѣ. Совершивъ этотъ подвигъ, онъ приготовился

войти въ гротъ. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, онъ тотчасъ же вернулся.

— Безопасно-ли войти въ эту пещеру?

— Безопасно, если только счетъ золота вѣренъ.

Онъ вошелъ смѣлѣе, опять вернулся. Это повторялось нѣсколько разъ на глазахъ Бальзамо, фигура котораго выражала полнѣйшее безстрастіе. Наконецъ, мастеръ придалъ себѣ храбрости и спустился такъ глубоко, что всякое отступленіе стало невозможнымъ. Дѣйствительно, три черныхъ, пречерныхъ и мускулистыхъ діавола загородили ему дорогу, издавая страшныя рыканья. Сначала они схватили его и долго вертѣли. Покончивъ съ этимъ, діаволы перешли къ пинкамъ и тумакамъ. Напрасно несчастный взывалъ къ ангеламъ—хранителямъ Бальзамо, они оставались глухи, тогда какъ пинки и тумаки удваивались. Наконецъ, избитый, изнеможенный, еврей упалъ лицемъ на землю, и отчетливый голосъ приказалъ ему лежать неподвижно и молча, подъ угрозой, что ему будетъ конецъ, если онъ шевельнется. Несчастный постарался не ослушаться.

Когда Марано пришелъ въ себя и когда отсутствіе всякаго шума придало ему отваги приподнять голову, онъ поползъ, какъ могъ, и докарабкался до выхода изъ этой ужасной пещеры. Выбравшись, онъ оглянулся вокругъ. Ни души! Трехъ діаволовъ, Бальзамо и золота, какъ не бывало.

На другой день еврей отправился съ жалобой въ судъ, но Бальзамо уже покинулъ Палермо.

Какъ для одного, такъ и для другого, это былъ исходный пунктъ для жизни, полной приключеній, но для каждаго изъ нихъ различный. Бальзамо, разъѣзжая по свѣту подъ разными именами: графа Гарата, графа Фениче, маркиза д'Анна, маркиза де Пелегрини, Цисхиса, Бельмонте, Мелисса, графа Каліостро и т. п., просвѣщаясь и обогащаясь въ своихъ поѣздкахъ, подчинялъ великихъ и малыхъ обаяніемъ своихъ дѣлъ и блескомъ своего величія. Марано, напротивъ, раззоренный потерей своихъ шестидесяти унцій золота и принужденный по этому покинуть Палермо, отправился скрыть свою скорбь въ Парижъ, а послѣ въ другіе города, гдѣ онъ занимался мизернымъ торгашествомъ между жидами, пока,

двадцать лѣтъ спустя, не попалъ, какъ мы это видѣли, къ воротамъ Страсбурга въ тотъ моментъ, когда его грабитель въѣзжалъ въ столицу Эльзаса, окруженный почтеніемъ и привѣтствуемый, какъ тріумфаторъ. Около середины 1783 года Каліостро покинулъ Страсбургъ. Въ эту эпоху звѣзда его далеко еще не померкла, такъ какъ маркизъ Сегюръ, Мироцениль и Верженъ отзывались о немъ въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ. Послѣ непродолжительной поѣздки въ Италію, Каліостро появился въ Бордо въ то самое время, когда П. Гервье *) пропогандировалъ тамъ словомъ и дѣломъ новое ученіе о животномъ магнетизмѣ.

II.

Іосифъ Бальзамо въ Бордо.—Его пріѣздъ въ Парижъ.—Кудесничества, которыя онъ тамъ совершилъ.—Загробный банкетъ на улицѣ Сенъ-Клодъ.—Чудеса Лоренцы, Великой Мастерши.—Ужинъ тридцати шести адептовъ.—Чудесное исцѣленіе принца Субизъ.—Энтузіазмъ столицы по адресу новаго кудесника.

Іосифъ Бальзамо появился въ Бордо 8-го ноября 1783 г. Онъ увѣряетъ, что стеченіе больныхъ было такъ громадно, что онъ вынужденъ былъ исхлопотать солдатъ для охраненія порядка въ своемъ жилищѣ. Предосторожность эта, бывшая, можетъ быть не болѣе, какъ шарлатанскимъ пріемомъ, нисколько не умаляетъ значенія тѣхъ могущественныхъ актовъ, которыя онъ совершилъ въ этомъ городѣ. Притомъ, мы знаемъ, и это фактъ несомнѣнный, что П. Гервье, этотъ способный магнетизеръ, осмѣлившійся бороться съ его могуществомъ, былъ публично низвергнутъ и получилъ за это укоры отъ всѣхъ месмерическихъ кружковъ; укоры, заслуженные его неблагоразуміемъ.

Мемуары Каліостро знакомятъ насъ съ подробностями его карьеры и передаютъ вмѣстѣ съ этимъ, что вездѣ къ славѣ его примѣшивалась доля горечи.

«... такъ какъ преслѣдованія, заставившія меня оставить

*) См. «Louis Figuier, Histoire de Merveilleux» III f. 188 и послѣдующ. гдѣ говорится о П. Гервье, проповѣдовавшемъ о магнетизмѣ въ соборѣ Бордо.

Страсбургъ, продолжались и въ Бордо, то я рѣшилъ послѣ одиннадцати-мѣсячнаго пребыванія тамъ, въ послѣднихъ дняхъ октября 1784 года, отправиться въ Ліонъ».

«Въ послѣднемъ городѣ я пробылъ лишь три мѣсяца и переѣхалъ въ Парижъ, куда прибылъ 30 январи 1785 года. Я остановился въ меблированныхъ комнатахъ въ Пале-Ройялѣ и, немного времени спустя, переселился на улицу Сенъ-Клодъ, неподалеку бульвара. Моей первой заботой было объявить всѣмъ своимъ знакомымъ, что я намѣренъ жить спокойно и что не желаю болѣе заниматься медициной. Я сдержалъ свое слово и отвѣчалъ отказомъ на всѣ упрашиванія, которыя мнѣ на этотъ счетъ дѣлались» *).

Дѣйствительно, пребываніе Бальзамо въ Парижѣ не было ознаменовано многочисленными исцѣленіями. Парижу, обладавшему въ то время Обществомъ Гармоніи, многочисленными клиниками месмеризма, делонеизма, жюмельгенизма и т. п., магнетическими деревьями въ садахъ и аллеяхъ и тысячей баковъ въ домахъ, не было мѣста для новаго раздавателя жизненнаго элексира. Поэтому онъ обратился къ другого рода дѣятельности,—болѣе поражающей, чѣмъ магнетическія лѣченія, въ которыхъ Парижъ переставалъ видѣть нѣчто сверхъестественное. Производимые имъ феномены были изъ тѣхъ, которые лежатъ внѣ компетенціи и обсужденія академиковъ, но которые тѣмъ сильнѣе дѣйствуютъ на умы, и первыя попытки которыхъ мы уже видѣли въ Страсбургѣ, въ сеансахъ съ его голубями. Онъ приводилъ въ изумленіе вызываніемъ призраковъ, т. е. тѣмъ, что заставлялъ, по желанію любопытствующихъ, появляться въ зеркалѣ или въ графинѣ съ водой лицъ умершихъ или живущихъ.

Въ Парижѣ Іосифъ Бальзамо желалъ быть кудесникомъ и въ этой роли продѣлалъ столько чудесъ или штукъ, что на время затмилъ всѣхъ современныхъ знаменитостей. Въ народѣ, въ мѣщанствѣ, въ аристократіи и особенно при дворѣ удивленіе къ нему доходило до фанатизма. Его звали не иначе, какъ божественный Каліостро. Изображеніе его встрѣчалось

*) Записка, составленная Каліостро въ свою защиту, когда онъ содержался въ Бастиліи во время слѣдствія *по дѣлу объ ожерельѣ*.

всюду: на табакеркахъ, перстняхъ и даже на женскихъ вѣерахъ. На стѣнахъ были вывѣшены афиши, напоминавшія, что Людовикъ XVI повелѣлъ признавать виновнымъ въ оскорбленіи величества всякаго, кто причинитъ обиду Каліостро. Всякій желалъ быть свидѣтелемъ его чудесъ; тѣ, кто не могъ ихъ видѣть, заставлялъ о нихъ разсказывать себѣ и безъ утомленія слушалъ эти разсказы.

Разсказывали, что въ Версалѣ, въ присутствіи нѣсколькихъ высокопоставленныхъ особъ, онъ заставлялъ появляться въ зеркалѣ, подъ стеклянными колпаками, въ графинахъ, не только изображенія отсутствующихъ особъ, но самыхъ этихъ особъ, призраковъ одушевленныхъ и двигающихся, и даже многихъ мертвыхъ, которыхъ ему назначали.

Эти вызыванія знаменитыхъ покойниковъ были для Іосифа Бальзамо обычнымъ зрѣлищемъ, которое онъ давалъ гостямъ, приглашаемыхъ имъ на свои ужины, которые производили большую сенсацію въ Парижѣ въ ту эпоху, когда Дидро, д'Аламберъ и многіе другіе знаменитые энциклопедисты болѣе уже не существовали, и очагъ философовъ погасъ.

Авторъ «Memoires authentique pour servir à l'histoire de Cagliostro» весьма живо описалъ одну изъ сценъ, въ которой энциклопедисты прежнихъ временъ явились въ своихъ роляхъ въ образѣ привидѣній.

Великій кудесникъ объявилъ, что на интимномъ ужинѣ, состоящемъ изъ шести приглашенныхъ, онъ вызоветъ тѣхъ мертвецовъ, которыхъ ему укажутъ; что они явятся на банкетъ и займутъ мѣста за столомъ, каждый при своемъ кувертѣ.

Ужинъ происходилъ безъ вѣдома Лоренцы, на улицѣ Сенъ-Клодъ, гдѣ проживалъ Каліостро.

Въ полночь всѣ были въ сборѣ. Въ залѣ, гдѣ все было въ гармоніи съ ожидаемымъ кабалистическимъ дѣйствіемъ, былъ съ неслыханной роскошью сервированъ круглый столъ на двѣнадцать персонъ. Шесть гостей и седьмой Каліостро заняли свои мѣста. За столомъ должно было находиться число тринадцать. Когда былъ поданъ ужинъ, слуги были отосланы подъ угрозой немедленной смерти, если они попытаются открыть двери прежде, чѣмъ ихъ позовутъ. Это было возобновленіе пріема ужиновъ регентства.

Каждый изъ гостей назвалъ умершаго, котораго онъ желалъ увидѣть. Каліостро отобралъ имена, спряталъ ихъ въ карманъ своего обшитаго золотомъ камзола и объявилъ, что безъ всякихъ приготовленій, но по одному его слову, вызываемые духи появятся съ того свѣта въ тѣлесномъ видѣ, такъ какъ по египетскому догмату мертвыхъ не существуетъ.

Загробные гости, которые были потребованы и ожидались съ возрастающимъ нетерпѣніемъ были: герцогъ Шуазель, Дидро, Вольтеръ, д'Аламберъ, аббатъ Воазенонъ и Монтескье.

Пожалуй, можно было находиться и въ менѣе умномъ обществѣ!

Имена произносились громкимъ голосомъ, медленно и со всей мощью воли, которой одаренъ былъ Іосифъ Бальзамо. Былъ моментъ болѣе тревожный и болѣе страшный, чѣмъ само появленіе — это моментъ неизвѣстности. Но это былъ лишь одинъ моментъ. Шесть вызванныхъ гостей появились и заняли мѣста за ужиномъ со всей характеризующей ихъ галантностью. Когда живые гости немного пришли въ себя, они осмѣлились обратиться съ распросами къ умершимъ. Здѣсь мы предоставляемъ слово исторіографу этого чудеснаго ужина.

«Первымъ вопросомъ было, какъ они чувствуютъ себя на томъ свѣтѣ? — Нѣтъ того свѣта,—отвѣчалъ д'Аламберъ.— Смерть не болѣе, какъ прекращеніе тѣхъ бѣдъ, которые насъ безпокоили. Нѣтъ никакихъ радостей, но и неизвѣстно никакихъ печалей. Я не нашелъ m-lle Эспинасъ, но и не видѣлъ Лигге. Все очень искренно. Нѣкоторые умершіе, которые къ намъ присоединились, утверждаютъ, что я совсѣмъ позабытъ. Это меня сильно утѣшило. Люди не стоятъ того, чтобы ими заниматься. Никогда я ихъ не любилъ, а теперь ихъ презираю...»

«Что сталось съ вашимъ знаніемъ? — спросилъ де...— Дидро. — Я не былъ ученымъ, какъ меня считали, — отвѣтилъ онъ; — когда я писалъ, моя память подсказывала мнѣ то, что я нѣкогда читалъ и я заимствовалъ то тамъ, то сямъ. Отъ этого происходитъ отсутствіе связи въ моихъ произведеніяхъ, которыя черезъ пятьдесятъ лѣтъ будутъ забыты. Энциклопедія, которую удостоиваютъ мнѣ приписывать, мнѣ не

принадлежитъ. Роль редактора заключается въ томъ, чтобы привести въ порядокъ имѣющійся матеріалъ. Тотъ, кто высказалъ болѣе таланта въ дѣлѣ энциклопедіи — это составитель оглавленія, но ни кто не думаетъ воздать ему должное.

«Я сильно одобрялъ это предпріятіе,—сказалъ Вольтеръ,— такъ какъ считалъ его на руку моимъ философскимъ воззрѣніямъ. Относительно своей философіи не знаю навѣрное, былъ ли я правъ. Послѣ смерти мнѣ пришлось узнать удивительныя вещи. Я бесѣдовалъ съ полдюжиной папъ. Ихъ стоитъ послушать. Климентъ XIV и Бенедиктъ — особенно люди чрезвычайно умные и разсудительные. — Меня нѣсколько злитъ, — сказалъ герцогъ Шуазель, —что тамъ, гдѣ мы находимся, не существуетъ разницы пола; что бы тамъ не говорили, тѣлесная оболочка—выдумка не дурная.—Въ такомъ случаѣ, какъ же вы узнаете другъ друга?—спросилъ кто-то.— По капризамъ, по вкусамъ, по претензіямъ, по тысячѣ мелочей, которыя считаются прелестями у васъ и смѣшными вещами здѣсь.

«Болѣе всего мнѣ доставляетъ удовольствія, — сказалъ аббатъ Воазенонъ, — что у насъ не страдаютъ маніей высокоумія. Вы не можете себѣ представить, сколько надо мной насмѣхались за мои нелѣпые романчики, сколько надо мной трунили за мои литературныя замѣтки. Напрасно я повторялъ, что этимъ ребячествамъ я придаю заслуженную цѣну. Отъ того-ли, что не вѣрили въ скромность академика, отъ того-ли, что такія фривольности не были къ лицу ни моему положенію, ни моему возрасту,—я чуть не каждый день раскаиваюсь въ заблужденіяхъ моей земной жизни».

Легко замѣтить антифилософскій умъ журналиста, сообщающаго этотъ предполагаемый разговоръ. Что онъ изложилъ его на свой ладъ,—это каждый считалъ несомнѣннымъ въ его эпоху. Для меня важнѣе, что всѣ считали достовѣрнымъ невѣроятный фактъ, будто указанные собесѣдники были вызваны и разговаривали. Вѣра въ это была тѣмъ сильнѣе, что журналисты того времени утверждали, не перечисляя именъ, что шесть гостей Каліостро были высокопоставленныя лица и что даже между ними находился одинъ важный принцъ. Среди своихъ кудесничествъ, Каліостро не

терялъ изъ вида идеи, составлявшей, повидимому, главную цѣль его жизни, — если только онъ имѣлъ иную, кромѣ эксплоатированія довѣрчивыхъ сильныхъ міра. Какъ мы объ этомъ упоминали, уже много лѣтъ тому назадъ, онъ сталъ жаркимъ проповѣдникомъ новаго франкъ-массонства, такъ называемаго египетскаго франкъ-массонства. Во всѣхъ городахъ, гдѣ онъ проживалъ, онъ учреждалъ ложи этого ордена. Онъ провозглашалъ, что вывезъ съ Востока тайны Изиды и Анубиса. Это, понятно, окружало его большимъ обаяніемъ. Хотя онъ угрожалъ радикальной реформой обыкновенному массонству, имѣвшему въ столицѣ семьдесятъ двѣ дѣйствующія ложи, благодаря его популярности, Изида и Анубисъ восторжествовали надъ всѣми преградами.

Онъ вскорѣ пріобрѣлъ сторонниковъ самого высокаго пошиба, которые въ одинъ прекрасный день собрались въ громадномъ числѣ выслушать отъ Іосифа Бальзамо изложеніе догматовъ египетскаго массонства. Разсказываютъ, что въ этомъ торжественномъ собраніи онъ говорилъ съ увлекательнымъ краснорѣчіемъ. Успѣхъ его былъ такъ блестящъ, что всѣ слушатели вышли изумленными и поклонниками возрожденнаго и очищеннаго массонства. Никто изъ нихъ не сомнѣвался, что будетъ посвященъ въ тѣ тайны природы, которыя хранились въ храмѣ Аписа въ ту эпоху, когда Камбизъ приказалъ отхлестать этого своенравнаго бога *).

Съ этого момента посвященія въ новое франкъ-массонство были многочисленными, хотя и ограничивались кругомъ высшаго общества, и есть основаніе предполагать, что они стоили не дешево барамъ, которые признавались къ этому достойными.

Знатныя дамы, слышавшія о таинственныхъ сценахъ и о загробныхъ ужинахъ въ улицѣ Сенъ-Клодъ, возымѣли въ свою очередь горячее желаніе быть посвященными въ тѣ-же таинства. Онѣ безъ вѣдома мужей добивались милости быть допущенными на эти фантастическіе сеансы. Наиболѣе увлекающаяся изъ нихъ, герцогиня де-Т. была уполномочена пред-

---

*) «Memoire pour sevoir à l'histoire de la franc-maçonerie par un Rose Croix», Paris, 1790.

ложить отъ имени дамъ госпожѣ Каліостро (Лоренцѣ), открыть для нихъ курсы магіи, на которые не допускался-бы ни одинъ мужчина. Ей отвѣтили съ полнѣйшимъ равнодушіемъ, что курсы эти откроются лишь тогда, когда число желающихъ достигнетъ тридцати шести. Въ тотъ же день число это навербовалось.

И вотъ Лоренца или Серафима стала Великой Мастершей египетскаго франкъ-массонства по тому же праву, по которому мужъ ея былъ въ немъ Великимъ коптомъ. Она начала съ того, что познакомила съ условіями своихъ курсовъ женской магіи, заключавшихся для каждаго адепта въ томъ, что онъ долженъ внести сто луидоровъ, воздержаться отъ всякихъ сношеній съ людьми съ того дня, какъ это будетъ приказано и подчиниться всему, что ему будетъ повелѣно. Когда условія были приняты, сеансъ былъ назначенъ на 7-е августа. Великая Мастерша наняла и приказала приспособить на улицѣ Вертъ, въ предмѣстьѣ Сентъ-Оноре, бывшемъ въ то время уединеннымъ кварталомъ, обширный домъ, окруженный садомъ съ роскошными деревьями. Собранія должны были происходить тамъ. Никто изъ тридцати шести адептовъ не отсутствовалъ. Въ одиннадцать часовъ всѣ онѣ были въ сборѣ.

При входѣ въ первую залу, всѣхъ дамъ заставили сбросить ихъ одежды и переодѣться въ бѣлыя платья съ цвѣтными поясами. Ихъ раздѣлили на шесть группъ, отличавшихся цвѣтомъ поясовъ: шесть были въ черныхъ, шесть въ голубыхъ, шесть въ красныхъ, шесть въ фіолетовыхъ, шесть въ розовыхъ и шесть въ impossible (цвѣтъ неопредѣленный). Каждой вручили по вуалю, который онѣ надѣли крестообразно. Затѣмъ имъ предложили войти въ храмъ, освѣщенный свѣтомъ, лившимся со свода, и обставленный тридцатью шестью креслами, обитыми черной шелковой матеріей. Лоренца, одѣтая въ бѣлое, возсѣдала на тронѣ, имѣя при себѣ какихъ-то двѣ громадныхъ фигуры, одѣтыя такъ, что нельзя было рѣшить,—были ли это мужчины, женщины или привидѣнія.

Свѣтъ, освѣщавшій залу, постепенно становился слабѣе и слабѣе и, когда съ трудомъ можно было различать предметы,

Великая Мастерша приказала дамамъ обнажить цѣликомъ ихъ лѣвыя ноги. Затѣмъ она приказала поднять правыя руки и прислонить ихъ къ ближайшей колоннѣ. Двѣ молодыя женщины, называвшіяся Марфизой и Клориндой, вошли, держа каждая въ рукахъ мечъ, и перевязали ноги и руки тридцати шести дамъ шелковымъ шнуркомъ. Тогда Лоренца, среди глубокаго молчанія, произнесла рѣчь, которая началась такъ:

«То состояніе, въ которомъ вы теперь находитесь, символически изображаетъ ваше общественное положеніе. Какъ женщины, вы состоите въ пассивномъ подчиненіи вашихъ мужей. Вы несете цѣпи, хотя вы и знатныя дамы. Всѣ мы съ дѣтства приносимся въ жертву жестокому божеству. О! сорвавъ эти постыдныя оковы, мы съумѣемъ соединиться и бороться за наши права; вы вскорѣ увидите горделивый полъ, который насъ притѣсняетъ, ползающимъ у нашихъ ногъ и вымаливающимъ наше благоволеніе...»

Эта рѣчь, которая пока имѣла видъ коментарія кодекса свободы женщины, окончилась, однако, въ болѣе умѣренномъ тонѣ и даже завершилась совѣтами, хотя преисполненными гордыми вызовами, но весьма успокоительно для правъ мужей. — Предоставимъ имъ, — воскликнула проповѣдница, — вести губительныя войны и разбираться въ хаосѣ ихъ законодательствъ и возьмемъ на себя обязанность руководить мнѣніями, очищать нравы, образовывать умы и поддерживать мягкость обращенія и уменьшать число несчастныхъ. Это стоитъ больше, чѣмъ разбирать пустыя ссоры. — Послѣ этой рѣчи, выслушанной съ горячимъ одобреніемъ, Марфиза и Клоринда освободили отъ узъ дамъ, для которыхъ предстояли еще впереди испытанія. Но раньше Лоренца придала имъ бодрости слѣдующей рѣчью:

«Получайте назадъ вашу свободу и да будетъ она также пріобрѣтена вами въ обществѣ. Да, свобода составляетъ насущную потребность всякаго существа; такъ со всѣмъ пыломъ души старайтесь ее завоевать. Но можете ли вы на себя положиться? Увѣрены ли вы въ своихъ силахъ? Какую гарантію вы можете мнѣ представить? Мои адепты — вамъ слѣдуетъ подвергнуться еще испытаніямъ! Вы раздѣлитесь на шесть группъ. Каждая изъ группъ, отличающаяся цвѣтомъ

пояса, отправится въ одну изъ шести залъ, сообщающихся съ этимъ храмомъ; тамъ вамъ предстоятъ страшныя испытанія. Идите, сестры мои, двери сада открыты и молчаливая луна льетъ нѣжный свѣтъ на Божій міръ!..»

Дамы вошли въ предназначенныя имъ залы, изъ которыхъ каждая имѣла выходъ въ садъ. Никто за ними не слѣдовалъ. Онѣ должны были сами, положась на силу своего духа и свою свободу дѣйствій, встрѣтить ожидающія ихъ испытанія. Говорятъ, здѣсь онѣ подвергались необычайнымъ приключеніямъ. То за ними гнались и насмѣхались надъ ними мужчины, то попадались вздыхающіе почитатели въ умоляющихъ позахъ. Не одна встрѣчалась съ своимъ любовникомъ — до того призраки или привидѣнія, которые имъ попадались— имѣли поразительное сходство съ любимыми особами. Но данная присяга обязывала къ непоколебимой жестокости; должно было отталкивать и, въ случаѣ нужды, даже оскорблять дорогую тѣнь, съ рискомъ потерять навсегда обожаемый реальный предметъ. Разсказываютъ про одну изъ этихъ дамъ, которая въ экстазѣ своей добродѣтели не поколебалась попрать прелестной, но безжалостной ногой образъ, который олицетворялъ идеалъ ея помысловъ, мечту ея сердца. Всѣ строго выполнили то, что имъ было повелѣно. Новый духъ возрожденной женщины восторжествовалъ.

Съ этими нетронутыми и незапятнанными символами онѣ вошли въ полу-освѣщенную сводчатую залу, называвшуюся храмомъ, чтобы принять поздравленіе отъ Великой Мастерши. Тамъ онѣ были оставлены нѣсколько минутъ въ размышленіи. Вдругъ сводъ залы раскрылся и оттуда спустился на большомъ золотомъ шарѣ человѣкъ нагой, какъ Адамъ до грѣхопаденія, державшій въ рукахъ змѣю, надъ головою котораго свѣтилось блестящее пламя.—«Это геній Чистоты,— сказала Великая Мастерша,—я желаю, чтобы вы услышали отъ него тайны, такъ долго скрытыя отъ вашего пола. Тотъ, кто съ вами будетъ говорить, — знаменитый, безсмертный, божественный Каліостро, вышедшій изъ лона Авраама, не бывши зачатымъ, обладатель всего, что было, есть и будетъ извѣстно на землѣ».

«Дочери земли,—сказалъ Великій Коптъ,—сбросьте ваши

мірскія одежды. Если вы желаете слышать истину, покажитесь такими, какими вы есть».

Тотчасъ же Великая Мастерша, давая примѣръ, сняла свой поясъ и сбросила свои покрывала. Ея адепты, подражая ей, предстали предъ глазами небеснаго генія, если не во всей невинности, то во всей наготѣ ихъ прелестей.

Тогда, медленно обводя своимъ магнетическимъ взоромъ обнаженныхъ красавицъ, онъ сказалъ: «Дочери мои! Магія, относительно которой столько разговоровъ, въ рукахъ чистыхъ, есть не болѣе, какъ тайна творить благо человѣчеству. Магія — это посвященіе въ тайны природы и власть пользоваться этимъ сокровеннымъ знаніемъ. Вамъ не приходится сомнѣваться въ могуществѣ магіи, оно граничитъ съ невозможнымъ. То, что съ вами происходило въ саду, служитъ вамъ доказательствомъ. Каждая изъ васъ видѣла дорогого своему сердцу и разговаривала съ нимъ. И такъ не сомнѣвайтесь въ окультивныхъ наукахъ и приходите иногда въ этотъ храмъ, гдѣ вамъ будутъ разоблачаться самыя высшія знанія. Ваше первое посвященіе служитъ добрымъ предзнаменованіемъ; оно доказываетъ, что вы достойны истины. Я вамъ открою ее цѣликомъ, но постепенно. Сегодня же узнайте изъ моихъ устъ, что возвышенная цѣль египетскаго массонства, догматы котораго я вывезъ изъ глубины Востока, это—благополучіе человѣчества. Границы этого благополучія необъятны. Оно вмѣщаетъ въ себѣ наслажденія материнства, равно какъ ясность души и наслажденія интеллектуальныя. Такова цѣль. Чтобы ея достигнуть — наука намъ открываетъ тайну. Наука, открывающая законы природы, составляетъ магію. Не спрашивайте меня болѣе. Будьте счастливы, и для этого любите миръ и гармонію. Укрѣпите ваши души въ нѣжныхъ чувствахъ; любите и дѣлайте добро, остальное мелочи». Если отложить въ сторону отдѣлъ фантасмагоріи, то окажется, что въ этомъ посвященіи нѣтъ ничего, что рѣзко расходилось-бы съ нравственностью и гуманитарными идеями, бывшими въ ходу въ восемнадцатомъ столѣтіи. Но историкъ *), впрочемъ, немного скептическій, ко-

*) Маркизъ Люше.

торому мы обязаны большей частью подробностей о дѣятельности и предсказаніяхъ Каліостро въ Парижѣ, добавляетъ къ изложенному выше нѣсколько строкъ о нравственности болѣе эмансипированной.

Согласно ему, самозванный Геній Истины далъ въ заключеніе своимъ адептамъ совѣтъ отреченія отъ лживаго пола. «Пусть дружескій поцѣлуй,—сказалъ онъ заканчивая,—будетъ признакомъ того, что происходитъ въ вашихъ сердцахъ». — И Великая Мастерша объяснила имъ, что это за дружескій поцѣлуй. По окончаніи этого Геній Истины помѣстился на золотой шаръ, который, поднявшись такимъ же образомъ, какъ спустился, унесъ его съ собой въ глубину свода. Во время этого поднятія, паркетный полъ развергся и, среди разлившагося по храму свѣта, изъ подъ земли поднялся столъ богато украшенный и тонко сервированный. Ослѣпительное серебро, бывшее совсѣмъ не призрачнымъ, прелестные цвѣты, издававшіе неподдѣльное благоуханіе, блюда и изысканныя вина, услаждая чувства, вынуждали убѣдиться въ ихъ полной реальности. Въ этомъ ужинѣ, послѣдовавшемъ за посвященіемъ, не было ничего ни фантастическаго, ни лишь кажущагося, вплоть до своихъ любовниковъ, которыхъ эти дамы тамъ нашли. Ужинали весело и съ аппетитомъ. Дивертисментомъ были танцы, въ которыхъ блистали своими талантами Клоринда и Марфиса, передъ тѣмъ фигурировавшія суровыми воинами, а теперь очаровательными восточными танцовщицами, быть можетъ взятыми изъ оперы, но которыхъ считали вывезенными изъ Египта, одновременно съ тайнами Анубиса. Когда разошлись, было уже три часа утра — неопровержимое доказательство, что эмансипація женщинъ сдѣлала уже во французскомъ обществѣ извѣстный прогрессъ, еще прежде пріѣзда Великаго Копта и его компаніи.

Во время предсѣдательствованія за веселымъ ужиномъ, Лоренца сбросила съ себя знаки своего достоинства и торжественный тонъ Великой Мастерши. Прощаясь со своими прелестными гостями, она не преминула имъ сказать, что это первое посвященіе — было не болѣе, какъ забава, если исключить то, что по желанію ея благородныхъ адептовъ.

онѣ могутъ продолжать курсъ магіи; но это было сказано съ такой прелестью, что ни одна изъ гостей и не подумала нарекать, что заплатила сто луидоровъ за сеансъ бѣлой магіи. Съ этого дня графиня Каліостро, которая къ тому же была недурна собой, стала слыть за существо, преисполненное всѣхъ совершенствъ. Спорили о правильности чертъ ея лица и о томъ, черные-ли или голубые ея глаза. Въ городѣ происходили вызовы на поединокъ и въ честь Великой Мастерши изъ улицы Вертъ обмѣнивались сабельными ударами. Какъ мы упоминали, Бальзамо объявлялъ, что онъ не желаетъ заниматься медициной въ Парижѣ. Однако, ему не представилось возможнымъ быть неизмѣнно вѣрнымъ своему рѣшенію.

Тотъ уединенный и окруженный садомъ домъ, который онъ нанялъ у бульвара Темпль, въ концѣ улицы Сенъ-Клодъ и которому впослѣдствіи суждено было стать жилищемъ Барраса, первоначально былъ предназначенъ для таинственной лабораторіи, гдѣ изготовлялся его знаменитый элексиръ долгой жизни. Но ему пришлось принимать въ немъ бѣдныхъ больныхъ, умолявшихъ о помощи. Онъ пользовалъ ихъ даромъ. Онъ даже посѣщалъ трудно-больныхъ въ ихъ лачугахъ и всегда оставлялъ имъ нѣсколько денегъ. Титулованнымъ больнымъ или имѣвшимъ въ обществѣ извѣстное положеніе, онъ былъ менѣе доступенъ и соглашался посѣтить ихъ послѣ повторныхъ упрашиваній.

Обезоруженный такой скромностью и такой сдержанностью, парижскій медицинскій факультетъ, выказавшій себя такимъ враждебнымъ къ Месмеру, удовлетворился тѣмъ, что выразилъ сомнѣніе относительно излѣченій, творимыхъ Іосифомъ Бальзамо, и протестомъ въ нѣсколькихъ газетахъ о противузаконности его медицинской рактики, замѣтокъ, которыя не могли охладить энтузіазма публики къ этому сверхъестественному человѣку.

Къ тому же Каліостро представился вскорѣ счастливый случай совершить блестящее исцѣленіе тамъ, гдѣ оффиціальная медицина оказалась безсильной. Мы уже упоминали о его первыхъ сношеніяхъ съ кардиналомъ де-Роганъ. Одинъ изъ братьевъ этого князя-архіепископа, — герцогъ Субизъ былъ опасно боленъ. Иные медики опредѣлили истощеніе, другіе —

горячку; но всѣ согласились въ томъ, что дѣло безнадежно. Кардиналъ де-Роганъ хотя на себѣ и не испыталъ въ Страсбургѣ благотворныхъ результатовъ медицинскаго могущества великаго эмпирика, тѣмъ не менѣе имѣлъ къ нему неограниченное довѣріе. Поэтому онъ настойчиво просилъ его посѣтить брата, герцога Субизъ. Какъ-то онъ взялъ его въ свою карету и привезъ въ отель Субизъ, гдѣ отрекомендовалъ его медикомъ, не упоминая его имени. Такъ какъ факультетъ объявилъ больнаго безнадежнымъ, то семья представила имъ полную свободу дѣйствія. Въ комнатѣ герцога находилось лишь нѣсколько лакеевъ, когда туда вошелъ кардиналъ съ Іосифомъ Бальзамо. Когда послѣдній пожелалъ остаться съ больнымъ наединѣ — всѣ вышли. Что дѣлалъ Іосифъ Бальзамо, оставшись запертымъ съ герцогомъ? Подвергъ-ли онъ его энергической магнетизаціи или привелъ самого себя въ состояніе сомнамбулизма,—это для всѣхъ осталось неизвѣстнымъ. Во всякомъ случаѣ, послѣ часа, посвященнаго изслѣдованію или прелиминаріямъ, о которыхъ онъ никому не говорилъ, Бальзамо позвалъ кардинала и сказалъ ему: «Если моимъ предписаніямъ будутъ строго слѣдовать, то черезъ два дня его сіятельство, герцогъ Субизъ, встанетъ съ постели; черезъ девять дней онъ сможетъ выѣзжать, а черезъ три недѣли будетъ въ состояніи отправиться въ Версаль, засвидѣтельствовать свое почтеніе». Когда совѣтуются съ оракуломъ, наилучшее ему повиноваться. Кардиналъ поэтому предоставилъ себя въ распоряженіе Бальзамо, который въ тотъ же день вторично появился въ отелѣ Субизъ, на этотъ разъ со склянкой, содержавшей въ себѣ жидкость, изъ которой онъ заставилъ принять больного герцога десять капель. «Завтра,—сказалъ Бальзамо,—мы дадимъ герцогу Субизу пятью каплями менѣе; послѣзавтра онъ приметъ лишь двѣ капли этого элексира и къ вечеру встанетъ». Событія превзошли предсказанія оракула. На другой день послѣ этого посѣщенія герцогъ былъ въ силахъ принять нѣсколькихъ пріятелей. Къ вечеру онъ поднялся и прошелся по комнатѣ, весело болталъ и сидѣлъ въ креслѣ. Онъ чувствовалъ себя настолько хорошо, что даже потребовалъ себѣ крылышко цыпленка. Но въ просьбѣ его должны были отказать, такъ какъ абсолютная

діэта была однимъ изъ предписаній неизвѣстнаго доктора совершавшаго такія чудеса.

Послѣ четвертаго дня больной былъ на пути къ полному выздоровленію. Но лишь на слѣдующій день ему было разрѣшено съѣсть крылышко цыпленка. Никто въ отелѣ Субизъ еще не зналъ, что анонимный докторъ, взявшій на себя заботу о герцогѣ, былъ Каліостро. Его назвали лишь въ моментъ излѣченія, и имя это, уже столь прославленное, перестало быть синонимомъ шарлатана. Облагороженное этимъ чудеснымъ исцѣленіемъ, оно прогремѣло въ городѣ и при дворѣ, среди тысячъ восторженныхъ одобреній.

Немного времени спустя, двѣсти каретъ стояло вдоль улицы Сенъ-Клодъ. Въ Версалѣ король и королева, узнавъ пріятную новость объ этомъ неожиданномъ исцѣленіи, были очень обрадованы и прислали поздравить герцога съ его выздоровленіемъ. Это было не больше, какъ актъ этикета и поступокъ, вполнѣ естественный по отношенію къ такому знатному лицу; но онъ велъ за собой родъ оффиціальнаго признанія славы божественнаго Каліостро. Бюстъ его высѣченъ изъ мрамора, вылитъ изъ бронзы и подъ его гравированнымъ портретомъ виднѣлось слѣдующее поэтическое посвященіе:

De l'ami des humains reconnaissez les traits
Sons ses jour sont marqués par de nouveaux bienfaites
Il prolonge la vie, il secourt l'indigence
Le plaisir d'être util est sent sa recompence.

Это четверостишіе можетъ составлять pendant къ тому, которое Palissot сложилъ Месмеру *).

III.

Трапеза тринадцати.

Что же дѣлалъ факультетъ? Онъ пребывалъ нѣмымъ и безстрастнымъ при этомъ нахальномъ торжествѣ нелегальной медицины. Борьба съ Месмеромъ истощила его воинственный пылъ. Спрашиваемый объ исцѣленіи, надѣлавшемъ

---

*) Louis Figuier, Histoire de merveilleux dans les temps moderne, t. III, p. 233.

столько шуму, онъ отвѣчалъ лишь, что герцогъ Субизъ долженъ былъ выздоровѣть. Отвѣтъ не отличался силой—но, казалось, былъ удовлетворительнымъ для многихъ современниковъ, писавшихъ, что лишь натура совершила это чудо. Иные заходили даже такъ далеко, что говорили, будто герцогъ выздоровѣлъ еще раньше, чѣмъ его посѣтилъ Каліостро. Наконецъ, Гриммъ, раздѣляющій это послѣднее толкованіе, кажется, думаетъ, что Каліостро былъ еще въ Страсбургѣ, когда кардиналъ де-Роганъ пригласилъ его къ своему брату и, что ему предстояло отправиться для этого въ Парижъ, что давало достаточно времени, чтобы въ состояніи больного произошелъ счастливый переворотъ. Но Гриммъ впалъ въ заблужденіе на счетъ самаго существеннаго обстоятельства. Вполнѣ достовѣрно, что въ эту эпоху великій кудесникъ уже устроилъ свою лабораторію въ Парижѣ и, чтобы отправиться въ отель Субизъ, ему было достаточно только сѣсть въ карету кардинала. Легко усмотрѣть изъ correspondance de Grimme, что за этимъ исключеніемъ, нашъ писатель воздаетъ должное успѣхамъ и безкорыстію Іосифа Бальзамо въ дѣлѣ его медицинской практики. «Иные изъ кружка кардинала»,—говоритъ онъ—«имѣли возможность совѣтоваться съ Каліостро; совѣты его отлично помогали имъ и никогда нельзя было добиться, чтобы Каліостро принялъ что нибудь въ вознагражденіе». Касаясь таинственности, которой окружалъ свое существованіе этотъ необыкновенный человѣкъ, онъ прибавляетъ: «Подозрѣвали, что графъ былъ довѣреннымъ лицомъ того знаменитаго Сенъ-Жермена, который заставилъ столько говорить о себѣ во времена m-me Помпадуръ». Теперь думаютъ, что онъ—сынъ одного изъ директоровъ рудниковъ Лимы; несомнѣнно только, что у него произношеніе испанца и что, повидимому, онъ очень богатъ. Однажды, когда у графини де-Бріенъ къ нему пристали, чтобы онъ объяснилъ свое происхожденіе—происхожденіе существа столь удивительнаго и столь таинственнаго, онъ отвѣтилъ съ улыбкой: «все, что я вамъ могу сказать это, что я родился у Чермнаго моря и былъ воспитанъ среди развалинъ одной египетской пирамиды; оставленный тамъ моими родителями, я

былъ принятъ на воспитаніе добрымъ старцемъ; ему я обязанъ всѣмъ, что знаю» *).

Іосифъ Бальзамо былъ тогда въ зенитѣ своей славы и довѣрія. Онъ пожелалъ воспользоваться этимъ моментомъ, чтобы завершить зданіе своего египетскаго франкъ-массонства. Кандидаты въ новое массонство являлись толпами и, по большей части, это были люди со значеніемъ. Но онъ положилъ границу этому усердію строгимъ примѣненіемъ правила—«много званныхъ, но мало избранныхъ». Онъ объявилъ будущимъ адептамъ, что «можно работать лишь подъ тройнымъ сводомъ» и что онъ долженъ имѣть ни болѣе, ни менѣе тринадцати адептовъ, которые, подъ именемъ мастеровъ, собираясь въ частной трапезѣ, будутъ главными сановниками массонскаго ордена. Понятно, что эти высокія степени могутъ быть предоставлены лишь сливкамъ общества, при томъ, тѣ, кто претендуетъ на это званіе, должны удовлетворять еще и другимъ условіямъ.

«Они должны быть чисты, какъ лучи солнца», — говоритъ Гриммъ — и ихъ даже должна щадить клевета; они не должны имѣть ни женъ, ни дѣтей, ни любовницъ; владѣть состояніемъ свыше пятидесяти трехъ тысячъ ежегоднаго дохода и въ особенности обладать знаніемъ, которое рѣдко встрѣчается рядомъ со значительнымъ доходомъ». Послѣдующія событія воспрепятствовали образованію предполагаемой трапезы. Насчетъ того, что Іосифъ Бальзамо замышлялъ продѣлать съ этими тринадцатью особами благородными, просвѣщенными, холостяками или вдовцами, цѣломудренными и богатыми — намъ приходится прибѣгать къ догадкамъ. Безъ сомнѣнія, онъ бы обольщалъ ихъ проектами трансцедентальнаго франкъ-массонства, въ которомъ всѣ обряды истекали изъ сверхъестественнаго — «гдѣ были бы видѣнія и демоны и гдѣ духъ адептовъ магически уносился бы далеко отъ этой мизерной планеты, на которой мы живемъ» *). Каліостро, конечно, обѣщалъ членамъ этой

---

*) «Correspondance litteraire, philosophique et critique de Grimm et Diderot». 1785.

*) «S. B. Gourict. Personnages célèbres dans les rues de Paris,

избранной трапезы, кромѣ блаженныхъ видѣній — результата нравственнаго возрожденія человѣка, — безсмертіе или продолжительность жизни, какъ результатъ возрожденія физическаго.

Достовѣрно, что онъ утверждалъ, будто лично пользуется привиллегіей необыкновенной долговѣчности. Одно сохранившееся любопытное произведеніе, хотя, очевидно, сатирическое, можетъ нѣсколько пролить свѣтъ на это обстоятельство; произведеніе это озаглавлено: — «Секретъ возрожденія или физическое усовершенствованіе, при помощи котораго можно достигнуть возраста 5557 лѣтъ. (Страховое бюро Великаго Каліостро»).

«Желающій достигнуть такого совершенства долженъ каждые пятьдесятъ лѣтъ въ майское полнолуніе отправиться съ пріятелемъ въ деревню; тамъ, замкнувшись въ комнатѣ съ альковомъ, подвергнуться самой строгой діэтѣ, принимая какъ можно менѣе пищи, именно: слабаго бульона, нѣжныхъ овощей, слегка возбуждающихъ и послабляющихъ, и для питья употребляя дистиллированную или майскую дождевую воду. Должно начинать сперва съ жидкой пищи или напитка и оканчивать твердой, которая можетъ состоять изъ бисквита, или корочки хлѣба. На семнадцатый день послѣ небольшого кровопусканія слѣдуетъ принять извѣстныя бѣлыя капли, шесть утромъ и шесть вечеромъ, усиливая пріемъ двумя каплями въ день до тридцать второго дня. За симъ, вскорѣ послѣ захода солнца, сдѣлать снова легкое кровопусканіе. Слѣдующій день нужно лечь въ постель срокомъ на сорокъ дней и принять одно зерно первичной матеріи. Это то самое зерно, которое создалъ Богъ, чтобы сдѣлать человѣка безсмертнымъ и знаніе о которомъ человѣкъ утратилъ послѣ грѣхопаденія; возобновить это знаніе человѣкъ можетъ лишь по особой милости Предвѣчнаго и за заслуги массонству. Послѣ пріема паціентъ теряетъ на трое сутокъ сознаніе и даръ слова и во время конвульсій онъ претерпѣваетъ сильную испарину и

---

depuis une haute antiquité jusqu'a nos jours». Paris 1811, in—8, t. I, p. 260.

выдѣленія. Послѣ того, какъ паціентъ придетъ въ себя и постель его будетъ перемѣнена, его слѣдуетъ подкрѣпить бульономъ изъ фунта нежирнаго мяса, свареннаго съ возбуждающими травами. Если это ебо хорошо подкрѣпитъ, то на другой день ему нужно дать еще зернышко, которое, кромѣ описанныхъ выше симптомовъ, вызоветъ у него сильную горячку съ бредомъ, во время которой у него слупится кожа, выпадутъ волоса и зубы. На слѣдующій день, тридцать пятый по счету, если паціентъ будетъ въ силахъ, онъ приметъ ванну, которая должна быть не очень горячая и не очень холодная. На тридцать шестой день ему нужно дать въ рюмкѣ стараго и крѣпкаго вина третье и послѣднее зернышко первичной матеріи. Послѣдствіемъ этого будетъ спокойный и пріятный сонъ; въ это время у него начнутъ отростать волоса, прорѣзываться зубы и возобновляться кожа. Когда онъ придетъ въ себя, слѣдуетъ снова сдѣлать ванну изъ ароматическихъ травъ, а въ тридцать восьмой день ванну изъ обыкновенной воды. Послѣ ванны онъ долженъ одѣться, сдѣлать моціонъ по комнатѣ. Въ тридцать девятый день дать ему десять капель бальзама великаго учителя въ двухъ ложкахъ краснаго вина, и въ сороковой онъ выйдетъ вполнѣ помолодѣвшимъ и совершенно возрожденнымъ.

«Нужно добавить, что какъ первый, такъ и второй методъ *) одинаково примѣнимы, какъ для мужчинъ, такъ и для женщинъ, а что касается возрожденія физическаго, то усмотрѣнію каждаго представляется, удалиться ли въ горы, или на равнину, но непремѣнно въ обществѣ пріятеля, на которомъ будетъ лежать обязанность оказывать ему необходимую помощь, особенно во время кризиса тѣлеснаго цѣленія» **).

Что бы тамъ не говорили относительно подлинности этой выдержки, но вѣрно, что Каліостро говорилъ о своемъ рецептѣ для физическаго возрожденія съ убѣдительностью че-

---

*) Выше указанъ лишь одинъ методъ, другой, котораго мы не имѣемъ, конечно, относится къ нравственному возрожденію.

**) Gouriet. Personages célèbres dans les rues de Paris t. I.

ловѣка, нѣсколько разъ испытавшаго его на себѣ самомъ. Въ Malade imрinaire, когда молодая и игривая служанка Аріана появляется передъ своимъ хозяиномъ переодѣтой докторомъ и когда, желая ему доказать примѣромъ преимущество лѣченія, которое она назначила, она, не колеблясь, приписываетъ себѣ девяностолѣтній возрастъ, многіе пытались находить возрастъ этотъ преувеличеннымъ даже для комическаго шаржа. Каліостро считалъ его слишкомъ скромнымъ для театра, въ которомъ лицедѣйствовалъ и давалъ себѣ возрастъ сказочный, неслыханный; туманная даль, въ которой онъ скрывалъ свое рожденіе, не поддавалась исчисленію. Иногда даже, прискучивъ считать себя только безсмертнымъ, онъ хотѣлъ заставить вѣрить, что онъ превѣчный и, копируя слова Евангелія, гдѣ Іисусъ Христосъ говоритъ о своемъ божественномъ происхожденіи, онъ выражался: я есмь тотъ, Кто есть: Ego sum, qui sum.

Порой, этотъ великій кудесникъ любилъ пошутить на счетъ своихъ лѣтъ, и эксцентричности, которыя при этомъ онъ себѣ дозволялъ, ни мало не подрывали довѣрія къ нему. Разсказываютъ, что однажды, проходя картинной галлереей Лувра, онъ остановился передъ величественнымъ «Снятіемъ со Креста» Жувене и принялся плакать. Такъ какъ не было ни малѣйшихъ поводовъ отнести его слезы артистическому волненію, нѣкоторые съ любопытствомъ спросили о причинѣ его горя... Но онъ молчалъ...

У Бальзамо былъ слуга или управляющій, который своимъ загадочнымъ молчаніемъ прелестно гармонировалъ съ хозяиномъ и который, когда рѣшался говорить, обнаруживалъ не меньшую силу, чѣмъ и его господинъ. Въ Страсбургѣ Г. д'Аннибаль, нѣмецкій аристократъ, однажды схватилъ его за ухо и тономъ, наполовину сердитымъ, наполовину шутливымъ, сказалъ: «На этотъ разъ, плутъ, ты скажешь мнѣ, сколько на самомъ дѣлѣ лѣтъ твоему господину!».

Слуга принялъ мину человѣка сосредоточеннаго и размышляющаго; минуту спустя, подобно старику тщательно перерывшему у себя въ памяти отвѣтилъ.—«Выслушайте меня, я не въ состояніи былъ бы сказать вамъ, сколько

лѣтъ господину графу. Это мнѣ неизвѣстно. Для меня онъ всегда былъ такимъ, какимъ онъ теперь для васъ: молодымъ весельчакомъ, любящимъ выпить и спящимъ, какъ убитый. Могу вамъ только сказать, что я состою у него на службѣ со времени упадка римской республики. Мы окончательно условились относительно жалованья въ тотъ самый день, когда Цезарь былъ убитъ въ Сенатѣ».

Привиллегіи и драгоцѣнные дары, бывшіе приманкой для будущихъ членовъ «трапезы тринадцати» были такъ соблазнительны, что число избранныхъ казалось слишкомъ ограниченнымъ для кандидатовъ къ избранію, воодушевленныхъ программой. Одинъ изъ наиболѣе усердныхъ послѣдователей герцогъ де *** осмѣлился сдѣлать на этотъ счетъ замѣчанія Великому Копту. Сколько людей,—сказалъ онъ,—которымъ вамъ будетъ невозможно отказать въ этомъ высокомъ чинѣ, получить который они имѣютъ права! Какъ вы не примете совѣтника парламента, который магнетизируетъ, какъ Месмеръ и который разгромилъ приговоръ палаты, направленный противу медиковъ-новаторовъ! Какъ откажете вы герцогу Ш., который дѣлаетъ золото, желудочные элексиры и тинктуры, при помощи которыхъ старикъ этотъ успѣшно борется съ дряхлостью? Что отвѣтите вы графинѣ М., которая, окончивъ курсъ у Демаки, устроила у себя лабораторію, гдѣ заставляетъ работать свою женскую прислугу, своего кучера, садовника, повара и даже поваренка. А предсѣдатель V, который на своемъ креслѣ, украшенномъ королевскими лиліями, мечтаетъ объ алхиміи? Что же? Отвергнете вы его?

Хватитъ ли у васъ силы не допустить въ первые ряды знатнаго принца, адмирала, архитектора и банкира, распорядителя спектаклей, ведущаго большую игру, законодателя модъ, славнаго своими лошадьми, праздниками и философскимъ воспитаніемъ, которое онъ далъ своимъ дѣтямъ? Вамъ будетъ невозможно отказать людямъ, имѣющимъ такой титулъ и такое вліяніе. Вы будете вышиблены съ вашей позиціи. Увеличьте, увеличьте трапезу. «Іосифъ Бальзамо не сдался на эти увѣщанія, хотя и сознавалъ всю ихъ силу, Въ то время, когда онъ колебался, откладывалъ, желая,

какъ говорилъ онъ, дать себѣ время на размышленіе,— произошло событіе, которое оборвало его размышленія и съ силой перенесло интересъ публики на предметъ совсѣмъ другого рода. Парижу не удалось имѣть своей египетской трапезы, но Франція получила драму, въ которой Каліостро помимо воли, долженъ былъ принять роль, приведшую его къ паденію, такъ какъ для него эта роль была ролью простого статиста. Въ дѣлѣ смѣлости всѣ актеры этой драмы оказались сильнѣе его.

IV.

Дѣло объ ожерельи.

Вслѣдствіе ли супружеской покорности или вслѣдствіе уговора съ мужемъ, Лоренца Феличіани полагала всю свою славу въ томъ, чтобы стушевываться передъ нимъ. Чтобы заставить толпу преклоняться передъ божественнымъ человѣкомъ, съ которымъ она была связана, Лоренца сама преклонялась предъ нимъ и болѣе смиренно, чѣмъ кто бы то ни было; она держала себя въ почтительномъ отдаленіи отъ его олимпійскаго чела, совершенно счастливая, если порой затерявшійся лучъ этого свѣтлаго чела проникнетъ туда, гдѣ она была скрытой. Мы видѣли ее въ Страсбургѣ занятой тѣмъ, что она приводила въ порядокъ и одѣвала голубей, прислуживавшихъ при операціяхъ великаго копта. Подобными же низменными заботами ограничивалось обыкновенно ее участіе въ чудесныхъ дѣлахъ ея мужа. Лоренца устроила себѣ существованіе уединенное, въ нѣкоторомъ родѣ монастырское. Ее можно было видѣть лишь въ извѣстные часы и извѣстнымъ избраннымъ особамъ, передъ которыми все же она появлялась въ обаятельныхъ костюмахъ. Таковъ былъ долгое время обычный образъ жизни Лоренцы въ Парижѣ. Но послѣ мастерской продѣлки съ магическимъ ужиномъ тридцати шести важныхъ дамъ, по сто луидоровъ съ лица, принесшимъ почтенный кушъ въ 86,400 ливровъ, было бы противно разумной домашней экономіи не предоставить немного болѣе простора дѣйствій для очаровательныхъ дарованій Лоренцы. Измѣненіе это было

неизбѣжнымъ послѣдствіемъ той знаменательной сцены, въ которой Лоренца обнаружила столько таланта.

Послѣ фантасмагоріи улицы Вертъ и ужина, послѣдовавшаго за сеансомъ бѣлой магіи, великая мастерша вступила на путь извѣстности и славы, которыми до сихъ поръ исключительно пользовался Каліостро. Красота ея служила предметомъ толковъ при дворѣ и въ городѣ; тридцать шесть дамъ, сами бывшія красивыми и занимавшія высокое положеніе въ обществѣ, озаботились засыпать ее похвалами; ставши, благодаря этимъ достойнымъ покровительницамъ, предметомъ всеобщаго любопытства, Лоренца Феличіани вскорѣ узрѣла свой кружокъ расширившимся; но не всегда умѣла сдѣлать обдуманный выборъ между столькими окружавшими ее новыми пріятелями. За женщинами пробрались мужчины и нашлись между ними такіе, которые дерзнули говорить ей о своей любви. По этому предмету хроника страдаетъ неопредѣленностью. Почти навѣрное, между этими вздыхателями Лоренца отдавала предпочтеніе одному молодому и красивому господину по имени Шевалье д'Оаземонъ. Но до какой мѣры доходило это предпочтеніе, хроника, вспомоществуемая самыми злыми языками, не даетъ точнаго указанія,—неполнота, чрезвычайно досадная въ вопросѣ, гдѣ точность составляетъ все. Разсказываютъ, однако, о такихъ многозначительныхъ признакахъ, какъ то, что у Бальзамо, первый разъ въ жизни, явились припадки ревности. Мы, знающіе его характеръ лучше, чѣмъ могутъ пока знать наши читатели,—полагаемъ самое большее, что онъ притворялся. Та же хроника утверждаетъ, что въ эту эпоху, онъ отсутствовалъ изъ Парижа, что плохо мирится съ ревностью.

Какъ бы то ни было, но во время отсутствія Іосифа Бальзамо, бывали свиданія между Лоренцой и прекраснымъ шевалье д'Оаземонъ. Однажды, во время tête à tête ихъ накрыла новая знакомая Лоренцы, нѣкая Ла-Моттъ и по смущенію догадалась о страсти, которую они не пытались скрыть. — Мнѣ извѣстна ваша тайна, — сказала Лоренцѣ г-жа Ла-Моттъ, когда шевалье удалился,—я не употреблю ее во зло, но за свое молчаніе я ставлю вамъ условіе: вы

мнѣ поможете у вашего мужа; вы употребите всевозможное стараніе, чтобы я сдѣлалась другомъ дома и имѣла къ вамъ свободный доступъ. Наконецъ, вы поведете дѣло такъ, чтобы Каліостро, если мнѣ это понадобится, предоставилъ бы въ мое распоряженіе свои чудесныя знанія и свое умѣнье». Подобное обязательство могло завести далеко, но Лоренца — несомнѣнно она была преступна или на пути къ тому — неосторожная Лоренца обѣщала все, что отъ нея желали и съ этого момента она продалась дьяволу. Эта Ла-Моттъ поистинѣ была исчадіемъ ада. Появившись неизвѣстно откуда, воспитанная попеченіемъ одного благороднаго семейства, она заявляла претензіи на принадлежность къ славному роду графовъ Сенъ-Реми Валуа. Ей вѣрили на слово въ томъ двусмысленномъ кружкѣ, который въ наше время называли бы демимондомъ. Въ высшемъ же обществѣ, гдѣ она начинала показываться, относились снисходительно къ ея похваламъ о томъ, что въ ея жилахъ течетъ королевская кровь. Эта претендентша на родство съ Валуа была, главнымъ образомъ, смѣлая интригантка. Судьба столкнула ее съ рыцаремъ индустріи, который, женившись, доставилъ ей титулъ графини. Эта прекрасно подобранная чета жила плутнями. Постоянно въ погонѣ за глупцами, постоянно выискивая простаковъ, на счетъ которыхъ можно было бы поживиться, они принадлежали къ составу тайной шайки мошенниковъ, наводнявшихъ въ то время столицу. Она была введена и скоро стала своимъ человѣкомъ въ домѣ Бальзамо, гдѣ можно было узнать многое, встрѣтить многихъ и подготовить какое-нибудь крупное злодѣяніе. Занявъ такимъ образомъ положеніе у Каліостро, Ла-Моттъ начала ткать свои интриги, зорко слѣдя за происходящимъ вокругъ и на чеку воспользоваться подходящимъ случаемъ. Работы пришлось ожидать не долго.

Она была уже знакома съ кардиналомъ де-Роганъ. Сношенія ея съ его эминенціей, натурально, стали чаще въ салонахъ Іосифа Бальзамо. Послѣ излѣченія герцога Субиза, Роганы принадлежали всей душой Бальзамо, точно такъ же, какъ послѣдній подъ вліяніемъ Лоренцы, долженъ былъ принадлежать госпожѣ Ла-Моттъ. Въ короткое время интригантка успѣла войти въ полное довѣріе кардинала, который

не побоялся повѣрить ей нѣсколько секретовъ и, между прочимъ, о нерасположеніи къ нему Маріи-Антуанеты, которое ему не удается побѣдить никакими знаками уваженія и преданности. Его обязанность великаго милостынераздавателя, дающая ему такой частый доступъ къ королевской четѣ, доставляла ему лишь частые случаи убѣдиться, до какой степени онъ не любъ. Это нерасположеніе королевы къ кардиналу де-Роганъ было фактомъ дѣйствительнымъ и, быть можетъ, единственнымъ вѣрнымъ изъ всего, что разсказывалось объ отношеніяхъ королевы къ принцу де-Роганъ. Многіе авторы относятъ начало этой антипатіи къ эпохѣ бракосочетанія Маріи-Антуанеты, т. е. ко времени, когда де-Роганъ, бывшій въ Вѣнѣ французскимъ посланникомъ и однимъ изъ красивѣйшихъ людей своего времени, слылъ человѣкомъ, пользующимся особыми милостями австрійской императрицы, суровой Маріи-Терезіи. Сохранила ли молодая эрцгерцогиня, дочь Маріи-Терезіи, нѣкоторое нерасположеніе изъ-за этой интимности, злостно истолковываемой общественнымъ мнѣніемъ, или она была оскорблена какими-нибудь притязаніями на собственную особу? Мы не имѣемъ намѣренія разрѣшать задачъ секретной исторіи дворовъ. Между многими догадками, болѣе или менѣе смѣлыми, мы выбрали двѣ предыдущія и предоставляемъ читателю избрать любую, если только онъ не предпочтетъ объяснить дѣло болѣе просто,—естественной антипатіей, существующей между этими двумя людьми. Несомнѣнно, что эрцгерцогиня, ставши французской королевой, постоянно оказывала очень мало расположенія къ тому, заслуги котораго высоко цѣнились ея матерью.

Въ то самое время, когда кардиналъ изливалъ свои огорченія передъ Ла-Моттъ, имя королевы произносилось съ восторгомъ всѣми,—по случаю дѣйствительно похвальнаго поступка, хотя бы даже допустить, что онъ былъ внушенъ тонкой политикой.

1786 годъ начался при самыхъ печальныхъ предзнаменованіяхъ. Въ первыхъ числахъ мая не хватало хлѣба въ большей части провинціи; благодаря спекуляціи, нужда скоро превратилась въ голодъ. Продовольствіе Парижа не могло быть обезпечено ни строгими, но запоздавшими мѣрами, ко-

торыя Людовикъ XVI принялъ противъ барышниковъ, нѣ нѣкоторыми личными жертвами, которыя онъ на себя принялъ. Съ начала своего царствованія, онъ ввелъ мудрыя реформы въ бюджетѣ двора; но государство было съиздавна обременено долгами, лишено кредита, и королевская касса, на которой неизбѣжно отражалось состояніе финансовъ государства, откуда она черпала свои рессурсы, ставила благотворительность короля въ тѣсныя рамки.

Недостатокъ денегъ былъ такъ великъ, что въ первыхъ числахъ мая этого года королева, пріобрѣвшая нѣсколько бриллiантовъ для пополненія своей коллекціи, должна была разсрочить уплату. Говорили при этомъ, что искренно сочувствуя духу реформъ и экономіи, одушевлявшимъ короля, она взяла съ него слово не покупать ей никакихъ драгоцѣнностей.

Эта умѣренность, гармонирующая съ господствующими взглядами, нравилась философамъ и публикѣ; но она не была на руку придворному ювелиру. Ювелиръ этотъ, Бёмеръ, смѣлый спекулянтъ, участвовавшій въ крупныхъ аферахъ, какъ разъ въ эту эпоху имѣлъ на рукахъ значительные запасы бриллiантовъ, которые онъ закупилъ въ надеждѣ жестоко провести экономный дворъ. Ему предстояло или продать свои бриллiанты, или обанкрутиться.

Онъ зналъ слабость Маріи-Антуанеты къ бриллiантамъ. Въ числѣ тѣхъ, которые въ своихъ тщетныхъ надеждахъ онъ собралъ съ большими издержками, находились прелестные, чистой воды и ослѣпительнаго блеска. Съ толковымъ выборомъ онъ составилъ изъ нихъ, употребивъ для этого все свое искусство, то украшеніе, истинно королевское и даже для того времени, болѣе чѣмъ королевское, которое, подъ именемъ ожерелья, сохранило въ исторіи скандалезную извѣстность.

Цѣна этого чуда доходила до шести сотъ тысячъ франковъ. Бёмеръ показалъ его однажды старшему камеръ-юнкеру. Тотъ разсказалъ о немъ королю, который, какъ увѣряютъ, повидимому, готовъ былъ уступить. Можетъ быть онъ притворялся, чтобы предоставить королевѣ честь отказа. Такъ она и поступила, сопровождая свой отказъ словами

заслуживающими того, чтобы ихъ повторить, какъ онѣ скоро и повторялись всѣми устами. «За цѣну этого ожерелья можно было бы построить корабль для нуждъ короля и государства». Спроваженный Бёмеръ не считалъ своего дѣла проиграннымъ. Нѣсколько недѣль спустя онъ явился къ королевѣ съ своей коллекціей и тамъ, присоединяя къ очарованію драматизмъ, бросился къ ногамъ королевы, плача, приходя въ отчаяніе и увѣряя, что онъ будетъ разоренъ, если у него не купятъ его ожерелья. Онъ даже грозилъ, что бросится въ Сену. Королева взволнованнымъ, но строгимъ голосомъ отвѣтила:—«Встаньте, господинъ Бёмеръ. Я не люблю подобныхъ выходокъ; честные люди не имѣютъ надобности просить на колѣняхъ. Мнѣ будетъ очень жаль, если вы лишите себя жизни, но виновницей этого несчастія буду не я. Не только я не заказывала вамъ брилліантоваго ожерелья, но всякій разъ, когда вы предлагали мнѣ новыя украшенія, я вамъ повторяла, что не прибавлю и четырехъ брилліантовъ къ тому, что у меня есть. Я отказалась отъ этого ожерелья. Король желалъ мнѣ его дать; но я поблагодарила. Постарайтесь раздѣлить ожерелья и продать по частямъ. Я очень недовольна, что вы позволили себѣ подобную сцену при мнѣ и этомъ ребенкѣ (она указала на дочь). Пусть это впередъ не повторится. Идите!»

Послѣ этой неудачи Бёмеръ понялъ, что всякая новая попытка, прямая, будетъ ему стоить потери званія придворнаго ювелира. Поэтому онъ направился въ другую сторону. Онъ обратился съ предложеніемъ къ нѣсколькимъ европейскимъ дворамъ, но удачи ему и здѣсь не было.

Чтобы заставить королеву позабыть непріятную сцену, между окружающими распространили слухъ, что ожерелье куплено для султана. При томъ, такъ какъ Бёмеръ не бросился въ воду, то Марія-Антуанета имѣла право безъ помѣхи наслаждаться славой отказа, доставившаго ей такую пріятную популярность.

На свѣтѣ, однако, нашлась особа, которая не хотѣла допустить, чтобы подобная слава была свободна отъ горечи. Она полагала, что женщина, хотя бы и королева, отказывающаяся отъ украшенія, стоющаго шестьсотъ тысячъ фран-

ковъ, одерживаетъ такую горестную побѣду, такую не натуральную, что никогда не слѣдуетъ признавать ее окончательной.

Философкой этой была Ла-Моттъ, и кардиналъ де-Роганъ слушалъ ее очарованный. Онъ былъ пораженъ глубиной ея философіи, по истинѣ адской. Онъ не могъ отдѣлаться отъ мысли, что Марія-Антуанета, слабость которой къ брилліантамъ онъ хорошо зналъ, была бы менѣе мужественна, не будь тутъ замѣшано денежнаго вопроса, который заставилъ ее примириться съ судьбою. Но что значило его мнѣніе, основательное ли или неосновательное, послѣ подобнаго поступка, невозможнаго даже быть, какъ слѣдуетъ оцѣненнымъ, потому, что денежный вопросъ...

Но подождемъ послѣдствій замысловъ Ла-Моттъ, которая не предавалась чисто умозрительной философіи. Нѣсколько дней спустя, послѣ этого разговора, она розыскала кардинала и съ видомъ участливаго друга, принесшаго добрую вѣсть, сказала ему:—«Ну-съ, монсеньоръ, вотъ прекрасный случай, случай единственный, примириться вамъ съ ея величествомъ королевой, пріобрѣсть ея довѣріе и даже благоволеніе». Удивленный этимъ началомъ, кардиналъ попросилъ объясниться обстоятельнѣе. Она посвятила его въ приключеніе съ ожерельемъ и, съ неподражаемымъ искусствомъ сочинивъ исторію, успѣла убѣдить кардинала, что королева не отказалась отъ мысли пріобрѣсть это чудное ожерелье; но, не желая обремѣнять королевской казны такой дорогой покупкой, она составила проэктъ покрыть расходъ по частямъ, изъ своихъ сбереженій. «Лишь бы»—прибавила Ла-Моттъ—отыскать какое-нибудь знатное лицо, которое согласилось бы принять на себя поручительство за ея величество и которое достаточно внушало бы довѣрія ювелиру, чтобы онъ выдалъ брилліанты».

Говоря это, она смотрѣла на кардинала, у котораго голова пошла кругомъ. Его суетность, какъ человѣка, была безграничной; но въ этомъ случаѣ достаточно было и одной суетности де-Рогана. Онъ былъ помѣшанъ на славѣ этого имени, особое величіе котораго давало тѣмъ, кто его носитъ, претензію занимать особое положеніе при королѣ, и карди-

налъ говорилъ себѣ, что лишь одинъ де-Роганъ можетъ оказать услугу королевѣ, не оскорбляя ее этимъ. Перейдя отъ экзальтаціи къ нѣжности, онъ назвалъ Ла-Моттъ своимъ ангеломъ-благодѣтелемъ, прибавивъ, что отдаетъ въ ея распоряженіе все свое состояніе. Ему слѣдовало сказать «свой кредитъ», потому, что при всей своей знатности, кардиналъ де-Роганъ всегда такъ тщательно заботился, чтобы не нарушить равновѣсія между своими расходами и своими доходами, (бывшими, однако, весьма значительными) что денежный вопросъ былъ для него тоже вопросомъ. На этотъ разъ дѣло шло о шестистахъ тысячахъ ливровъ! Ла-Моттъ сообщила ему планъ, составленный заблаговременно и устранявшій всѣ затрудненія. Она убѣдила де-Рогана, что имѣетъ тайныя сношенія съ королевой по нѣкоторымъ служебнымъ дѣламъ. При первомъ же свиданіи съ королевой, она ей передастъ, что кардиналъ готовъ къ ея услугамъ. Со своей стороны кардиналъ согласится дать Бёмеру за королеву поручительство и вручить ему срочные векселя на сумму стоимости ожерелья. Отъ королевы же онъ возьметъ росписки, что къ сроку каждаго векселя получитъ черезъ Ла-Моттъ соотвѣтственную сумму: это деньги вѣрныя. Де-Роганъ призналъ эту комбинацію очень удачной. Благополучіе, которымъ поманилъ кардинала его ангелъ, еще усилилось увѣреніемъ, что не пройдетъ и трехъ дней, какъ Ла-Моттъ получитъ частную аудіенцію у королевы и передастъ ей всю эту комбинацію. Одурачивъ его такимъ манеромъ, наша интриганка отправилась выполнять другую часть плана, задуманнаго со смѣлостью и изобрѣтательностью по-истинѣ дьявольскими. Прежде всего скажемъ, что цѣлью Ла-Моттъ, какъ можно было предположить, было вовсе не желаніе прикарманить деньги или одинъ изъ векселей, подписанныхъ на Бёмера и скрыться, удовольствовавшись этимъ. Она не начинала игры съ той мизерной амбиціей, которая удовлетворяется частью, когда можно, при нѣкоторомъ рискѣ, получить все. Она мѣтила на самое ожерелье. Поэтому дѣло шло о томъ, чтобы ожерелье перешло въ ея руки посредствомъ махинаціи, которая требовала помощи и содѣйствія нѣсколькихъ помощниковъ.

Теперь намъ предстоитъ вывести изъ тѣни, гдѣ они до

сихъ поръ находились, двухъ субъектовъ, которые по своему специальному искусству и по близости съ Ла-Моттъ потребовались прежде всего для приведенія въ дѣйствіе ея предпріятія такъ же, какъ, безъ сомнѣнія, совмѣстно съ ними она первоначально была задумана. Прежде всего это—ея мужъ, графъ Ла-Моттъ, отъявленный плутъ, въ качествѣ чего пользовавшійся большимъ почтеніемъ въ шайкѣ мошенниковъ, къ которой онъ принадлежалъ. Затѣмъ — нѣкто Вилеттъ, изъ той же шайки, другъ Ла-Мотта, не менѣе ловкій плутъ, особенно опытный въ поддѣлкѣ подписей. Ему скоро представился случай примѣнить свой талантъ. Четыре или пять дней спустя послѣ приведеннаго нами разговора, Ла-Моттъ, сіяющая, отыскала кардинала и вручила ему записку, которую кардиналъ безъ колебанія призналъ писаною рукой Маріи-Антуанеты: это было принятіе любезной услуги де-Рогана и уполномочіе купить ожерелье за спеціальный счетъ королевы на предложенныхъ условіяхъ. Кардиналъ тотчасъ же послалъ за Бёмеромъ. Продолжая находиться въ затрудненіи со своимъ ожерельемъ, тотъ охотно согласился на предложенное ему поручительство. Дѣло было на ходу, когда малодушіе кардинала на время его пріостановило. Прежде чѣмъ двинуться далѣе, онъ пожелалъ посовѣтоваться съ божественнымъ Каліостро. Нашъ авантюристъ, который, безъ сомнѣнія, кое-что уже пронюхалъ, пытался устраниться отъ этого испытанія. Приглашенный къ его Эминенціи онъ дерзко отвѣтилъ:— «Если кардиналъ боленъ—пусть пожалуетъ, и я его вылѣчу. Если же онъ здоровъ, то ни онъ во мнѣ не нуждается, ни я въ немъ». Кардиналъ ни оскорбился, ни огорчился этимъ отвѣтомъ. Онъ сдѣлался только болѣе настойчивымъ. Становилось необходимымъ доставить Каліостро, и обѣ женщины сговорились принудить взбунтовавшагося Протея нарушить свое молчаніе въ ихъ пользу. Совѣщаніе происходило въ комнатѣ отеля де-Роганъ за семью запорами, почью, въ присутствіи трехъ или четырехъ скромныхъ адептовъ, посвященныхъ въ тайны кабалистической философіи и при обычной помощи голубей. Въ странномъ, но великолѣпномъ костюмѣ, великій магъ подходилъ и всматривался внимательнымъ взоромъ въ жидкость, кипящую въ золотомъ сосудѣ.

Окончивъ это, Бальзамо, казалось, сосредоточился, затѣмъ, вдругъ воодушевившись и какъ бы сильно взволнованный тѣмъ, что увидѣлъ, онъ прорекъ:—«Предпринятое герцогомъ дѣло достойно его. Онъ будетъ имѣть полный успѣхъ, оно преисполнитъ благополучіемъ великую королеву и освѣтитъ благодатный день, когда французское королевство будетъ пользоваться безпримѣрнымъ процвѣтаніемъ подъ сѣнью талантовъ и могущества Людовика де-Роганъ».

Каліостро не трудился умѣрять свою лесть. Онъ зналъ своего простофилю и ему было извѣстно, что нельзя было предсказать ничего черезъ мѣру блестящаго этому довѣрчивому и тщеславному человѣку.

Предсказаніе происходило 29 января. На слѣдующій день кардиналъ получилъ въ обмѣнъ за подписанные имъ векселя ларецъ, заключающій въ себѣ драгоцѣнные бриліанты, которые не замедлили перейти въ руки Ла-Моттъ.— «Королева намѣрена,—сказала ему интриганка,—надѣть первый разъ это украшеніе въ праздникъ Срѣтенія. Марія Антуанета,—добавила она,—находящаяся теперь въ Тріанонѣ, должна прислать за брилліантами ко мнѣ въ Версаль».

Всему этому кардиналъ повѣрилъ. Къ тому же Ла-Моттъ предложила ему лично отправиться въ Версаль, чтобы быть свидѣтелемъ передачи ларца довѣренному лицу ея величества. Кардиналъ не преминулъ въ назначенный часъ явиться на свиданіе. Это было для него началомъ высшаго блаженства. Ла-Моттъ взяла изъ его рукъ драгоцѣнный ларецъ и поставила его на столъ. Что касается кардинала, его спрятали, какъ влюбленнаго, въ сосѣдній кабинетъ со стеклянной дверью такимъ образомъ, что онъ могъ слышать все происходившее. Черезъ нѣсколько минутъ провозглашено было громкимъ голосомъ: «отъ королевы». И счастливый кардиналъ былъ свидѣтелемъ, какъ Ла-Моттъ взяла ящикъ и вручила его вошедшему безмолвному субъекту, въ которомъ онъ положительно призналъ лакея, прислуживающаго въ Тріанонѣ. Лишь человѣкъ, очарованный любовью, или Каліостро могъ обладать такимъ сверхъесте-

ственнымъ даромъ прозрѣнія. Праздникъ Срѣтенья приходился на завтра. Можно судить, съ какой плачевной разсѣянностью кардиналъ де-Роганъ, бывшій, какъ мы сказали придворнымъ великимъ милостераздавателемъ, исполнялъ свою службу, не видя на шеѣ королевы великолѣпнаго украшенія. Никакого ожерелья ни во время выхода, ни вечеромъ, ни во время обѣдни. Къ довершенію огорченія, кардиналу показалось, что Марія Антуанета обращалась съ нимъ даже съ большей холодностью, чѣмъ обыкновенно. Это была загадка, которую онъ не могъ понять. Онъ полетѣлъ къ Ла-Моттъ, которая нисколько не затруднялась пріискать для него успокоительныя объясненія.

— Развѣ у васъ нѣтъ, монсиньоръ,—отвѣтила она,—письма Маріи Антуанеты, въ которомъ она соглашается принять ваше посредничество и которое обезпечиваетъ вамъ ея признательность?! Чего вы съ этимъ боитесь? Чтобы не вызвать удивленія, королева постепенно дойдетъ до перемѣны тона и обращенія съ вами. Она слишкомъ осторожна, чтобы круто измѣнится. Это вызвало бы всеобщее удивленіе и подало бы поводъ къ тысячѣ догадокъ, одна хуже другой!

Удовлетворенный этимъ объясненіемъ, кардиналъ удалился, оставивъ Ла-Моттъ менѣе спокойной, чѣмъ ушелъ онъ.

Въ самомъ дѣлѣ, она понимала, что со временемъ самые лучшіе резоны будутъ дурными. Нужно-ли говорить, что въ это время ожерелье путешествовало далеко отъ Тріанона, въ рукахъ двухъ ловкихъ плутовъ, изъ которыхъ одинъ имѣлъ дерзость придти и взять его въ глазахъ кардинала. Какъ только Вилеттъ, мнимый лакей королевы, завладѣлъ драгоцѣнностью, онъ поспѣшилъ присоединиться къ Ла-Мотту и оба немедленно отправились по пути въ Англію, гдѣ предполагали раздѣлить ожерелье и продать брилліанты. Они употребили многіе мѣсяца на это дѣло, не легкое само по себѣ и сопряженное съ опасностью; въ теченіи этого времени ихъ пособница, оставаясь въ Версалѣ, несла на себѣ одной все бремя совершеннаго преступленія, постоянно рискуя быть разоблаченной.

Было бы задачей, ставящей въ тупикъ самаго искустнаго разсказчика, передать, какіе ресурсы воображенія и смѣлости она должна была пускать въ ходъ, развлекая кардинала, чтобы отдалить роковой моментъ.

Наконецъ, настало время, когда кардиналу надоѣло развлекаться. Онъ нашелъ, что королева скрытничаетъ черезъ мѣру. Не только она упрямится надѣвать брилліанты, которые такъ долго и страстно желала имѣть, но и по прежнему относится къ нему съ той же сдержанностью, съ той же холодностью и даже пренебреженіемъ. А между тѣмъ обстоятельство критическое—срокъ перваго векселя Бёмеру истекаетъ. Ла-Моттъ отлично видѣла, что безъ новыхъ писемъ отъ Маріи Антуанеты ей будетъ невозможно успокоить кардинала. Но мастеръ своего дѣла, въ которомъ она нуждалась, былъ въ Лондонѣ; она писала ему со всякой почтой и звала его въ выраженіяхъ, которыя были истинными криками отчаянія.

Наконецъ, Вилеттъ появился. Онъ принялся за работу съ присущимъ ему умѣніемъ. Вскорѣ кардиналъ имѣлъ возможность вторично узнать королевскую руку Маріи Антуанеты, въ новомъ письмѣ, чтеніе котораго растрогало его до слезъ, но которое не заключало въ себѣ ни малѣйшаго намека на обѣщанныя триста тысячъ франковъ для первой уплаты за ожерелье.

Онъ сказалъ объ этомъ Ла-Моттъ, которая съ видомъ дружеской откровенности объяснила ему это интересное обстоятельство.

— Видимое дѣло, — сказала она,—что королева находится въ затрудненіи по поводу этихъ денегъ. Она не писала вамъ объ этомъ, чтобы васъ не тревожить, но, монсеньоръ, вы, конечно, сдѣлаете для нее пріятное, если примете на себя уплату этихъ трехъ сотъ тысячъ франковъ.

У кардинала не было такихъ денегъ; Ла-Моттъ, должно быть, на этотъ счетъ сомнѣвалась. Напрасно было думать обращаться съ просьбой къ Каліостро, чтобы онъ ихъ сфабриковалъ, какъ Ла-Моттъ ему совѣтывала. Герцогу стоило сто тысячъ франковъ свиданіе, что хотя Каліостро дѣлаетъ

алхимическимъ путемъ золото, но лишь послѣ шестинедѣльныхъ приготовленій, да и то при громадныхъ расходахъ на поддержаніе его горновъ.

Къ счастью, Ла-Моттъ имѣла въ запасѣ нѣчто лучшее алхимика, для того, чтобы выйти изъ этого перваго затрудненія. Она познакомилась съ однимъ, недавно прибывшимъ въ Парижъ англичаниномъ, весьма богатымъ капиталистомъ, по имени Сен-Джемсъ, который, не имѣя чего болѣе желать со стороны богатства, гонялся за почестями. Прежде всему ему пожелали предоставить честь, оказать услугу Рогану—князю церкви, придворному великому милостынераздавателю, давъ понять, что услуга, оказанная такому важному лицу, заслужитъ ему красную ленту. Кардиналъ предоставилъ вести дѣло Ла-Моттъ, которая вскорѣ и довела его до благопріятнаго конца.

И было уже время. Подъ впечатлѣніемъ ея соблазнительныхъ посуловъ, капиталистъ Сенъ-Джемсъ обѣщалъ ссудить на слово кардиналу триста тысячъ ливровъ, и тому представилась возможность написать вдохновенное письмо королевѣ, съ предложеніемъ сложить у ея ногъ необходимую сумму для перваго платежа. Понятно, что передать это письмо уполномочена была Ла-Моттъ. Такъ какъ у ней подъ рукой не было мастера, то отвѣтъ заставилъ себя ожидать. Выписанный Вилеттъ снова прибылъ въ Парижъ, и кардиналъ получилъ третье письмо, писанное той же рукой, въ которомъ королева объявила, что принимаетъ его услугу, но лишь для перваго срочнаго платежа.

Задачей нашихъ мошенниковъ было, насколько можно судить по ихъ маневрамъ, заставить кардинала по частямъ заплатить всю стоимость ожерелья, или по крайней мѣрѣ, запутать его одного въ этотъ громадный долгъ. Чѣмъ менѣе усложненій, тѣмъ менѣе предстояло опасности кризиса. Развѣ стыдъ, какъ равно и благоразуміе, не заставили бы герцога хранить самое абсолютное молчаніе о дѣлѣ, которое грозило сдѣлать его смѣшнымъ и что посерьезнѣе, въ которомъ замѣшано было имя королевы?!

Дѣло поэтому шло о томъ, чтобы довести безумныя надежды кардинала до такой степени, чтобы онъ рѣшился

на всякія жертвы. Задача эта была возложена на Ла-Моттъ. Мы видѣли, съ какимъ успѣхомъ она до сихъ поръ справлялась съ ней; теперь мы доходимъ до ея самой мастерской продѣлки. Въ Парижѣ въ ту пору проживала одна молодая особа m-elle Лего, на которую нельзя было смотрѣть безъ удивленія. Ея внушительная красота, ея элегантное сложеніе, ея профиль, манеры, вплоть до самаго голоса, давали ей полнѣйшее сходство съ королевой. Думаютъ, что самъ Бальзамо указалъ ее для роли, которую она должна была съиграть въ дѣлѣ трехъ мошенниковъ; но тотъ показывалъ видъ, что всѣ отношенія къ ней ограничивались тѣмъ, что онъ магнетизировалъ ее въ числѣ массы женщинъ разныхъ слоевъ общества, посѣщавшихъ домъ улицы Сенъ-Клодъ. Тамъ встрѣтила ее Ла-Моттъ и замагнетизировала ее на свой ладъ. Дѣвушка эта, наивная и болѣе, чѣмъ легкомысленная, выслушала предложеніе Ла-Моттъ, конечно, не видя въ немъ ничего, кромѣ сценической забавы, въ которой приглашаютъ ее участвовать подъ именемъ баронессы Олива. Ла-Моттъ, обезпечивъ себѣ ея участіе кое-какими подарками и блестящими обѣщаніями, отправились къ кардиналу и показала ему новую записку, въ которой королева назначала ему ночью свиданіе въ Тріанонскомъ паркѣ.—«Вы увидите Марію Антуанету,—добавила она,—и въ это свиданіе она скажетъ вамъ то, что не можетъ писать относительно возвращенія вамъ своего благоволенія».

Довѣрчивому кардиналу казалось все возможнымъ, до того эта смѣлая женщина умѣла его очаровать. Описаніе нижеслѣдующей сцены мы заимствуемъ изъ разсказа одного изъ біографовъ Каліостро.

«Вечеромъ условленнаго дня, въ указанный часъ, де-Роганъ, одѣтый въ голубой редингогъ, находился на мѣстѣ, назначенномъ для свиданья. Его сопровождалъ баронъ де-Плапта, дворянинъ, бывшій у кардинала въ услугахъ. Онъ ожидалъ возвращенія кардинала въ почтительномъ отдаленіи. Ночь была ясная, освѣщаемая слабымъ свѣтомъ луны, но въ паркѣ, гдѣ должно произойти свиданіе, было довольно темно. Ла-Моттъ, одѣтая въ темное домино, подо-

шла къ кардиналу и предупредила его о прибытіи королевы. Дѣйствительно, за нею кто-то слѣдовалъ. При шелестѣ шелковаго платья, герцогъ, пришедшій въ крайнее волненіе, чуть не лишился чувствъ. Увидя женщину, имѣвшую поразительное сходство съ королевой, онъ пришелъ въ себя и, нисколько не сомнѣваясь, что находится въ присутствіи Маріи Антуанеты, почтительно поклонился и поцѣловалъ прелестную руку, которую отъ него не отнимали. При слабомъ свѣтѣ луны, монсеньоръ отличилъ профиль королевы, костюмъ которой къ тому же былъ точнымъ подражаніемъ тѣхъ элегантныхъ неглиже, которыя Марія Антуанета носила въ Тріанонѣ. Де-Роганъ, немного запинаясь, началъ съ того, что сперва сталъ оправдываться. Когда онъ перешелъ къ объясненію своего поведенія и сталъ говорить о возвышенности своихъ чувствъ, лже-королева прервала его и сказала вполголоса и поспѣшно.

— Я могу посвятить вамъ только одну минуту; я довольна вами и вскорѣ вы получите доказательства моего самаго высокаго къ вамъ расположенія.

Послышался шумъ шаговъ въ паркѣ. Мнимая королева казалась испуганной. Она протянула розу де-Рогану и шепнула ему. — «Графиня Артуа ищетъ меня: нужно уходить».—Кардиналъ немедленно ушелъ въ противоположную сторону. Присоединившись къ барону де-Планта и къ Ла Моттъ, онъ съ живымъ сожалѣніемъ разсказалъ о происшедшей помѣхѣ. Не сомнѣвался онъ ни въ чемъ; шумъ, который онъ слышалъ, произвелъ одинъ изъ участниковъ, устроенной Ла-Моттъ интриги. Что касается m-lle Олива она исчезла *). Всѣ актеры прекрасно съиграли свою роль въ сценѣ, слишкомъ коротенькой для благополучія кардинала. Она составляла муку всей его ночи; но на завтра ожидало его пріятное пробужденіе. Какъ могъ онъ сомнѣваться въ расположеніи своей королевы-возлюбленной, когда утромъ Ла-Моттъ доставила ему новую записку, въ

*) Julis de Saint-Felix, Aventures de Caliostro in 18, Paris 1885 p. 131—133.

которой Марія Антуанета сама выражала сожалѣніе по поводу досадной помѣхи, происшедшей вчера.

Въ своемъ опьяненіи, кардиналъ опустилъ изъ виду самую прозаическую, но и самую важную вещь: срокъ уплаты трехсотъ тысячъ ливровъ истекъ, а Сенъ-Джемсъ, неизвѣстно по какимъ причинамъ, денегъ еще не заплатилъ. Стѣсняемый уплатами, которыя ему предстояли, ювелиръ не зналъ, какъ ему поступить. Находясь въ отчаяніи, онъ, естественно, подумалъ, что особа, которая скорѣй всего должна принять участіе въ его положеніи, сама королева. Два дня спустя послѣ ночной сцены въ Тріанонѣ, онъ былъ потребованъ королемъ во дворецъ; имѣя случай видѣть Марію Антуанету, онъ, вручая ей небольшое украшеніе, въ тоже время передалъ записку, въ которой стояло.— «Честь имѣю поздравить ваше величество съ самыми прелестными бриллiантами, какіе только существуютъ въ Европѣ и умоляю не забывать меня».— Королева взглянула на записку, когда Бомеръ уже ушелъ. Прочтя громко, она бросила ее въ огонь со словами.— «Онъ съ ума сошелъ!»— Однако, обдумывая строки, которыя такъ ее удивили, она почувствовала потребность объяснить ихъ и приказала своей старшей камеръ-юнгферѣ, госпожѣ Кампанъ, отправиться и распросить ювелира.

Этого только и желалъ бѣднякъ. Онъ не заставилъ себя просить и разсказалъ все подробно.

— Господинъ Бомеръ, — воскликнула m-me Кампанъ, выслушавъ этотъ разсказъ,—васъ обворовали! Королева ничего не знаетъ.

Легко представить себѣ негодованіе Маріи Антуанеты, когда интрига передъ ней обнаружилась. Она обратилась къ королю, который далъ ей слово, что виновные понесутъ неотложную кару.

Біографъ, котораго разъ мы уже цитировали, Юлій Сенъ-Феликсъ передаетъ слѣдующимъ образомъ конецъ этой драмы и начало процесса, въ которомъ очутился замѣшаннымъ Іосифъ Бальзамо.

«Въ день Успенія Богоматери, герцогъ, великій милостынераздаватель, былъ позванъ въ кабинетъ короля. Кар-

диналъ былъ одѣтъ не въ свои епископскія ризы, какъ утверждаютъ нѣкоторые историки и особенно нѣкоторые романисты, а въ свой парадный костюмъ. Королева сидѣла у стола, предназначеннаго для засѣданій Совѣта. Людовикъ XVI рѣзко обратился къ де-Рогану. Это былъ настоящій допросъ. Смущенный герцогъ отвѣчалъ запинаясь. Блѣдная отъ гнѣва Марія Антуанета хранила молчаніе, даже не взглянула на кардинала. Послѣдній, прибѣгая къ крайнему рессурсу для оправданія, вынулъ изъ кармана письмо, по его словамъ, адресованное королевой къ госпожѣ Ла-Моттъ. Марія Антуанетта сдѣлала нервное движеніе. Это былъ жестъ негодованія, глаза ея искрились. Король взялъ письмо, прочелъ его, и, возвращая кардиналу, сказалъ:—«Это ни почеркъ королевы, ни ея подпись. Какъ это герцогъ изъ дома Роганъ, какъ это придворный милостынераздаватель, могъ допустить, что королева подписала бы: Марія Антуанета Французская. Кто не знаетъ, что королевы подписываютъ лишь однимъ именемъ?!»

Кардиналъ молчалъ.

— Объясните мнѣ эту загадку!—нетерпѣливо сказалъ король. Кардиналъ оперся на столъ, онъ поблѣднѣлъ и имѣлъ силу проговорить лишь слѣдующее:

— Государь, я слишкомъ взволнованъ, чтобы объясняться передъ вашимъ величествомъ.

Король продолжалъ съ большой снисходительностью.— «Оправьтесь, господинъ кардиналъ. Пойдите въ сосѣднюю комнату; тамъ вы найдете все, нужное для письма; я желалъ бы не найти васъ виновнымъ.

«Де-Роганъ вышелъ. Четверть часа спустя онъ вручилъ королю бумагу, въ которой стояло нѣсколько строкъ, которыя, вмѣсто того, чтобы разъяснить это несчастное дѣло, еще болѣе его запутывали.—«Удалитесь!»—сказалъ король негодующимъ голосомъ. Кардиналъ направился въ корридоръ; проходя караульную комнату, онъ увидѣлъ барона Бретейля, который его поджидалъ. Онъ понялъ все. Въ самомъ дѣлѣ, тотъ сдѣлалъ знакъ и де-Роганъ былъ арестованъ карауломъ. Его отвели въ его комнату милостынираздавателя, находившуюся при жилыхъ помѣщеніяхъ ко-

ролевскаго дворца. Тамъ онъ нашелъ способъ наскоро набросать карандашемъ записку аббату Жорже, своему викарію. Гайдукъ кардинала, столько же проворный, сколько и лукавый, подобралъ эту записку, которую кардиналъ втихомолку ему бросилъ, и помчался къ Парижу. Аббатъ Жорже, проживавшій въ Отелѣ Роганъ, получилъ посланіе и со всей поспѣшностью бросилъ въ огонь важныя бумаги.

На другой день де-Роганъ былъ переведенъ въ Бастилію. Коммисаръ полиціи получилъ приказаніе и въ тотъ же день Ла-Моттъ была засажена. Въ началѣ безплодно розыскивали Вилетта и Ла-Мотта. Они скрылись, но подъ конецъ Вилетта удалось изловить и его арестовали. Ла-Моттъ спасся въ Англію. Оставался Каліостро, который хотя и волшебникъ, ничего не подозрѣвалъ въ своей лабораторіи улицы Сенъ-Клодъ.

Вечеромъ того самого дня, когда арестовали кардинала, агенты жандарміи проникли въ таинственное убѣжище алхимика, несмотря на привратника и прислугу.

Офицеръ съ саблей наголо и сопровождающіе его жандармы вдругъ появились у порога комнаты, гдѣ Каліостро занятъ былъ своей химіей. Смѣлый авантюристъ не потерялся и, какъ разсказываютъ, сталъ въ оборонительное положеніе, вооружившись желѣзнымъ прутомъ. — «Государь мой! — сказалъ офицеръ — это по повелѣнію короля. Со мной десять хорошо вооруженныхъ людей, которымъ начихать на колдуновъ. Слѣдуйте за мной». — Партія была неравная; всѣ чары бѣлой и черной магіи разсѣялись, какъ дымъ, передъ такимъ ясно формулированнымъ приказаніемъ.

Каліостро послѣдовалъ за офицеромъ. На дворѣ ждалъ его фіакръ. Онъ сѣлъ въ него и, сопровождаемый конвоемъ четырехъ кавалеристовъ, отправился въ Бастилію, гдѣ и былъ засаженъ. Это въ двухъ шагахъ отъ улицы Сенъ-Клодтъ, при бульварѣ Тампль.

Что стало съ Лоренцой? Говорятъ, что, перепуганная какъ голубка, избѣгшая силка, она умчалась, что было силы и скрылась въ Италію, въ Римъ, въ свою семью. Это слѣдовало сдѣлать раньше бѣдной женщинѣ!

Всѣ обвиняемые были переданы на судъ парламента.

V.

Взглядъ на прошлое. — Приключенія и дѣянія Каліостро до прибытія его въ Страсбургъ.

Воспользуемся сдѣланной правосудіемъ пріостановкой въ карьерѣ нашего кудесника, чтобы бросить ретроспективный взглядъ на нѣкоторыя его дѣянія, совершенныя ранѣе, чѣмъ онъ появился во Францію, а также, чтобы пролить нѣкоторый свѣтъ на начало карьеры этого необыкновеннаго человѣка, путешествовавшаго почти столько же, сколько вѣчный жидъ, и конечно болѣе его истратившаго денегъ.

Мы будемъ слѣдовать порядку, намѣченному самимъ Іосифомъ Бальзамо, который во время узничества въ Бастиліи, составляя рѣчь въ свое оправданіе, употреблялъ свои вынужденные досуги, чтобы сочинить себѣ таинственное и славное происхожденіе, которое, впрочемъ, мы провѣримъ, — и антецеденты, которые, чтобы стать точными, часто будутъ нуждаться въ пополненіяхъ. Наконецъ, и это представитъ не наименьшій интересъ въ нашемъ обзорѣ прошлаго Каліостро, мы будемъ имѣть случай попутно разсказать о другомъ необыкновенномъ человѣкѣ, который нѣсколькими годами ранѣе предшествовалъ ему въ извѣстности того же сорта. Мы желаемъ сказать нѣсколько словъ о знаменитомъ графѣ Сенъ-Жерменъ, которому мы не могли посвятить въ настоящемъ трудѣ отдѣльной главы, такъ какъ ни исторія, ни преданія не сообщаютъ ничего точнаго о чудесныхъ дѣяніяхъ, которыя въ продолженіи многихъ годовъ дѣлали имя его такимъ громкимъ при всѣхъ европейскихъ дворахъ и, особенно, при французскомъ.

«Я не знаю, — говоритъ Каліостро — ни мѣста своего рожденія, ни того, кто были мои родители. Всѣ мои изысканія по этому предмету сводились къ тому, что относительно своего происхожденія я могъ составить высокія, но неопредѣленныя и не безспорныя идеи. Первое дѣтство я провелъ въ городѣ Мединѣ, въ Аравіи. Я былъ воспитанъ подъ именемъ Ашара, именемъ, которое удержалъ при своихъ путешествіяхъ по Азіи и Африкѣ. Помѣщался я во дворцѣ муфти.

Ясно припоминаю, что при мнѣ состояло четыре особы; гувернеръ пятидесятипяти или шестидесяти лѣтъ, называвшійся Альтотасъ, и трое слугъ: одинъ бѣлый и два черныхъ; бѣлый служилъ при мнѣ лакеемъ, а черные чередовались одинъ днемъ, другой ночью. Гувернеръ разсказывалъ, что я остался сиротой трехъ мѣсяцевъ и что родители мои были благородные христіане; но онъ хранилъ безусловное молчаніе объ ихъ имени и о мѣстѣ моего рожденія. Нѣсколько случайно сказанныхъ словъ навели меня на мысль, что я родился въ Мальтѣ. Альтотасъ съ удовольствіемъ поощрялъ расположеніе, которое я обнаруживалъ къ наукамъ. Могу сказать, что ему извѣстны были всѣ—отъ самыхъ абстрактныхъ до такихъ, которыя служатъ лишь къ развлеченію. Наибольшіе успѣхи я оказывалъ въ ботаникѣ и въ медицинской физикѣ. Подобно ему, я носилъ мусульманскую одежду; по внѣшности мы исповѣдывали магометанскую религію, но истинная вѣра была запечатлѣна въ нашихъ сердцахъ».

«Меня часто навѣщалъ муфти. Онъ обращался со мной ласково и, повидимому, относился съ почтеніемъ къ моему гувернеру; послѣдній научилъ меня большинству восточныхъ языковъ. Онъ часто разсказывалъ мнѣ о пирамидахъ Египта, о громадныхъ подземельяхъ, вырытыхъ древними египтянами, для того, чтобы хранить и защищать отъ вліянія временъ драгоцѣнные запасы человѣческаго знанія. Я достигъ своего двѣнадцатаго года. Наконецъ, однажды, Альтотасъ объявилъ, что мы покидаемъ Медину и предпринимаемъ путешествіе. Мы прибыли въ Мекку и остановились во дворцѣ шерифа. Меня одѣли въ болѣе роскошный костюмъ, чѣмъ до того времени я носилъ. На третій день послѣ моего пріѣзда, гувернеръ представилъ меня государю, удостоившему меня самыхъ нѣжныхъ ласкъ. При видѣ этого государя, я испыталъ необъяснимое волненіе, и глаза мои наполнились самыми сладостными слезами, какія только я проливалъ въ своей жизни. Я былъ свидѣтелемъ, какія усилія онъ употреблялъ, чтобы не расплакаться. Три года я провелъ въ Меккѣ. Не было дня, въ который я не бывалъ бы у шерифа и съ каждымъ днемъ усиливались его привязанность и моя признательность. Часто я подмѣчалъ устремленный на меня взглядъ,

который затѣмъ онъ переносилъ къ небу со всѣми признаками сожалѣнія и нѣжности. Я спрашивалъ по этому поводу негра, спавшаго въ моей комнатѣ, но ко всѣмъ вопросамъ, которые я могъ ему задать, онъ былъ глухъ и нѣмъ. Однажды ночью, когда я присталъ къ нему настойчивѣе, чѣмъ обыкновенно, онъ отвѣтилъ, что если я когда нибудь оставлю Мекку, меня ждутъ большія несчастія и что я особенно долженъ остерегаться города Трапезонда. Однажды, ко мнѣ въ комнату вошелъ, ни кѣмъ не сопровождаемый, шерифъ. При такой чести, мое удивленіе было внѣ границъ. Онъ нѣжно прижалъ меня къ своей груди, увѣщевалъ никогда не переставать почитать Предвѣчнаго, увѣрялъ, что служа ему вѣрно, я стану счастливымъ и узнаю свою судьбу, затѣмъ, орошая мое лицо слезами, произнесъ:

— Прощай, несчастный сынъ любви!

«Свои путешествія я началъ съ Египта; я посѣтилъ знаменитыя пирамиды, которыя для поверхностнаго наблюдателя ни болѣе, какъ громадныя массы мрамора и гранита. Я познакомился съ служителями разныхъ храмовъ, которые охотно водили меня по мѣстамъ, недоступнымъ обыкновенному путешественнику. Затѣмъ, въ теченіе трехъ лѣтъ, я посѣтилъ главныя королевства Африки и Азіи.

«Въ 1766 году съ своимъ гувернеромъ и тремя слугами, не покидавшими меня съ дѣтства, я добрался до острова Родоса. Здѣсь я сѣлъ на французскій корабль, отправлявшійся на Мальту. Несмотря на правило, требовавшее, чтобы суда, прибывшія съ Леванта, подвергались карантину, я по прошествіи двухъ дней получилъ разрѣшеніе сойти на берегъ. Гросмейстеръ Пинто далъ мнѣ и моему гувернеру помѣщеніе у себя во дворцѣ.

«Прежде всего, гросмейстеръ попросилъ шевалье Аквина, изъ знатнаго рода Каромаика, принять на себя любезность сопровождать меня всюду и отрекомендовать островъ. Тогда я впервые одѣлъ европейскій костюмъ, принялъ имя графа Каліостро и не безъ удивленія увидѣлъ Альтотаса одѣтымъ въ костюмъ священника съ Мальтійскимъ крестомъ. Припоминаю, что обѣдалъ у бальи де Рогана, нынѣшняго гросмейстера. Далекъ я былъ отъ мысли, что двадцать лѣтъ

спустя я буду узникомъ Бастиліи за то, что былъ почтенъ дружбой герцога того же имени.

«Я имѣлъ всѣ поводы думать, что гросмейстеръ Пинто зналъ о моемъ происхожденіи. Онъ не разъ говорилъ мнѣ о шерифѣ и о Трапезондѣ; но ни разу не захотѣлъ ясно объясниться по этому предмету. Онъ всегда обращался со мной съ самымъ глубокимъ почтеніемъ и предлагалъ самое быстрое повышеніе, если я рѣшусь принять обѣтъ. Однако, моя страсть къ путешествіямъ и любовь къ медицинѣ принудили меня отказаться отъ предложеній, которыя были въ одинаковой степени какъ великодушны, такъ и почетны.

«На Мальтѣ я имѣлъ несчастье потерять своего лучшаго друга, самаго мудраго и самаго просвѣщеннаго, почтеннаго Альтотаса За нѣсколько мгновеній передъ смертью, онъ пожалъ мнѣ руку и сказалъ почти угасающимъ голосомъ: «Сынъ мой, имѣйте всегда въ памяти страхъ передъ Предвѣчнымъ и любовь къ ближнему; вскорѣ вы убѣдитесь въ истинѣ всего, чему я васъ училъ».

«Островъ, гдѣ я потерялъ друга, замѣнившаго мнѣ отца, сталъ вскорѣ для меня невыносимымъ. Шевалье Акино пожелалъ сопутствовать мнѣ въ путешествіяхъ и оказывать нужныя мнѣ услуги. Дѣйствительно, я уѣхалъ въ сопровожденіи его. Мы посѣтили Сицилію, оттуда, разные острова архипелага и, вторично переплывши Средиземное море, пристали къ Неаполю, родинѣ шевалье Акино.

«Такъ какъ собственныя дѣла вынудили его уѣхать, я одинъ отправился въ Римъ, снабженный кредитивами на имя господина Беллоне, банкира.

«Прибывши въ эту столицу христіанскаго міра, я рѣшился хранить самое строгое инкогнито. Въ одно утро, когда запершись у себя, я былъ занятъ штудированьемъ итальянскаго языка, мой лакей доложилъ о пріѣздѣ секретаря кардинала Орсини. Секретарю этому поручено было просить меня посѣтить его эминенцію; я отправился. Кардиналъ принялъ меня съ изысканной любезностью, не разъ приглашалъ къ своему столу и познакомилъ съ большинствомъ кардиналовъ и римскихъ князей; именно, съ кардиналомъ Іоркомъ, кардиналомъ Ганганелли, бывшимъ впослѣдствіи папой, подъ

именемъ Климента XIV. Папа Реццоника, занимавшій тогда престолъ Св. Петра, желалъ познакомиться со мной и я не разъ имѣлъ честь быть допущеннымъ на частныя аудіенціи съ его святѣйшествомъ.

«Тогда (1770) мнѣ шелъ двадцать второй годъ. Случай доставилъ мнѣ знакомство съ знатной дѣвушкой, звавшейся Серафимой Феличіани. Она едва вышла изъ отрочества; ея развивающаяся красота воспламенила мое сердце страстью, которую шестнадцать лѣтъ супружества лишь укрѣпили. Я не стану входить въ подробности путешествій, которыя я совершилъ по всѣмъ государствамъ Европы, и удовлетворюсь тѣмъ, что поименую тѣхъ особъ, которыя меня знали. Большинство еще живы. Пусть они скажутъ, занимался-ли я во всѣхъ мѣстахъ и во всѣ времена чѣмъ либо инымъ, кромѣ того, что даромъ лечилъ больныхъ и помогалъ бѣднякамъ.

«Замѣчу, что изъ желанія сохранить свое инкогнито, мнѣ приходилось путешествовать подъ разными именами. Я прозывался послѣдовательно графомъ Гара, графомъ Фениче, маркизомъ Анна»...

Іосифъ Бальзамо ограничиваетъ этимъ свой перечень, точно онъ забылъ другія имена, которыя носилъ, и пропустилъ какъ разъ наиболѣе важныя, а это клонится къ тому, чтобы заставить насъ позабыть самыя важныя и самыя правдивыя страницы его необыкновенной Одиссеи; онъ однимъ скачкомъ оказывается въ столицѣ Эльзаса, гдѣ мы съ нимъ повстрѣчались въ началѣ разсказа; поэтому намъ приходится, замѣстивъ его, разсказать о тѣхъ чудесахъ, которыя онъ продѣлалъ въ Европѣ, прежде чѣмъ прибылъ въ Страсбургъ. Но предварительно остановимся минуту на томъ, что онъ разсказываетъ о своемъ происхожденіи и о своихъ первыхъ приключеніяхъ.

Изъ того пріема, который имъ принятъ, чтобы показать, что онъ не зналъ своихъ родителей, видно, что онъ точно опасался, что ему не повѣрятъ и что охотно допустилъ бы, чтобы подумали, что онъ знаетъ болѣе, чѣмъ желаетъ сказать. Нѣкоторая аффектація таинственностью и умолчаніями, нѣсколько искусно помѣщенныхъ въ его разсказѣ именъ имѣютъ ясную цѣль навести на мысль, что онъ

сынъ Мальтійскаго гросмейстера и принцессы Трапезондской. Нѣкоторые довѣрчивые писатели, въ самомъ дѣлѣ, приписывали ему это родство. Но тщательное разслѣдованіе, произведенное римской инквизиціей, во время его процесса, доказало несомнѣнно, что онъ родился въ Палермо 8-го іюня 1743 года отъ Пьерро Бальзамо и Фелиціи Браконьери, честныхъ торговцевъ, добрыхъ католиковъ, которые съ особой заботливостью пеклись о воспитаніи своихъ дѣтей.

Рожденный отъ нихъ, онъ былъ окрещенъ именемъ Іосифа. Счастливыя дарованія, которыя онъ рано сталъ обнаруживать, заставляли думать, что онъ можетъ достичь извѣстнаго положенія въ наукѣ и литературѣ, почему его помѣстили въ семинарію св. Роха въ Палермо, послѣ заявленія двухъ его дядей съ материнской стороны, что они примутъ на себя расходы по его обученію. Но у молодого Бальзамо духъ независимости и приключеній былъ также хорошо развитъ, какъ и его умъ. Нѣсколько разъ онъ убѣгалъ изъ семинаріи, гдѣ его непокорное поведеніе навлекало на него частыя наказанія. Разъ его изловили въ средѣ шайки маленькихъ бродягъ.

Іосифу было тогда тринадцать лѣтъ; становилось настоятельнымъ принять относительно его серьезныя мѣры. Его поручили строгому надзору генерала ордена Добрыхъ Братьевъ, бывшаго тогда проѣздомъ въ Палермо; онъ отвезъ его съ собой въ монастырь этого ордена, въ окрестностяхъ Картижероне, поручившись, что сдѣлаетъ изъ него монаха. Прибывши въ монастырь, Іосифъ Бальзамо дѣйствительно облекся въ костюмъ послушника, что ему было такъ же легко, какъ принять и мину послушника. Отданный въ услуги къ смотрителю монастырской аптеки онъ, казалось, былъ въ ладахъ съ этимъ братомъ и узналъ отъ него основы химіи и медицины. Онъ такъ хорошо воспользовался уроками своего учителя, что въ короткое время былъ въ состояніи приготовлять лекарства съ удивительной проницательностью. Но было замѣчено, что инстинкты заставляли его искать въ этихъ первыхъ элементахъ знанія преимущественно то, что могло бы наилучшее служить шарлатанству.

Онъ не замедлилъ даже въ этомъ домѣ дать новые образчики своего порочнаго характера и относительно его часто приходилось прибѣгать къ исправительнымъ мѣрамъ. Однажды, когда ему поручено было обычное чтеніе за трапезой, безстыдный послушникъ сталъ читать не то, что стояло въ книгѣ, а то, что ему подсказывало извращенное воображеніе. Въ своемъ чтеніи онъ замѣнялъ имена святыхъ мученицъ именами знаменитыхъ куртизанокъ. Скандалъ этотъ могъ быть искупленъ лишь строгимъ покаяніемъ. Оно было назначено, но Бальзамо избѣгъ его, перескочивъ стѣну монастыря.

Скрываясь въ поляхъ въ теченіи нѣсколькихъ дней, освободившійся послушникъ направился въ свой родной городъ. Со времени возвращенія въ Палермо, жизнь его стала вольной и даже разгульной. Одно время онъ занялся живописью и фехтованіемъ; но оказывалъ въ этомъ меньшіе успѣхи, чѣмъ въ искусствѣ фиглярства и чревовѣщанія. Свои первые опыты этого искусства онъ испыталъ надъ однимъ изъ своихъ дядей, потомъ надъ нотаріусомъ и, наконецъ, надъ однимъ монахомъ. Говорятъ, у него уже были кой-какія серьезныя столкновенія съ представителями закона, когда дѣло Марано, подробности котораго мы передавали, окончательно разсорило его съ юстиціей. Вынужденный покинуть Палермо, Іосифъ Бальзамо сѣлъ на тартану, отправляющуюся въ Мессину. Высадившись въ этомъ большомъ городѣ, онъ вспомнилъ, что здѣсь у него есть старуха—тетка, Винцента Каліостро, о которой носились слухи, что она имѣетъ значительныя сбереженія. Онъ сталъ ее розыскивать; но оказалось, что почтенная госпожа скончалась дней пятнадцать тому назадъ, завѣщавъ большую часть своего состоянія церквамъ Мессины и распредѣливъ остальное между бѣдняками. Какъ добрый племянникъ, онъ воздалъ должную дань сожалѣнія памяти этой неумѣренно усердной христіанкѣ. Пожелавъ унаслѣдовать отъ нея хоть что нибудь, онъ, принявъ ее имя, удлиннилъ его титуломъ и сталъ называться графомъ Александромъ Каліостро. Нашъ новый дворянинъ шатался по Мессинѣ, высматривая какого-нибудь добраго приключенія. Однажды, мечтательно

бродя около мола у оконечности порта, онъ встрѣтился съ особой лѣтъ подъ пятьдесятъ, фигура которой да и вся внѣшность выдавала нѣчто незаурядное. По типу онъ не былъ ни грекъ, ни испанецъ, но, казалось совмѣщалъ въ себѣ и то, и другое. По особенностямъ костюма онъ былъ армянинъ. Когда они обмѣнялись нѣсколькими фразами, Бальзамо, ничуть не отличавшійся застѣнчивостью, почувствовалъ, что находится подъ вліяніемъ этого необыкновеннаго человѣка. Онъ оказался въ присутствіи знаменитаго Альтотаса, этого универсальнаго генія, почти божественнаго, о которомъ Каліостро выражается съ такимъ почтеніемъ и восхищеніемъ. Въ самомъ дѣлѣ, этотъ Альтотасъ не былъ вымышленнымъ лицомъ: Римская инквизиція собрала многочисленныя доказательства его существованія; однако, не добилась ничего ни о его началѣ, ни о его концѣ, потому что Альтотасъ исчезъ, или скорѣй испарился, какъ метеоръ, что, примѣняясь къ поэтическимъ воззрѣніямъ романистовъ, давало бы достаточное право считать его безсмертнымъ. Медикъ, химикъ, магикъ Альтотасъ, если судить по тѣмъ дѣяніямъ, которыя ему приписываютъ, основательнѣе зналъ нѣкоторые отдѣлы естественныхъ наукъ, чѣмъ это было обычнымъ въ его эпоху, особенно въ странахъ, гдѣ онъ путешествовалъ. Принявъ Іосифа Бальзамо къ себѣ ученикомъ, онъ, поэтому, могъ безъ суетности считать себя очень способнымъ дополнить его научное образованіе, такъ счастливо начатое братомъ-аптекаремъ монастыря Картажироне.

Какъ магъ или чародѣй, Альтотасъ, не откладывая, далъ молодому Бальзамо поразительное доказательство своего знанія. Онъ ему показалъ, что знаетъ о всѣхъ его антецедентахъ, включая послѣдній, и поздравилъ его со званіемъ дворянина. Къ этому доказательству онъ вскорѣ присоединилъ другое, менѣе насмѣшливое, но имѣвшее болѣе реальную пользу. Продолжая свою прогулку, они дошли, поворачивая съ улицы въ улицу, до маленькой площади, усаженной смоковницами, въ центрѣ которой былъ хорошенькій фонтанъ. Здѣсь спутникъ его остановился.—«Сударь мой,—сказалъ онъ,—вотъ домъ, въ которомъ я живу.

Я не принимаю никого; но такъ какъ вы путешественникъ, молоды и дворянинъ (онъ продолжалъ насмѣхаться), такъ какъ при томъ вы воодушевлены благородной страстью къ наукѣ, я разрѣшаю вамъ посѣтить меня. Я буду ожидать васъ завтра въ одиннадцать съ половиною часовъ вечера. Вы ударите два раза этимъ молоткомъ (онъ указалъ ему на дверь маленькаго и низкаго дома), а затѣмъ сдѣлаете три медленныхъ удара. Вамъ отопрутъ. Прощайте. Спѣшите въ вашу гостинницу. Одинъ пьемонтецъ въ этотъ моментъ собирается уворовать у васъ тридцать семь унцій золота, которыя заперты у васъ въ сундукѣ, спрятанномъ вами въ шкафѣ, ключъ отъ котораго лежитъ въ вашемъ правомъ карманѣ. Вашъ покорный слуга!»

Каліостро, какъ мы его отнынѣ станемъ называть, побѣжалъ въ свою гостинницу и, въ самомъ дѣлѣ, засталъ пьемонтца, своего сосѣда по комнатѣ, пытающимся открыть замокъ шкафа, гдѣ онъ спряталъ остатки шестидесяти унцовъ золота, замошенничанныхъ имъ у Марано. Какъ негодующій законный владѣлецъ, онъ схватилъ вора и передалъ его жандармамъ.

На другой день, между одиннадцатью и двѣнадцатью часами вечера, молодой человѣкъ былъ допущенъ въ лабораторію Альтотаса. Это былъ обширный покой, заключавшій въ себѣ всю странную обстановку алхимика. Здѣсь короткій разговоръ, завязавшійся между ученымъ и тѣмъ, кто желалъ стать его ученикомъ, окончился такимъ экзаменомъ:

Альтотасъ.—Изъ чего дѣлается хлѣбъ?

Каліостро.—Изъ муки.

Альтотасъ.—А вино?

Каліостро.—Изъ винограда?

Альтотасъ.—Изъ чего дѣлается золото?

Каліостро.—Это я васъ спрошу!

— Мы рѣшимъ этотъ вопросъ другой разъ,—отвѣчалъ Альтотасъ.—Я намѣреваюсь отправиться въ Каиръ. Желаете ли вы, молодой человѣкъ, за мной слѣдовать?

— Желаю-ли я?!—отвѣчалъ съ увлеченіемъ Каліостро. И безъ дальнѣйшихъ разсужденій, отъѣздъ былъ назначенъ чрезъ день.

Генуэзское судно, отправлявшееся въ Левантъ, приняло нашихъ двухъ путешественниковъ. Во время переѣзда они любили толковать между собой въ сторонкѣ, на палубѣ. Во время этихъ разговоровъ, Каліостро, несмотря на все почтеніе къ своему ментору, пробовалъ не разъ, прибѣгая къ тысячѣ уловокъ, узнать исторію человѣка, такъ хорошо знавшаго его собственную. Альтотасъ, которому, наконецъ, это надоѣло, однажды сказалъ ему разъ навсегда, что онъ самъ ничего не знаетъ о своемъ происхожденіи.

— Это удивляетъ васъ сынъ мой,—сказалъ онъ ему— но наука, дающая мнѣ свѣдѣнія о другихъ, почти всегда безсильна, когда вопросъ касается насъ самихъ. Потомъ, разсказавъ ему то, что могъ припомнить относительно раннихъ годовъ своей жизни и кое-какія событія своей богатой приключеніями карьеры, онъ добавилъ:

— На сегодня я этимъ ограничусь. Если вы будете стоить моего довѣрія, то когда-нибудь я разскажу вамъ всю мою жизнь. Я старъ, гораздо старше, чѣмъ вы можете думать и чѣмъ я кажусь; но я обладаю секретомъ сохранять бодрость и здоровье. Я открылъ научный способъ дѣлать золото и драгоцѣнные камни, я знаю десять или двѣнадцать языковъ и почти нѣтъ ничего изъ области человѣческихъ знаній, что было бы мнѣ неизвѣстно; ничто меня не удивляетъ, ничто меня не огорчаетъ, если только этому я не могу помѣшать, и надѣюсь спокойно дожить до срока моей долгой жизни. Что касается имени, то необходимо, чтобы вы его знали, если только мои мессинскіе сосѣди вамъ его уже не сказали: я зовусь Альтотасъ. Да, это имя идетъ ко мнѣ; я выбралъ его изъ тысячи и далъ его себѣ въ полную собственность. Затѣмъ, мой молодой спутникъ, пойдемъ пить кофе; смотрите, вотъ всходитъ солнце, и вдали виднѣются скалы Мальты, увѣнчанныя бастіонами».

Несмотря на завѣренія Каліостро, онъ никогда не путешествовалъ съ Альтотасомъ ни по Африкѣ, въ правильномъ значеніи этого слова, ни, кажется, по Азіи. По крайней мѣрѣ, весьма сомнительно, что онъ посѣщалъ Аравію и, во всякомъ случаѣ, это могло быть крайнимъ пре-

дѣломъ его путешествій, внѣ Европы и Египта. Но разслѣдованіями инквизиціи установлено, что вмѣстѣ съ Альтотасомъ онъ, кромѣ Египта, посѣтилъ разные острова Архипелага и берега Греціи. Высадившись въ Александріи, они прожили тамъ сорокъ дней, съ пользой употребивъ это время для своихъ финансовъ. Пользуясь химическими операціями, секретъ которыхъ былъ извѣстенъ Альтотасу, они фабриковали изъ пеньки ткани, имитирующія золотыя. Полученные ими результаты были такъ поразительны, что мѣстные промышленники стекались толпами, чтобы купить у нихъ секретъ приготовленія. Простительно думать, что при такихъ удачныхъ дѣлахъ наши два философа позабыли посѣтить пирамиды, подземелья развалинъ Мемфиса, храмы Атора и Луксора и что они вовсе не подымались къ порогамъ Нила. Промышленный характеръ ихъ путешествія—вещь доказанная; что же касается научнаго, то гарантіей ему служитъ лишь сомнительный разсказъ Каліостро.

На Родосѣ, куда они отправились изъ Александріи, они получили тоже не маленькій барышъ отъ того же примѣненія промышленной химіи. Оттуда они хотѣли проѣхать въ Египетъ, чтобы эксплоатировать Каиръ, который, какъ мы видѣли, помѣщенъ въ маршрутѣ Альтотаса, но противные вѣтры загнали ихъ къ Мальтѣ. Высадившись на островъ, они представились гросмейстеру Пинто, который долженствовалъ служить имъ богатымъ рудникомъ...

Верховный глава Мальтійскихъ рыцарей былъ нѣчто вродѣ кардинала де-Рогапъ. Помѣшанный на химіи, какъ большинство великихъ міра той эпохи, онъ, тѣмъ не менѣе, имѣлъ весьма ограниченныя знанія въ этой наукѣ; но, взамѣнъ этого, настроеніе его ума дѣлало его склоннымъ вѣрить во все чудесное. Пинто, поэтому, съ особенной охотой предоставилъ свою лабораторію въ распоряженіе двухъ иностранцевъ, которые принялись за работу съ непроницаемой таинственностью. Все, что извѣстно объ ихъ попераціяхъ, это что они стоили громадныхъ денегъ гросмейстеру Мальты.

Если результаты не отвѣтили затратамъ, причина, быть можетъ, лежала въ скоропостижномъ исчезновеніи Альто-

таса. Именно, на этомъ островѣ Мальтѣ, какъ сообщаетъ Каліостро, великому магу пришла охота стать положительно невидимкой для глазъ смертныхъ. Однако, Пинто доказалъ, что онъ не сохранилъ горечи за происшедшее у него въ лабораторіи, такъ какъ, въ то время, когда Каліостро, отъѣзжая въ Неаполь, прощался съ нимъ, онъ съ жаромъ рекомендовалъ его молодому мальтійскому рыцарю, который отправлялся туда же. Благодаря услугамъ Шевалье д'Акино изъ знатнаго дома Карамонико, а также деньгамъ, которыми Каліостро былъ въ то время обильно снабженъ, въ Неаполѣ онъ занялъ извѣстное положеніе и имѣлъ доступъ ко многимъ знатнымъ особамъ.

Въ ту пору, въ этомъ городѣ находился одинъ сицилійскій принцъ. Знакомство съ землякомъ вдругъ вызвало у Каліостро воспоминаніе о родной странѣ. Принцъ страдалъ маніей царствованія, какъ Пинто жаждалъ имѣть алхимическое золото. Каліостро такъ умѣлъ обворожить его своими учеными теоріями, что его богатый компаніонъ предложилъ взять его съ собой, чтобы примѣнить ихъ на практикѣ въ замкѣ, который былъ у него въ Сициліи. Каліостро принялъ предложеніе, забывая, что, попавши въ Сицилію, онъ окажется неподалеку Палермо и, быть можетъ, не подалеку человѣка шестидесяти унцовъ золота, неумолимаго Марано, который не отказался отъ мести. Встрѣча со старымъ знакомымъ напомнила ему объ этой опасности. Это былъ одинъ изъ бездѣльниковъ, съигравшихъ роль тѣхъ злобныхъ чертей, палки которыхъ оставили такіе чувствительные слѣды на спинѣ мастера. Негодяй этотъ, разстрига священникъ—не будучи ученымъ, имѣлъ собственный способъ дѣлать золото и предложилъ Каліостро разрабатывать его вмѣстѣ. Дѣло шло о томъ, чтобы устроить въ Неаполѣ игорный домъ для многочисленныхъ иностранцевъ, путешествующихъ по Италіи. Каліостро, принявъ предложеніе, попрощался со своимъ принцемъ, котораго онъ ввелъ въ расходы и который даже еще не успѣлъ оцѣнить его по достоинству.

Въ первой же Неаполитанской деревнѣ, гдѣ остановились наши путешественники, они имѣли уже непріятное

приключеніе. Королевскіе жандармы арестовали ихъ по сильному подозрѣнію въ томъ, что они похитили женщину. Обыскъ въ гостинницѣ не привелъ къ розысканію женщины и ихъ освободили, но приключеніе это оставило у полиціи неблагопріятное впечатлѣніе; Каліостро сразу это почувствовалъ и рѣшилъ перебраться въ римскія владѣнія. Рѣшеніе это было весьма мудрымъ, такъ какъ прежде всего оно освобождало его отъ компаніона; тонсура, которую тотъ нѣкогда носилъ, и кой-какіе антецеденты заставляли его держаться подальше отъ великаго судилища. Въ Римѣ Каліостро велъ себя самымъ образцовымъ образомъ. Его видывали посѣщающимъ церкви, исполняющимъ религіозныя обязанности, бывающимъ въ кардинальскихъ дворцахъ. Зная объ отношеніяхъ его къ гросмейстеру Мальтійскаго ордена, Бальи-де-Бретейль, бывшій тогда посланникомъ Ордена при Святомъ престолѣ, принялъ его ласково и доставилъ ему другіе почетныя связи. Такимъ образомъ, въ короткое время Каліостро составилъ себѣ въ высшемъ римскомъ обществѣ и въ обществѣ иностранцевъ богатую кліентулу, которой даромъ онъ передавалъ чудесныя исторіи, а въ обмѣнъ за дукаты—специфическія средства отъ всѣхъ немощей. Онъ умѣренно пользовался своими доходами и, хотя не отказывалъ себѣ въ нѣкоторой роскоши, но позволялъ себѣ лишь скромныя удовольствія. Въ эту эпоху, проходя однажды вечеромъ площадью Frinité-des-Pelerins, мимо магазина бронзовщика, Каліостро увидѣлъ прелестную молодую дѣвушку, сидѣвшую у раскрытаго окна, въ нижнемъ этажѣ дома. Лоренца Феличіани произвела на него такое впечатлѣніе, что дня два спустя онъ явился къ родителямъ просить ея руки. Его кажущаяся зажиточность, его аристократическій титулъ и прекрасныя связи, которыя онъ имѣлъ въ римскомъ обществѣ, давали основаніе Феличіани смотрѣть на него, какъ на прекрасную партію. Поэтому онъ далъ свое согласіе и, послѣ вѣнца, новобрачные поселились у него въ домѣ. Можно было ожидать, что послѣ этого, нашъ авантюристъ, пріобрѣвшій почетное и обезпеченное положеніе, покончитъ со своей бродяжнической жизнью и окончательно остепенится. Ничего этого не случилось.

Всѣ біографы Каліостро, какъ расположенные къ нему, такъ и враждебные, единогласно утверждаютъ, что Лоренца Феличіани не только была молодой и прекрасной, но и одаренной всѣми сердечными достоинствами, нѣжной, самоотверженной, честной и скромной, какъ и родители, которые ее воспитали; словомъ, женщиной, точно созданной для семейнаго счастья. Каковы же должны были быть ея горе и стыдъ, когда мужъ въ ихъ интимныхъ разговорахъ сталъ насмѣхаться надъ ея правилами добродѣтели и представлять безчестіе женщины средствомъ наживы, на которое слѣдуетъ разсчитывать при супружескихъ сочетаніяхъ?!

Испуганная этими признаніями, Лоренца пожаловалась матери, которая въ негодованіи полетѣла разсказать объ этой низости своему мужу. Тотъ въ свою очередь пришелъ въ ярость и выгналъ Каліостро изъ дому. Но Лоренца, изъ нѣжности ли или по долгу, не пожелала отдѣлить своей судьбы отъ судьбы мужа.

Домъ, въ которомъ они поселились, скоро сталъ открытымъ для рыцарей индустріи, которыми такъ обиленъ святой городъ. Каліостро былъ нѣкоторое время сподвижникомъ двухъ изъ нихъ. Первый — Оттавіо Никандро былъ позднѣе повѣшенъ; второй, именовавшій себя маркизомъ д'Аліата, поддѣлывалъ почерки съ необкновеннымъ совершенствомъ. Такъ какъ онъ пригоршнями разбрасывалъ деньги, то подозрѣвали, что, благодаря своему искусству, онъ самъ ихъ изготовлялъ. Если Каліостро и не получалъ никогда денегъ, происходящихъ изъ этого источника, то, по крайней мѣрѣ, онъ вдоволь раздобылъ патентовъ на званія высшихъ чиновъ, составленіемъ которыхъ забавлялся д'Аліата, чтобы набить руку, когда у него не было лучшаго употребленія для досуга.

Въ товариществѣ произошли недоразумѣнія: Никандро, считавшій себя обиженнымъ своими соучастниками, донесъ на нихъ папской полиціи. Извѣщенный во-время маркизъ д'Аліата бѣжалъ изъ Рима, захвативъ съ собой Каліостро и его жену, изъ-за прелестныхъ глазъ Лоренцы. Бѣглецы направились въ Венецію черезъ Лоретту. Они останавливались лишь въ Бергамо и такъ какъ занялись тамъ опе-

раціями, болѣе доходными, чѣмъ законными, то власти, собравъ о нихъ свѣдѣнія, дали приказъ объ арестованіи. Д'Аліата, бывшій постоянно на-сторожѣ, успѣлъ скрыться. На этотъ разъ, онъ спасся лишь одинъ: Каліостро и Лоренца были посажены въ тюрьму.

Однако, такъ какъ разслѣдованіе никакихъ уликъ противъ нихъ не открыло, то спустя нѣсколько дней ихъ выпустили на свободу, съ приказомъ немедленно оставить городъ. Это было для нихъ мѣрой тяжелѣе самаго ареста. Д'Аліата увезъ ихъ кассу и они находились въ полнѣйшемъ безденежьи.

Въ такомъ положеніи вещей имъ пришла идея предпринять пилигримство къ Святому Якову Компостельскому. Пройдя владѣнія короля Сардиніи въ одеждѣ богомольцевъ, они перебрались въ Испанію и добрались до Барселоны. Во время этого долгаго путешествія, всѣ ихъ средства существованія заключались въ вспомоществованіяхъ, которыя они благодаря сладкимъ рѣчамъ, умѣли выманить у духовенства и у общинъ.

Они прожили въ столицѣ Каталоніи шесть мѣсяцевъ. Имъ не хватало средствъ къ существованію, и вотъ Каліостро придумалъ ихъ. По сосѣдству съ гостинницей, гдѣ они проживали, была церковь, принадлежащая монахамъ. Лоренца, наученная мужемъ, отправилась туда на исповѣдь и убѣдила своего исповѣдника, что она съ мужемъ принадлежатъ къ знатному римскому семейству, что они тайно обвѣнчаны и что, такъ какъ деньги, которые они ждутъ, замедлили, то они находятся немного въ затруднительномъ положеніи. Добрый монахъ повѣрилъ ей и далъ нѣсколько денегъ. На другой день онъ отправилъ имъ въ подарокъ окорокъ. Затѣмъ, посѣтивъ, титуловалъ ихъ превосходительствами. Все шло хорошо, пока мѣстный кюре не возъимѣлъ сомнѣній и не потребовалъ отъ нихъ брачнаго свидѣтельства, котораго они съ собой не имѣли. Въ этомъ затруднительномъ положеніи, Каліостро рѣшилъ обратиться за подкрѣпительствомъ къ одному вліятельному лицу и отправилъ къ нему свою жену.

«Молодая, — говоритъ историкъ Инквизиціи, — средняго

роста съ нѣжной кожей, темными волосами, круглолицая, пухлая, съ блестящими глазами и съ физіономіей ласковой, чувственной и многообѣщающей, опа въ состояніи была вскружить голову». Это и произошло въ данномъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ подобныхъ.

И такъ, благодаря Лоренцѣ, все болѣе и болѣе поддававшейся нравственнымъ воззрѣніямъ своего мужа, дѣло это уладилось. Сановникъ взялъ на себя истребовать изъ Рима брачное свидѣтельство, а пока расплатился за долговременное пребываніе супруговъ въ Барселонѣ. Въ Мадридѣ и Лиссабонѣ Каліостро имѣлъ такой же успѣхъ и при помощи тѣхъ же средствъ. Въ послѣднемъ городѣ, подъучившись немного англійскому языку отъ одной дѣвушки, которой, какъ говорятъ, онъ давалъ другіе уроки, онъ счелъ возможнымъ отправиться въ Лондонъ. Прибывъ сюда, супруги свели знакомство со многими квакерами и съ однимъ сициліанцемъ, назвавшимъ себя маркизомъ Вирона.

Подъ огнемъ прелестныхъ глазъ Лоренцы, растопилась сектантская суровость одного изъ этихъ квакеровъ. Не сдаваясь на его настойчивость, Лоренца разсказала объ ней мужу. Оба они, по соглашенію съ Вирона, рѣшили, чтобы она назначила квакеру тайное свиданіе, заставивъ того заплатить за ожидаемое имъ удовольствіе. Въ назначенный часъ квакеръ не замедлилъ явиться на приглашеніе дамы. На этомъ tête à tête рѣчи такъ разгорячились и стали такими оживленными, что, какъ повѣствуетъ историкъ Инквизиціи, «квакеръ весь въ поту сбросилъ свою шляпу, снялъ парикъ и свою одежду». Но, по условному сигналу внезапно появились въ комнатѣ Каліостро и Вирона, схватили свою жертву и, лишь смилостивившись надъ нимъ, позволили ему уйдти, взявъ съ него сто фунтовъ стерлинговъ, которые негодяи раздѣлили между собой.

Однако, нашъ авантюристъ велъ свои дѣла въ Лондонѣ довольно неудачно. Главнымъ его рессурсомъ была жена. Немного времени спустя послѣ приключенія съ квакеромъ, онъ былъ посаженъ въ тюрьму за неплатежъ своему домохозяину. Къ счастью, Лоренца, посѣщая баварскую католическую капеллу, имѣла случай познакомиться съ однимъ

честнымъ англичаниномъ. Она такъ картинно изложила ему о положенiи своего мужа, что достойный господинъ далъ ей необходимую сумму, чтобы заплатить долгъ. Послѣ освобожденiя Калiостро, супруги только и мечтали о томъ, какъ бы уѣхать изъ Лондона и отравиться въ Парижъ, куда влекли ихъ инстинкты.

Въ Луврѣ они повстрѣчались съ однимъ французомъ, по имени Дюплезиръ, который предложилъ принять на себя расходы по ихъ путешествiю. Предложенiемъ не преминули воспользоваться. Отъ самого Калiостро мы узнаемъ, что путешествiе совершалось на почтовыхъ, что Дюплезиръ ѣхалъ въ каретѣ съ его женой и что мужъ сопровождалъ ихъ верхомъ

Отношенiя, такъ прiятно начавшiяся, не могли прекратиться послѣ нѣсколькихъ дней. Дюплезиръ долго еще разсчитывался за хозяйство въ Парижѣ. Онъ сталъ бунтоваться лишь послѣ возростающей требовательности Калiостро, удовлетворить которую не въ силахъ было его скромное состоянiе. Говорятъ, передъ разрывомъ Дюплезиръ имѣлъ съ Лоренцой рѣшительный разговоръ, въ которомъ онъ совѣтовалъ ей возвратиться къ своимъ роднымъ, или, по крайней мѣрѣ, если она желаетъ продолжать ту же жизнь, вести дѣло на свою руку. Достовѣрно, что въ одинъ прекрасный день Лоренца внезапно покинула домъ своего мужа и переселилась въ другой, нанятый для нея Дюплезиромъ. Но Калiостро обратился къ заступничеству короля и получилъ приказъ объ арестѣ жены и заточенiи ея въ Sinte Pelagie, гдѣ она и содержалась нѣсколько мѣсяцевъ. Они помирились и, какъ кажется, не сохранивъ одинъ къ другому ни малѣйшаго неудовольствiя. Позднѣе, когда Калiостро, ставъ знаменитымъ и богатымъ, возвратился въ Парижъ и разъѣзжалъ въ роскошномъ экипажѣ, онъ пытался отрицать свое первое пребыванiе въ нашей столицѣ и исторiю съ Святой Пелагiей. Онъ утверждалъ, что ни жена его, которую онъ заставилъ принять имя Серафимы, не имѣетъ ничего общаго съ Лоренцой Феличiани, которая содержалась въ Святой Пелагiи, ни онъ, графъ Калiостро, съ тѣмъ эмпирикомъ, которому въ ту пору запрещено было

продолжать свою практику. Но извѣстные судебные документы неопровержимой подлинности подтверждаютъ этотъ пунктъ воспоминаній его недоброжелателей. Интересно, что въ то время, когда Лоренца была заключена, въ полицейскомъ трибуналѣ были составлены акты, которые помѣщены въ брошюрѣ, озаглавленной «Моя переписка съ графомъ Калiостро». Между прочимъ, тамъ приложено показанiе Дюплезира, въ которомъ говорится, что не только Бальзамо и его жена жили въ теченiе трехъ мѣсяцевъ на его счетъ, но что они еще надѣлали около двухсотъ экю долговъ модисткѣ, парихмахеру и учителю танцевъ, нѣкоему Лiонэ. Когда этотъ учитель давалъ своимъ ученикамъ балъ въ понедѣльникъ 21 декабря 1772 года, Бальзамо, при этомъ случаѣ, выманившiй у нѣкоторыхъ старьевщиковъ великолѣпныя платья, появился на балѣ вмѣстѣ съ женой въ самыхъ блестящихъ костюмахъ.

Немного времени спустя послѣ помянутой вечеринки, Калiостро покинулъ Парижъ болѣе или менѣе добровольно. Онъ попалъ въ Брюссель и, проѣхавъ Германiю и Италiю, вторично дерзнулъ показаться въ Палермо.

На этотъ разъ, онъ чуть-чуть не поплатился за свою смѣлость. Марано, которымъ онъ въ нѣкоторомъ родѣ бравировалъ, заставилъ арестовать его и требовалъ, чтобы его повѣсили; но заступничество одного магната, къ которому, во время проѣзда въ Неаполь, Калiостро имѣлъ самую теплую рекомендацiю, спасло его отъ этой опасности.

Затѣмъ онъ отплылъ съ своей женой на Мальту, возвратился въ Неаполь, гдѣ въ теченiе нѣсколькихъ мѣсяцевъ занимался кабалистикой въ связи съ химiей и имѣлъ много адептовъ. Оттуда онъ отправился въ Марсель, гдѣ ему встрѣтились двѣ очень удачныхъ операцiи. Въ этомъ городѣ жила одна дама, которая, несмотря на свой уже почтенный возрастъ, не отказалась отъ амурничанья. Калiостро представился случай свести съ ней знакомство и въ короткое время дама въ него влюбилась. Онъ получалъ отъ нея бездну подарковъ, какъ деньгами, такъ и вещами. Однако, это не все, что его добрая фортуна должна была ему принести. Въ своей молодости дама имѣла любовника,

который еще жилъ; болѣе ни къ чему онъ уже не былъ способенъ. Но добрякъ считалъ себя еще достаточно сильнымъ, чтобы ревновать. Такъ какъ онъ былъ очень богатъ, то дама желала его щадить и, изъ признательности, даже привязать къ сопернику, бывшему во всей силѣ своего возраста. Она посвятила послѣдняго въ тотъ способъ, которымъ разсчитывала достичь своей цѣли. Каліостро одобрилъ его и, такъ какъ галантный старичекъ уже страдалъ маніей искать философскій камень, то нашему авантюристу не представлялось большого труда убѣдить, что можетъ возвратить ему молодость. При помощи баттареи своихъ химическихъ аппаратовъ и кой-какихъ ловко произведенныхъ возгоновъ въ лабораторіи, Каліостро съумѣлъ потѣшить его обѣщаніями, что будетъ изготовлять для него золото. Въ ожиданіи этого, онъ тянулъ съ него изрядныя суммы, какъ будто для покупки препаратовъ, необходимыхъ для превращенія металловъ; такимъ образомъ всѣ оставались довольны. Дама и два ея любовника жили многіе мѣсяцы въ трогательномъ согласіи.

Приближалось, однако, время когда надежды старика на фабрикацію золота должны были лопнуть. Въ одинъ прекрасный день Каліостро объявилъ, что ему нужно предпринять поѣздку для разысканія какой-то травы, которой ему не достаетъ и безъ которой онъ не можетъ довершить своего великаго дѣла. Въ тоже время онъ убѣдилъ барыню, что ему необходимо отправиться въ Римъ вслѣдствіе неожиданной болѣзни его тестя. Отъ перваго онъ получилъ хорошую дорожную карету, а отъ обоихъ хорошо набитый деньгами кошелекъ.

Съ этими трофеями онъ уѣхалъ, но не въ Римъ, а въ Италію. Карета была продана въ Барселонѣ.

Каліостро съ Лоренцой послѣдовательно посѣтили Валенсію, Аликанте и Кадиксъ. Въ послѣднемъ городѣ они повстрѣчали другого фанатика химіи, отъ котораго выманили ассигнацій на тысячу экю, подъ обычнымъ предлогомъ необходимости раздобыть травы и ингредіенты, нужные для великой операціи. Едва возвратившись въ Лондонъ, Каліостро столкнулся съ старой англичанкой, по имени

M-me Фрей и съ нѣкіимъ Скоттомъ, предававшимся разнымъ комбиціямъ для выигрыша въ лоттерею; манія эта стоила имъ уже изрядныхъ денегъ. Для Каліостро это были желательные кліенты. Онъ убѣдилъ ихъ, что помощью астрономическихъ выкладокъ можетъ узнать, какія номера будутъ выигрышными. «Лишь вычислить эти номера будетъ стоить дорого, а чары, необходимые для того, чтобы достать номера, еще дороже! Но результатъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію». Каліостро говорилъ съ такой убѣдительностью, что наши игроки ему повѣрили и тотчасъ же отдали въ его распоряженіе сумму, которую онъ требовалъ для своихъ кабалистическихъ операцій.

Счастливому случаю было угодно, чтобы кой-какіе изъ номеровъ, избранныхъ и указанныхъ чародѣемъ, доставили М-me Фрей выигрышъ въ пятьдесятъ тысячъ франковъ. Очередь господина Скотта еще не пришла: но, послѣ этой первой удачи, кто-же могъ сомнѣваться, что она не прійдетъ, когда астрономическія вычисленія относительно его игры будутъ доведены до конца?! Нужно только быть настойчивымъ. Довѣрчивый буржуа сталъ настойчивымъ и былъ имъ долго. Что касается М-me Фрей, она не отставала отъ Каліостро и надоѣдала ему какъ своей назойливостью, такъ и своими благодарностями. Каліостро приводилъ ее въ отчаяніе отказомъ отъ всѣхъ ея подарковъ. Наконецъ, онъ объявилъ, что если ей непремѣнно хочется нести новыя жертвы, то гораздо лучше понести ихъ для выполненія великаго химическаго предпріятія и притомъ самаго прибыльнаго, именно, для приращенія брилліантовъ и золота, зарываемыхъ въ нѣдра земли.

М-me Фрей, соблазненная обѣщаніемъ Каліостро, купила прелестное брилліантовое ожерелье и роскошный золотой ящичекъ. Выигранныхъ пятидесяти тысячъ франковъ едва хватило на эту покупку; но она не торговалась. Надѣвъ ожерелье на шею Лоренцы и сунувъ ящичекъ въ карманъ камзола господина графа, она стала ожидать событій, которыя должны были совершиться по слѣдующей программѣ.

Ящикъ и брилліанты будутъ зарыты въ воздѣлываемую

почву и пробудутъ тамъ въ теченіе извѣстнаго срока. Тамъ бриллiанты должны разбухнуть и размягчиться. Тогда, помощью извѣстнаго крѣпительнаго порошка, ученый алхимикъ снова сдѣлаетъ ихъ твердыми, а такъ какъ они увеличатся въ объемѣ и соотвѣтственно этому увеличится вѣсъ, то экспериментаторы выиграютъ въ сто разъ. Золотой ящикъ, конечно бывшій самъ по себѣ порядочно вмѣстительнымъ, долженъ былъ принять размѣры въ четыре раза большіе и соотвѣтственно этому вѣсить. Это чудесное дѣло природы заставило себя ждать очень долго. М-me Фрей потеряла терпѣніе, надо полагать, потому что, наконецъ, поняла, что попрощалась съ своими бриллiантами. Скоттъ, съ своей стороны, утомился питать лотерейные номера, не повиновавшіеся никакимъ вычисленіямъ и никакимъ чарамъ. Оба они обратились къ правосудію.

По ихъ жалобѣ Каліостро былъ арестованъ. Акты судебнаго разбирательства, производившагося въ Лондонѣ, свидѣтельствуютъ, что обвинители не могли представить никакого доказательства о сдѣланныхъ ими выдачахъ, что Каліостро нагло отвергъ, что онъ отъ нихъ что-нибудь получалъ и что онъ выпутался изъ дѣла насмѣшливой присягой. *) Наконецъ, передъ судьями онъ похвалялся, что ему извѣстна кабалистика и свою защиту увѣнчалъ предложеніемъ предсказать первый номеръ, который выйдетъ въ лотерею будущаго года.

Остановимся на минуту на этомъ моментѣ исторіи нашего авантюриста, потому что теперь произошелъ крутой переворотъ въ немъ самомъ и въ его положеніи.

Въ самомъ дѣлѣ, во время этого вторичнаго пребыванія его въ Лондонѣ, заурядный шарлатанъ стушевался и уступилъ мѣсто субъекту, которому суждено было играть видную роль на міровой сценѣ. Роль одурачивающаго простяковъ окончилась и началась роль необыкновеннаго человѣка. Его языкъ, осанка, манеры—все въ немъ измѣни-

---

*) Эти акты приведены авторомъ Vie de Balsamo, extracte de sa procedure въ брошюрѣ, которую мы цитировали и которая озаглавлена: «Ma correspondance avec le compte de Caliostro».

лось. Онъ сталъ говорить о своихъ путешествіяхъ по Египту, Меккѣ и другимъ отдаленнымъ странамъ; о наукахъ, въ которыя онъ былъ посвященъ у подножій пирамидъ, о тайнахъ природы, въ которыя онъ проникъ своимъ геніемъ. Впрочемъ, онъ не былъ многорѣчивъ и чаще замыкался въ таинственное молчаніе. Когда къ нему обращались съ повторными просьбами, самое большое, что онъ удостоивалъ—это чертить свой шифръ, заключавшійся въ змѣѣ, держащей во рту яблоко, пронизанное стрѣлой, что означало, что человѣческая мудрость требуетъ молчанія относительно всѣхъ тайнъ, въ которыя она проникла. Эта нравственная перемѣна, совершившаяся съ Каліостро во время пребыванія его въ Лондонѣ, совпадаетъ съ принятіемъ его въ массонство и, конечно, произошла отъ этого самаго обстоятельства. Въ серединѣ XVIII столѣтія массонство въ Европѣ стало скрытой силой, имѣвшей извѣстное значеніе. Внѣ сомнѣнія, Каліостро понялъ всю выгоду, которую могъ извлечь въ средѣ этой ассоціаціи изъ знаній, пріобрѣтенныхъ имъ во время путешествій на Востокѣ, классической странѣ чудесъ.

Какъ бы то ни было, новый адептъ, едва принятый во франкъ-массонство, уже задумалъ планъ соперничествующей и болѣе могущественной институціи, чѣмъ традиціонное массонство. Мы намекаемъ на такъ называемое египетское массонство, въ которомъ вскорѣ Каліостро долженъ былъ занять положеніе верховнаго вождя. Откуда у него зародилась первая идея объ этомъ новшествѣ, такъ какъ, несмотря на всѣ его завѣренія, конечно, онъ не вывезъ ее изъ пирамидъ? Англійская корреспонденція, напечатанная у Трейтела въ Страсбургѣ, въ 1788 году, даетъ намъ по этому предмету любопытныя разъясненія. Говоря о Каліостро она сообщаетъ:

«Посвященный въ таинства массонства, онъ не прекращалъ, такъ же какъ и въ Лондонѣ, посѣщать различныя ложи. Незадолго передъ отъѣздомъ изъ этого города, онъ пріобрѣлъ у одного книгопродавца манускриптъ, бывшій ему совершенно неизвѣстнымъ и, какъ кажется, принадлежавшій перу нѣкоего Георгія Гастона.

«Въ немъ дѣло шло объ египетскомъ массонствѣ, въ систему котораго положено нѣчто магическое и предразсудное. Каліостро рѣшилъ образовать по этому плану новый ритуалъ массонства, удаливъ изъ него все, говоритъ онъ, что было въ немъ нечестиваго, то есть магію и суевѣріе. Въ самомъ дѣлѣ, онъ создалъ эту систему; это тотъ ритуалъ, основателемъ котораго былъ онъ, который распространился по всѣмъ частямъ свѣта и который столько содѣйствовалъ удивительной извѣстности своего автора».

Таково вульгарное происхожденіе, которое приписываютъ египетскому ритуалу тѣ, кто отказывается вѣрить, что Каліостро пріобрѣлъ традиціи о немъ непосредственно отъ наслѣдниковъ Еноха и Ильи.

Какъ бы тамъ ни было, но съ этого времени для Каліостро началась карьера чудотворца. Не только онъ начинаетъ слыть за открывшаго средство продолжить жизнь посредствомъ философскаго камня, но отмѣчаютъ, что впервые онъ начинаетъ лѣчить обращающихся къ нему за помощью. Послѣдній фактъ установленъ человѣкомъ близкимъ къ инквизиціи, который описалъ его жизнь *). И утвержденію этого біографа можно вѣрить, такъ какъ онъ былъ историкомъ, предубѣжденнымъ противу своего героя.

Какіе пріемы употреблялъ Іосифъ Бальзамо для совершенія имъ попытокъ къ исцѣленію? Какъ онъ могъ выступить на сцену въ то самое время, когда ее занималъ Месмеръ, т. е. въ 1788 году? Думали видѣть въ немъ соперника Месмеру и полагали, что оба они черпаютъ свои чудеса изъ одного источника. Каліостро, болѣе сдержанный въ примѣненіи общихъ пріемовъ, болѣе энциклопедичный, въ нѣкоторомъ родѣ обобщилъ магнетизмъ. Каліостро также хорошо лѣчилъ, какъ и Месмеръ, но онъ обходился безъ пассовъ, безъ желѣзныхъ палочекъ, безъ манипуляцій, безъ чана; онъ лѣчилъ простымъ прикосновеніемъ, что болѣе

*) Vie de Joseph Balsamo, connu sous le nom de compte de Caliostro, extraite de la procedure instruite contre lui à Rome en 1790 traduite d'aprês original l'italien imprimée a la chambre apostolique, enrichée de notes curieuses et ornée de son portrait I vol. in—8, Paris et a Strasbourg 1731.

сближаетъ его съ Гаспером, Гретрекеромъ, чѣмъ Месмеромъ. Другое отличіе,—Каліостро никогда не эксплоатировалъ своихъ больныхъ, даже совсѣмъ наоборотъ. Во всѣхъ городахъ, черезъ которые ему приходилось проѣзжать, его агенты на его счетъ устраивали удобныя клиники, въ которыхъ всѣ, кто обращался къ нему за исцѣленіемъ, получали таковое непосредственно изъ его рукъ, вмѣстѣ съ вспомоществованіемъ для ихъ нуждъ и даже для нуждъ ихъ семействъ. Каліостро былъ щедръ, что доказывалъ широкой раздачей милостыни, которой онъ усѣевалъ свой путь. Сохраняя глубокое молчаніе относительно источника своего состоянія, онъ былъ также сдержанъ относительно природы своихъ цѣлительныхъ средствъ и не вдавался въ разсужденія ни съ учеными, ни съ медиками, ни съ академиками. Онъ дѣйствовалъ смѣло, властно и всюду возбуждалъ удивленіе, составлявшее безъ всякаго сомнѣнія, главную силу его успѣха. Король Людовикъ XVI, насмѣхавшійся надъ Месмеромъ, объявилъ виновнымъ въ оскорбленіи величества всякаго, кто обидитъ Каліостро. Нашему громкому шарлатану нечего было опасаться прійти въ этомъ званіи въ столкновеніе съ господиномъ Сартиномъ. *)

Медицинская практика Каліостро была не болѣе, какъ побочной вещью въ его карьерѣ универсальнаго магнитизера или, самое большое, средствомъ, разсчитаннымъ на то, чтобы вызвать довѣріе толпы. Его стройное сложеніе, гордый видъ, усиливаемый костюмомъ самаго страннаго великолѣпія, его многочисленная свита и длинный рядъ экипажей, который за нимъ слѣдовалъ, естественно обращали на себя всеобщее вниманіе и предрасполагали обыкновенные умы къ восхищенію, близкому къ идолопоклонству. Главная его сила лежала въ могущественномъ очарованіи всѣхъ, кто съ нимъ сближался. Ему приписывали всѣ роды знаній и удивительныя способности.

Вотъ въ какихъ чертахъ описываетъ его одинъ современникъ, утверждающій, что зналъ его лично:

---

*) Де-Сартинъ—начальникъ полиціи (1729—1801). *Прим. перев.*

«Докторъ, посвященный въ кабалистическое искусство, въ ту часть его, которая даетъ возможность сноситься съ первобытными людьми, съ мертвыми и отсутствующими,— онъ—розенкрейцеръ, владѣетъ всѣми человѣческими знаніями, искусенъ въ превращеніи металловъ и особенно обыкновенныхъ металловъ въ золото; это благодѣтельный сильфъ, лѣчащій даромъ бѣдныхъ, за пустякъ продающій безсмертіе богатымъ. Въ своихъ странническихъ переѣздахъ проѣзжаетъ необъятныя пространства въ короткій срокъ нѣсколькихъ часовъ *).

Бордъ въ своихъ письмахъ о Швейцаріи выражается о Каліостро, какъ объ удивительномъ человѣкѣ. «Наружность его,—говоритъ онъ,—выдаетъ геніальный умъ, огненные его глаза читаютъ въ глубинѣ души. Ему знакомы почти всѣ языки Европы и Азіи; краснорѣчіе его удивляетъ, увлекаетъ даже тогда, когда онъ говоритъ на языкахъ, наименѣе ему знакомыхъ».

Газета «Здоровье» дополнила описаніе этой особы нѣсколькими подробностями, болѣе вульгарными, но и болѣе характерными:

«Господинъ графъ Каліостро, говорятъ, владѣетъ секретами одного адепта, открывшаго жизненный элексиръ...

«Онъ спитъ всегда въ креслѣ и ѣстъ однажды въ день; ѣда состоитъ изъ макаронъ. Онъ привезъ съ собой истинную медицину и египетскую химію и предлагаетъ пятьдесятъ тысячъ экю, чтобы основать египетскій госпиталь. Онъ не имѣетъ никакихъ сношеній съ людьми профессіи и, чтобы отличиться отъ нихъ, лѣчитъ даромъ. Указываютъ на М., на шевалье de L, какъ на людей, которыхъ онъ воскресилъ. Вынужденный покинуть Россію, вслѣдствіе зависти лейбъ-медика императрицы, графъ Каліостро предложилъ ему своеобразную дуэль: каждый изъ нихъ долженъ былъ приготовить по четыре пилюли изъ самыхъ сильныхъ ядовъ. «Я приму ваши,—сказалъ онъ русскому доктору,—запью каплей своего элексира и выздоровѣю; вы примите мои и выздо-

---

*) Tableau mouvant de Paris, t. II. p. 307.

равливайте, если сможете. Эти равноправныя условія поединка приняты не были».

Вообще, думают, что главные источники золота и серебра, которые Каліостро так расточительно всюду сыпал по своему пути, заключались в уплатах, которыя ему производили массонскія ложи. Мы полагаем, что на этом мнѣніи приходится примириться, чтобы объяснить себѣ его богатство в эту вторую эпоху его карьеры. Он ѣздил всегда на почтовых, в сопровожденіи многочисленной свиты. Лакейскія ливреи, заказанныя им в Парижѣ, стоили по двадцати луидоров каждая. Несомнѣнно, что Каліостро обладал суммой качеств и способностей, заставлявших смотрѣть на него в франк-массонствѣ, как на самаго могущественнаго пропагандиста. Но они могли-бы поставить ему в укор постоянное нарушеніе довѣрія, которым он грѣшил относительно своих вѣрителей, потому что в вопросѣ массонства он пропагандировал лишь свое, т. е. массонство египетское, в котором он сдѣлался главой. Первое основаніе ему он положил в Лондонѣ и, покидая этот город, он оставил уже там многих адептов, набранных им из братьев обыкновенных лож.

Лоренца преобразилась одновременно с своим супругом. Ея сознаніе собственнаго достоинства и ея манеры были в унисон с проектами Каліостро. Она взирала его глазами на славу грандіозных успѣхов Как Каліостро сбросил с себя прежняго человѣка, так и Лоренца не была уже женщиной вульгарной, которая до того времени любезно предоставлялась к услугам разных буржуа и влюбчивых квакеров.

Попрощавшись с лондонскими англичанами, Каліостро с женой на нѣкоторое время показались в Гагѣ, а затѣм отправились в Венецію, гдѣ Каліостро повстрѣчался с другими англичанами, с своими кредиторами, из которых нѣкоторые казались очень требовательными. Нужно было поспѣшить оградить себя хоть одной границей от этих назойливых слѣдов прошлой жизни. Поэтому они внезапно уѣхали в Германію. Они лишь проѣхали Вѣну и окончательно бросили якорь в Гольштейнѣ. По нѣкоторым до-

кументамъ сомнительной достовѣрности *), Каліостро и его жена имѣли въ Гольштейнѣ свиданіе съ знаменитымъ графомъ Сенъ-Жерменъ, который уже много лѣтъ отдыхалъ тамъ въ своемъ безсмертіи, составляя мирное благополучіе трехъ особъ, которыя упивались лучшими шампанскими и венгерскими винами въ признательность за Пактолъ, который онъ провелъ въ ихъ владѣніи **). Письмо, которымъ Каліостро просилъ аудіенціи у графа Сенъ-Жерменъ, гласило, что онъ желаетъ пасть ницъ передъ богомъ вѣрующихъ.

Богъ отвѣчалъ, что будетъ дома въ 2 часа ночи.

«Когда пришло время, Каліостро и его жена облачились въ бѣлыя туники, подпоясанныя золотистыми поясами, и отправились въ замокъ. Подъемный мостъ опустился и шестифутовый человѣкъ, одѣтый въ длинное сѣрое платье, ввелъ ихъ въ слабо освѣщенный салонъ. Внезапно открылись двѣ громадныя двери и глазамъ ихъ представился храмъ, блестящій тысячей свѣчей. На престолѣ возсѣдалъ графъ Сенъ-Жерменъ, а у ногъ его два прислуживающихъ держали золотыя кадильницы, откуда возносилось нѣжное и пріятное благоуханіе. Богъ имѣлъ на груди брилліантовую звѣзду ослѣпительнаго блеска. Громадная фигура, вся бѣлая и прозрачная, держала въ рукахъ сосудъ, на которомъ было написано: «Элексиръ Безсмертія». Немного далѣе, можно было видѣть громадное зеркало, передъ которымъ прохаживалась величественная фигура.

Сверху зеркала стояла надпись:

«Депо блуждающихъ душъ».

«Самое мрачное молчаніе царило въ этомъ священномъ мѣстѣ; голосъ, точно, слагавшійся изъ нѣсколькихъ, провозгласилъ: «Кто вы? Откуда? Что вамъ нужно?»

«Тогда графъ, также какъ и графиня, пали ницъ на землю и послѣ продолжительнаго молчанія, графъ отвѣтилъ: «Я прибылъ умолять бога вѣрующихъ, сына природы, отца истины; я явился просить одной изъ четырнадцати тысячъ семисотъ

---

*) Memoires anthentiques pour servir a l'histoire du compte de Caliostro. 1785.

**) Vie de Joseph Balsamo, extraite de la procedure instrute contre lui à Rome en 1790; chap. III, p. 121.

тайнъ, которыя онъ хранитъ въ своей груди; я здѣсь, чтобы стать его рабомъ, его апостоломъ, его мученикомъ!»

«Богъ не отвѣчалъ, но, послѣ долгаго молчанія, раздался голосъ, спросившій: «Что обѣщаетъ подруга твоихъ долгихъ путешествій?»

Лоренца отвѣчала: «повиноваться и служить». Тогда мракъ заступилъ мѣсто яркаго свѣта, шумъ—тишинѣ, боязнь—довѣрію, безпокойство—надеждѣ и голосъ рѣзкій и угрожающій сказалъ: «Несчастіе тому, кто не выдержитъ испытанія» *). Супруговъ раздѣлили, чтобы каждый перенесъ относящіяся къ нимъ испытанія. Испытанія Лоренцы многимъ походили на тѣ искушенія, которымъ позднѣе она подвергла своихъ тридцать шесть адептовъ въ храмѣ улицы Вертъ. Она была заперта въ кабинетѣ, съ глазу на глазъ съ человѣкомъ, тощимъ, блѣднымъ и кривлякой, который сталъ разсказывать ей о своихъ удачахъ и читать письма отъ самыхъ могущественныхъ королей. Онъ кончилъ тѣмъ, что потребовалъ отъ нея бриллiанты, которые украшали ея голову. Лоренца поспѣшила ихъ отдать. Тогда настала очередь другого человѣка. Этотъ имѣлъ изящную фигуру, выразительные глаза и рѣчи, полныя соблазна. Но Лоренца была величественна въ непреклонности и насмѣшкѣ. Истративъ на нее понапрасну всѣ свои рессурсы, этотъ новый экзаменаторъ ушелъ, оставивъ ей на пергаментѣ патентъ непреклонности. Тогда ее ввели въ обширное подземелье, чтобы быть свидѣтельницей самаго ужасающаго зрѣлища: мужчинъ, закованныхъ въ цѣпи, женщинъ, которыхъ сѣкли кнутомъ, палачей, отрубающихъ головы, осужденныхъ, пившихъ смерть изъ отравленныхъ кубковъ, раскаленнаго желѣза, столбовъ, исписанныхъ безстыдными надписями. «Мы мученики нашихъ добродѣтелей»—сказалъ голосъ,—вотъ какъ человѣчество, для блага котораго мы себя посвящаемъ, отплачиваетъ за наши таланты и благодѣянія!» Но ни зрѣлище это, ни слова нисколько не смутили Лоренцу,—и это было ея послѣднее испытаніе. Испытанія Каліостро были исключительно нравственныя и онъ выдержалъ ихъ съ честью.

*) Memoires anthentiques pour servir à l'histoire du comte de Caliostro.

Введенные снова въ храмъ супруги услышали, что они будутъ допущены къ божественнымъ таинствамъ. Здѣсь человѣкъ, одѣтый въ длинный плащъ, сказалъ имъ: «Знайте, что великая тайна нашего искусства—это управлять людьми и единственное средство—никогда не говорить имъ истины. Не ведите себя такъ, какъ бы требовалъ здравый смыслъ, бравируйте разсудкомъ и смѣло совершайте самыя невѣроятныя нелѣпости. Помните, что главный двигатель природы, политики и общества есть репродукція; что манія смертныхъ — стать безсмертными, знать будущее, хотя бы они не знали настоящаго; быть спиритуальными тогда, какъ сами они и все ихъ окружающее матеріально».

Ораторъ, окончивъ свою рѣчь, склонился передъ богомъ вѣрующихъ и удалился. Въ тотъ же моментъ появился человѣкъ высокаго роста, который, поднявъ Лоренцу, поднесъ ее къ безсмертному графу Сенъ-Жерменъ, который высказался въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Призванный съ самой нѣжной юности къ великимъ дѣламъ, я старался узнать, въ чемъ состоитъ истинная слава. Политика казалась мнѣ не болѣе, какъ наукой обманывать; тактика — искусствомъ убивать; философія—горделивой маніей болтать вздоръ; физика—занимательной мечтой о природѣ и постояннымъ заблужденіемъ людей, попавшихъ въ неизвѣданныя страны; теологія—знаніемъ несчастій, къ которымъ приводитъ человѣческая гордость; исторія—печальнымъ и однообразнымъ изученіемъ заблужденій и коварствъ. Изъ этого я заключилъ, что государственный человѣкъ—ловкій обманщикъ; герой—знаменитый маніакъ; философъ—оригиналъ; физикъ—жалкій слѣпецъ; богословъ—фанатикъ; историкъ — торговецъ фразами. Я слышалъ о богѣ этого храма, я излилъ передъ нимъ мои сокрушенія, мои сомнѣнія, мои желанія. Онъ овладѣлъ моей душой и показалъ мнѣ предметы съ другой точки зрѣнія. Съ этого времени я сталъ читать въ будущемъ; міръ этотъ, такой ограниченный, такой тѣсный, такой пустынный, расширился. Я сталъ жить не только съ тѣми, кто существуетъ, но еще и съ тѣми, кто нѣкогда существовалъ. Онъ познакомилъ меня съ самыми прелестными женщинами древности: съ этой Аспазіей, этой Леонтіей, этой Сафо, этой

Фаустиной, Семирамидой, Иреной, о которыхъ столько говорилось. Я позналъ сладость знать все, не учась, располагать всѣми сокровищами земли, не нищенствуя передъ царями; повелѣвать стихіями вмѣсто того, чтобы повелѣвать людьми. Небеса создали меня щедрымъ. У меня есть, чѣмъ удовлетворить своей склонности. Все, что меня окружаетъ, богато, любяще, предназначено къ вѣчной славѣ».

Какъ мы уже замѣтили, недостатокъ точныхъ подробностей о чудесахъ этого необыкновеннаго человѣка, утверждавшаго, что онъ вмѣстѣ съ Іисусомъ Христомъ пилъ на свадьбѣ въ Каннѣ и его разсказы столь же ученые, сколь и сказочные, прикрашиваемые обстоятельствами, умѣло подобранными, заставляли безъ колебанія принимать его за современника событій, о которыхъ онъ повѣтствовалъ. Ничего не было извѣстнымъ ни о его происхожденіи, ни объ источникахъ его богатства, которое было, казалось, значительно. Предполагаютъ, что онъ былъ богато оплачиваемымъ шпіономъ, которыхъ порой дворы содержали въ аристократическихъ кружкахъ разныхъ столицъ. Какъ бы то ни было, финансы Сенъ-Жермена никогда не истощались, что, какъ мы видѣли, съ Каліостро случалось не рѣдко. Богъ вѣрующихъ умѣлъ къ тому принимать лучшія мѣры, чтобы заставить вѣровать въ свое безсмертіе, чѣмъ божественный Каліостро. Во дни зенита своей славы, послѣ того, какъ онъ очаровалъ самое высшее общество Парижа и жилъ въ интимныхъ отношеніяхъ съ фавориткой короля (M-me Помпадуръ), онъ въ одинъ прекрасный день исчезъ безслѣдно, пожелавъ скрыть свою смерть, такъ же тщательно, какъ скрывалъ свое рожденіе. Къ несчастью, біографы, люди по своему положенію крайне любопытные, открыли, что графъ Сенъ-Жерменъ кончилъ свои дни, какъ простой смертный въ Шлезвигѣ въ 1784 году.

Каліостро и его жена, получивъ посвященіе отъ графа Сенъ-Жерменъ, неизвѣстно, дѣйствительное-ли, или вымышленное, такъ какъ ручательствомъ ему служитъ повѣствованіе, которое само нуждается въ ручательствѣ, переѣхали въ Курляндію, гдѣ основали массонскія ложи египетскаго ритуала. Красота Лоренцы вертѣла головы не одному маг-

нату этой страны. Она была тѣмъ заманчивѣе, что ея мужъ предоставилъ ей играть роль достойной женщины. Въ Митавѣ, говоритъ одинъ писатель, котораго мы уже цитировали, число поклонниковъ было значительно; золото и драгоцѣнности грудами валились къ ногамъ этой новой Пенелопы, которая пряла и распускала свою пряжу съ удивительной ловкостью. Это было тогда, когда, по увѣренію историка инквизиціи, Каліостро, мощно вспомоществуемый прелестями своей жены, сталъ господствовать надъ умами большей части курляндскаго дворянства до такой степени, что наиболѣе восторженные предлагали лишить престола царствующаго герцога и посадить Каліостро на его мѣсто.

Нужно отмѣтить, по источникамъ историка инквизиціи, два чуда, ознаменовавшія пребываніе Каліостро въ Курляндіи, изъ которыхъ первое надѣлало большого шуму въ Европѣ.

«Въ числѣ обстоятельствъ, содѣйствовавшихъ его громкой извѣстности, самымъ поразительнымъ, безъ сомнѣнія, было событіе, оправдавшее предсказаніе о Шифортѣ, сдѣланное имъ въ Данцигѣ. Каліостро предсказалъ смерть этого знаменитаго иллюмината. Дѣйствительно Шифортъ застрѣлился. Массоны, которыхъ въ Митавѣ было множество, приглашали Каліостро въ свои ложи; онъ бывалъ тамъ и предсѣдательствовалъ въ качествѣ главы и гостя. Эти различныя ложи держались догматовъ и ритуаловъ Шифорта, шведа Сведенборга и Фаля—еврейскаго архи-раввина, которые всѣ считались учителями права у иллюминатовъ. Каліостро при нихъ основалъ ложу мужчинъ и женщинъ со всѣмъ церемоніаломъ, предписаннымъ въ его книгѣ. Онъ говорилъ, какъ наиболѣе почетный въ собраніи, по обыкновенію хорошо, какъ всегда поддерживаемый и вспомоществуемый Богомъ; но такъ какъ все это не просвѣтило его слушателей, онъ обязался дать имъ реальное доказательство истины провозглашаемаго имъ ученія..

Онъ приказалъ внести въ ложу маленькаго ребенка, сына одного магната и посадилъ его къ себѣ на колѣни, передъ столомъ, на которомъ стоялъ графинъ съ прозрачной водой и нѣсколькими зажженными свѣчами, помѣщенными позади графина; онъ сдѣлалъ заклинаніе, наложилъ руку на голову

*

ребенка и въ этомъ положеніи они оба обратились съ молитвой къ Богу о благополучномъ выполненіи дѣла. Когда затѣмъ Каліостро приказалъ ребенку всмотрѣться въ графинъ, тотъ вдругъ вскрикнулъ, что видитъ садъ и заключаетъ изъ этого, что Богъ ему поможетъ. Каліостро ободрился и сказалъ ребенку, чтобы онъ просилъ у Бога милости показать ему архангела Михаила.

Сперва ребенокъ сказалъ: «Я вижу что-то бѣлое, но не могу разобрать, что это такое». Затѣмъ онъ принялся прыгать и волноваться, точно одержимый, крича: «Вотъ, я вижу такого-же мальчика, какъ я самъ, который имѣетъ въ себѣ что-то ангельское». И онъ далъ описаніе, вполнѣ сходное съ представленіемъ, которое имѣютъ объ ангелахъ. Все собраніе и самъ Каліостро находились въ волненіи. Онъ еще разъ приписалъ этотъ успѣхъ милости Божіей, которая, по его словамъ, всегда ему сопутствовала и покровительствовала. Отецъ ребенка пожелалъ, чтобы сынъ, при помощи графина, увидѣлъ, что дѣлаетъ въ это время старшая его дочь, бывшая въ деревнѣ въ пятнадцати миляхъ отъ Митавы. Ребенокъ, послѣ того, какъ надъ нимъ повторено было заклинаніе, возложены были руки ему на голову и адресованы къ небесамъ обычныя молитвы, взглянулъ на графинъ и отвѣтилъ, что въ эту минуту сестра сошла съ лѣстницы и обнимаетъ другого ея брата. Тогда присутствовавшимъ это показалось невозможнымъ, такъ какъ братъ находился въ сотняхъ миль отъ мѣста, гдѣ была сестра. Каліостро не смутился. Онъ отвѣтилъ, что можно послать въ деревню провѣрить это обстоятельство и, послѣ того, какъ всѣ приложились къ его рукѣ, онъ закрылъ ложу съ обычными церемоніями.

Послали въ деревню и все, чему отказывались вѣрить, оказалось справедливымъ. Молодой человѣкъ, котораго обнимала сестра, вернулся изъ заграницы. Знаки почтенія, удивленія посыпались на Каліостро и его жену.

Онъ продолжалъ устраивать собранія по своей системѣ и производить испытанія съ графиномъ и ребенкомъ. Одна дама пожелала, чтобы питомецъ или голубь увидѣлъ одного изъ ея братьевъ, умершаго еще въ молодости. Ребенокъ его уви-

дѣлъ.—Повидимому онъ веселъ и доволенъ, что заставляетъ меня думать,—сказалъ Каліостро,—что онъ находится въ мѣстѣ блаженства; я сейчасъ въ этомъ убѣдился, такъ какъ изъ справокъ, которыя сдѣлалъ, я узналъ, что онъ былъ добрымъ протестантомъ *).

Разсказъ этотъ имѣетъ для насъ важное значеніе, такъ какъ указываетъ, въ чемъ, главнымъ образомъ, состояли совершаемыя Каліостро чудеса, служившія ему для возбужденія удивленія въ его кругу. Видѣнія людей умершихъ или живущихъ, появленія ихъ въ зеркалахъ или графинахъ съ водой—вотъ въ чемъ состояли главнымъ образомъ его кабалистическія дѣйствія. То, что Каліостро продѣлывалъ тогда въ Германіи, онъ производилъ въ Парижѣ, гдѣ появленія въ его магическомъ зеркалѣ болѣе всего поражали горожанъ и Дворъ. Мы думаемъ, что знаніе это онъ вывезъ изъ своихъ путешествій по Египту. Въ предшествовавшей книгѣ **) мы указали пріемы, помощью которыхъ египетскіе волшебники заставляли появляться образы людей, умершихъ или живущихъ, въ шарахъ, наполненныхъ водой, или въ горстяхъ набранной воды. Операціи эти относятся къ такой отдаленной эпохѣ, что она теряется въ мракѣ временъ. Живя въ Александріи, Каирѣ и въ какихъ нибудь другихъ городахъ Египта въ обществѣ своего ментора Альтотаса, Каліостро, вѣроятно, узналъ секретъ этого феномена, тогда неизвѣстнаго въ Европѣ. Сперва онъ ввелъ его въ массонскія ложи для полученія высшей степени, которой онъ добился, а потомъ демонстрировалъ передъ публикой, которая должна была приходить въ смущеніе при видѣ такихъ эффектовъ. Будучи ловчѣе Месмера, Каліостро не посвящалъ никого въ средства, которыя онъ для этого употреблялъ,—и ореолъ кудесника не могли затмить ни противудѣйствіе ученыхъ, ни доклады академиковъ.

Каліостро и Лоренца, осыпанные почестями и подарками, оставили Гольштейнъ и отправились въ Петербургъ. Извѣстно, какъ они должны были покинуть эту столицу, вслѣд-

---

*) Vie de Joseph Balsamo, extraite de la procédure instruite contre lui a Rome en 1790; chap. III p. 124.

**) Le Magnetisme animal, page 374.

ствіе неумѣреннаго вліянія, которое Лоренца пріобрѣла надъ первымъ министромъ Потемкинымъ. Намъ остается сказать нѣсколько словъ объ актахъ, совершенныхъ Каліостро въ то время, когда онъ тамъ находился.

Князь Потемкинъ очень хорошо принялъ мужа, раньше чѣмъ узналъ, чего стоитъ его жена. Нисколько не вѣря въ божественность этого иностранца, онъ прежде всего разсчитывалъ найти въ немъ эмпирика, обладающаго кой-какими полезными свѣдѣніями въ химіи. Но послѣ множества громкихъ похвальбъ и хвастливаго щегольства алхимическими познаніями—все, что Каліостро могъ предложить министру, ограничивалось новымъ сплавомъ для мундирныхъ пуговицъ, да и этого обѣщанія онъ не въ состояніи былъ сдержать.

Въ этомъ пунктѣ ученому пришлось потерпѣть неудачу, какъ магъ же онъ имѣлъ небольшой успѣхъ у скептическихъ магнатовъ С.-Петербурга. Будучи человѣкомъ умнымъ, Каліостро на будущее время отказался при русскомъ Дворѣ отъ всего, что имѣло видъ колдовства и принялъ видъ простого цѣлителя.

Ему скоро въ этой роли представилась мастерская продѣлка трансцендентальной или дьявольской смѣлости. Г. Жюль де Сенъ-Феликсъ разсказываетъ, какъ происходило это приключеніе.

«Ребенокъ одного магната опасно заболѣлъ. Ему былъ сдва годъ отъ роду. Вскорѣ медики объявили, что они потеряли надежду его спасти. Графу и графинѣ говорили о Каліостро... Когда онъ былъ призванъ, ребенокъ находился въ отчаянномъ положеніи. Каліостро изслѣдовалъ больного и смѣло обѣщалъ, что возвратитъ ему здоровье, но подъ условіемъ, чтобы ребенка, почти умирающаго, перенесли къ нему. Родители съ трудомъ соглашались; но они не желали отказаться отъ послѣдняго средства, спасти жизнь своему дорогому сыну.

По истеченіи восьми дней, Каліостро явился объявить родителямъ, что ребенку лучше; но продолжалъ настаивать на воспрещеніи всякаго посѣщенія. По прошествіи пятнадцати дней онъ позволилъ отцу на нѣсколько мгновеній повидать своего ребенка. Посѣтивъ больного, графъ въ экстазѣ радо-

сти предложилъ Каліостро значительную сумму. Тотъ отказался, объявивъ, что онъ практикуетъ лишь ради гуманности, что возвратитъ ребенка послѣ полнаго его выздоровленія и не приметъ ни малѣйшей благодарности.

«Этотъ великодушный образъ дѣйствій, это благородство чувствъ вызвали всеобщій энтузіазмъ въ Петербургѣ. Хулители графа Феликса (явившись въ Россію, Каліостро принялъ это имя), должны были смолкнуть и были повергнуты въ смущеніе. Вездѣ, гдѣ показывался этотъ знатный иностранецъ, онъ былъ окружаемъ и привѣтствуемъ съ улыбкой. Къ нему являлись знатные больные. Онъ ихъ выпроваживалъ съ рѣдкой любезностью, съ очаровательной вѣжливостью, объявляя, что къ услугамъ ихъ находятся въ Петербургѣ болѣе искусные доктора и что онъ не осмѣливается лѣчить кліентовъ своихъ учителей, такъ какъ смотритъ на себя, какъ на самаго покорнаго изъ ихъ собратій. Но, если къ помощи его обращались больные изъ бѣдныхъ классовъ, онъ удѣлялъ имъ свои заботы, свои лекарства, облегчалъ иногда, излечивалъ и къ тому приходилъ въ помощь своимъ кошелькомъ съ царской щедростью. По истинѣ, человѣкъ этотъ былъ поразителенъ. Медикъ возродился въ шарлатанѣ, благодѣтель искупилъ авантюриста. Народъ начиналъ смотрѣть на него, какъ на существо сверхъестественное; а высшіе классы, пораженные удивленіемъ, оказывали ему всѣ свидѣтельства своего уваженія.

Не мало способствовала успѣху своего мужа и прелестная Лоренца. Къ эликсирамъ, специфинамъ, которые раздавалъ ея мужъ, она присоединяла магнитъ своихъ глазъ и очарованіе своихъ рѣчей.

Нужно признаться, что въ эту эпоху поведеніе Каліостро было удивительно ловко: онъ нашелъ безошибочный путь къ успѣху. Онъ былъ близокъ къ тому, чтобы увѣровали серьезно въ него, въ его мораль и его науку и, съиграй онъ свою игру чуть-чуть съ большей осторожностью и, сверхъ того, пожелай Лоренца чуть-чуть болѣе помогать ему,—Петербургъ, Дворъ, аристократія, даже сама императрица признали бы этого своеобразнаго субъекта за существо не отъ міра сего, одаренное свыше, за воплотившагося ангела, мо-

гущаго творить чудеса. Всѣ почти вѣрили въ его долголѣтіе двадцати вѣковъ, въ его даръ прозрѣнія, въ его сверхъестественныя тайны, въ его жизненный элексиръ, въ его страшные очаги, его золото и его брилліанты. Кто знаетъ, можетъ быть приняли бы египетское франкъ-массонство и, весьма возможно, что великому копту удалось бы учредить материнскую ложу въ Петербургѣ» *).

Это была кульминаціонная точка тріумфовъ Каліостро. Лоренца дѣлала все, что могла, чтобы помочь этому успѣху; она даже помогала больше, чѣмъ нужно, такъ какъ если ученица и супруга графа и стала понимать жизнь, то она промахнулась въ самыхъ священныхъ принципахъ политики, принимая знаки расположенія Потемкина и такимъ образомъ дерзнувъ коснуться слабости самодержавной царицы Россіи, женщины не допускавшей дѣлежа ни въ любви, ни во власти.

Но возвратимся къ ребенку, котораго довѣрили Каліостро. Онъ возвратилъ его родителямъ въ наилучшемъ здоровьи, свѣжаго, полнаго жизни и съ жадностью принявшагося за грудь кормилицы. Благородное семейство опьянѣло отъ радости и благополучія; оно хотѣло быть велико въ своей признательности. Отецъ предлагалъ пять тысячъ луидоровъ, отъ которыхъ Каліостро сначала отказался съ величавымъ упрямствомъ. Стали упрашивать, онъ сдѣлался менѣе твердымъ въ своемъ отказѣ; увеличили настойчивость и онъ соблаговолилъ, чтобы деньги были отнесены къ нему. Тамъ они и остались.

Но, по прошествіи нѣсколькихъ дней, страшное подозрѣніе острымъ кинжаломъ проникло въ сердце матери. Ей казалось, что, вмѣсто ея ребенка, возвратили чужого. Это было не больше, какъ сомнѣніе; но въ такихъ вещахъ подобное сомнѣніе развѣ не самое ужасное изъ мученій?! Мать не могла такъ скрыть его въ своей душѣ, чтобы слухъ о немъ не разнесся въ высшемъ обществѣ Петербурга. Царица, гордость которой не допускала признаться въ ревности, воспользовалась этими толками, чтобы избавиться отъ четы Каліостро. Она потребовала Лоренцу въ Царское Село. Допросивъ ее

---

*) Aventures de Calliostro in 18. Paris 1855, pages 68—71.

должнымъ образомъ, переспросивъ, выисповѣдавъ и добившись отъ нея всего, что было нужно относительно невѣрности Потемкина, она поднялась и голосомъ, плохо скрывавшимъ ея раздраженіе, сказала: — «Уѣзжайте, я такъ хочу. Вамъ выплатятъ двадцать тысячъ рублей на вашу поѣздку. Но если завтра вы не будете на пути во Францію, вы и вашъ мужъ, то знайте, что будетъ сдѣлано распоряженіе о вашемъ арестѣ. Поговариваютъ объ исчезнувшемъ ребенкѣ, которымъ замѣнили другого. До сихъ поръ на эти слухи я не обращала вниманія; но берегитесь и уѣзжайте, я вамъ совѣтую... я вамъ приказываю!..».

Если бы Екатеринѣ нужны были другіе предлоги, чтобы мотивировать свое приказаніе, то недостачи въ нихъ не было. Пожелавъ воспользоваться въ Петербургѣ фальшивыми патентами, которые достались ему отъ стараго друга, маркиза д'Алліата, Каліостро выдалъ себя за полковника испанской службы. Но повѣренный по дѣламъ мадридскаго Двора офиціально протестовалъ противъ этого обмана, и всего лишь за нѣсколько дней передъ бѣгствомъ супруговъ. Бѣгство это, если исключить изъ него рубли и значительный багажъ, вывезенный ими съ собой, было полнымъ пораженіемъ. Они проѣхали въ Варшаву, гдѣ, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, Каліостро занимался превращеніемъ металловъ. Но, по даннымъ Инквизиціоннаго процесса, главный его промыселъ въ этой столицѣ заключался въ надувательствѣ одного очень богатаго польскаго князя. Наслышавшись о продѣлкахъ Каліостро, князь Понинскій пожелалъ быть посвященнымъ въ тайны магіи и заплатилъ многіе тысячи экю, чтобы получить отъ Каліостро черта, который состоялъ бы въ его услугахъ. Каліостро не былъ въ состояніи сдержать своего обѣщанія. Понинскій, обманувшись въ своихъ ожиданіяхъ черта, потребовалъ взамѣнъ прелестную Кемпинскую, предметъ своихъ мечтаній. Все, что могъ сдѣлать магъ, это представить ему ея изображеніе въ своемъ магическомъ зеркалѣ. Князь и не думалъ удовлетворяться однимъ изображеніемъ. Онъ прибѣгъ къ угрозамъ и принудилъ Каліостро и жену его возвратить подарки и поспѣшно оставить Варшаву.

Они направились въ Франкфуртъ и, пробывъ въ немъ нѣ-

сколько дней, выѣхали въ Страсбургъ, гдѣ и совершили тотъ торжественный въѣздъ, который мы пытались описать въ началѣ нашей книги.

VI.

Развязка дѣла объ ожерельѣ. — Каліостро передъ судомъ. — Каліостро покидаетъ Парижъ.—Его смерть.

30 августа 1780 года парижскій парламентъ собрался на торжественное засѣданіе. Съ раннихъ часовъ утра Конде, Роганы, Субизы и Геменэ, одѣтые въ трауръ, ждали въ передней и привѣтствовали при проходѣ членовъ палаты, желая тронуть ихъ своимъ видомъ. Сорокъ девять членовъ засѣдали въ красныхъ одеждахъ. Когда ввели обвиняемыхъ, глаза тщетно искали герцога-кардинала. Изъ уваженія къ его имени и его положенію, судьи пожелали пощадить его отъ появленія въ толпѣ обвиняемыхъ. Во время засѣданія, онъ находился въ кабинетѣ начальника регистратуры, подъ надзоромъ смотрителя Бастиліи.

Допросъ начался съ другихъ обвиняемыхъ. Увѣряютъ, что Каліостро, въ бытность въ Бастиліи, благодаря щедрой раздачѣ денегъ сторожамъ, имѣлъ возможность спѣться съ Ла-Моттъ. Это мало вѣроятно. Совсѣмъ напротивъ, Каліостро имѣлъ сильные резоны отдѣлить свое дѣло отъ обвиненія Ла-Моттъ, такъ какъ его противники не заходили до обвиненія его въ желаніи присвоить какую-нибудь часть стоимости уворованныхъ бриллiантовъ. Его обвиняли лишь въ томъ, что онъ долженъ былъ догадываться о финансовой цѣли любовной интриги, которая вблизи его была задумана цѣлымъ обществомъ и въ пользу которой онъ даже давалъ совѣтъ или предсказаніе.

Конечно, въ дѣлѣ этомъ было много обстоятельствъ, сильно его компрометировавшихъ. Онъ отрицалъ все, что можно было отрицать, къ досадѣ адвокатовъ Ла-Моттъ, которые, считая полезнымъ для своей кліентки раздуть роль Каліостро въ этомъ дѣлѣ, яростно на него нападали. Сама Ла-Моттъ, на очной ставкѣ, не щадила его, но ей не удалось сбить его

съ позиціи. Отъ его спокойствія и его беззастѣнчиваго отрицанія, она вышла изъ себя и, въ припадкѣ гнѣва, въ присутствіи судей, бросила ему въ голову подсвѣчникомъ. Для поясненія этого инцидента нужно сказать, что, пока длился допросъ, настала уже ночь.

Засѣданіе оживило положеніе, принятое Каліостро. Облаченный въ одежду зеленаго шелка, обшитую золотомъ, съ заплетенными во всю длину волосъ косичками, которыя ниспадали ему на плечи, точно цѣпи, которыя впослѣдствіи онъ носилъ, онъ имѣлъ видъ богатаго шарлатана. Первыя его слова, которыми онъ отвѣтилъ на вопросъ предсѣдателя: «Кто вы такой»—тотчасъ же оживили лица. «Благородный путешественникъ»—отвѣчалъ онъ. Затѣмъ, Каліостро завелъ длинную рѣчь, перемѣшивая французскія слова съ итальянскими, арабскими, греческими, латинскими и все сопровождая бѣшенной жестикуляціей.

Засѣданіе началось въ семь часовъ утра и во время допросовъ наступила ночь. По отношенію четырехъ присутствовавшихъ обвиняемыхъ дебаты окончились. Относительно Каліостро не было установлено никакого опредѣленнаго обвиненія и онъ продолжалъ высоко держать голову и позировать, какъ человѣкъ вовсе не подъ стать тѣмъ сообщникамъ, какимъ хотѣло выставить его обвиненіе. Въ моментъ, когда онъ слишкомъ распространялся о своемъ образѣ жизни, о своихъ значительныхъ расходахъ, которые всегда оплачивались чистыми деньгами, о своихъ щедрыхъ милостыняхъ,—предсѣдатель счелъ нужнымъ напомнить ему о скромности слѣдующимъ суровымъ замѣчаніемъ: «Реальность вашего богатства не подлежитъ сомнѣнію; вотъ источникъ его—для насъ тайна». Когда четверо обвиняемыхъ удалились, скамья подсудимыхъ была убрана и замѣнена кресломъ, на которое величественно опустился герцогъ-кардиналъ, послѣ словъ предсѣдателя д'Амира. «Господинъ кардиналъ можетъ сѣсть, если этого пожелаетъ». Допросъ его, чисто формальный, скорѣй имѣлъ характеръ бесѣды людей высшаго общества. Послѣ этого разговора, не бывшаго ни живымъ, ни одушевленнымъ, предсѣдатель объявилъ дебаты оконченными, и кардиналъ, привѣтствуемый судомъ при выходѣ, какъ былъ привѣтство-

ванъ при появленіи, опять отправился въ кабинетъ регистратуры, ожидать рѣшенія.

По истеченіи нѣсколькихъ минутъ, судъ вошелъ въ залу засѣданій, и предсѣдатель прочелъ рѣшеніе, приводимое нами ниже въ выдержкѣ:

«Документъ, послужившій основаніемъ дѣла, одобреніе и подписи признаны фальшивыми и ложно приписываемыми королевѣ». «Обвиняемая Ла-Моттъ присуждается къ вѣчнымъ каторжнымъ работамъ».

«Обвиняемая Ла-Моттъ будетъ подвергнута наказанію плетьми, отмѣткой на обоихъ плечахъ буквы В и заключенію въ рабочій домъ на вѣчныя времена».

«Рето де Виллетъ изгоняется навсегда изъ предѣловъ королевства».

«Дѣвица Олива освобождается отъ суда».

«Господинъ Каліостро признается оправданнымъ отъ обвиненія».

«Кардиналъ признается оправданнымъ отъ всѣхъ обвиненій. Оскорбительныя для него выраженія, допущенныя въ мемуарахъ Ла-Моттъ, подлежатъ уничтоженію».

«Кардиналу предоставляется право помѣстить въ печати настоящій приговоръ».

Вотъ какимъ образомъ правосудіе было совершено. Про этотъ приговоръ нельзя было бы сказать:

Dat veniam corvis, vexat censura columbas (онъ оказываетъ снисхожденіе воронамъ и мучитъ строгостью голубокъ).

Въ дѣлѣ этомъ вовсе не было columbas, даже въ смыслѣ голубей Каліостро, за исключеніемъ, можетъ быть, прелестной Олива, которая, какъ предполагаютъ, дѣйствовала подъ чарами магнетизма.

Что касается Ла-Моттъ, которую, конечно, нельзя считать голубкой, она понесла свое позорное наказаніе у подножія лѣстницы суда. Двадцатаго іюня, послѣ неоднократныхъ откладываній, которыя часть публики объяснила неблагопріятно для невинности королевы, Ла-Моттъ, подъ какимъ-то предлогомъ, внезапно заставили выйдти на подворье Консьержери, гдѣ она была связана и передана палачу. Она оказывала невѣроятное сопротивленіе. Она царапалась, ку-

салась и съ пѣной у рта выкрикивала страшныя ругательства на королеву и кардинала. Истощенная и истрепанная въ этой неистовой борьбѣ, она, наконецъ, почувствовала на своей кожѣ шипѣніе позорнаго желѣза. Ее унесли безъ чувствъ и заключили въ Сальпетріеръ, какъ гласилъ приговоръ. Но, къ концу года, она соблазнила послушницу, которая, вручая ей ключъ отъ выходныхъ дверей, посовѣтовала быть осторожной каламбуромъ, бывшимъ тѣмъ болѣе удачнымъ, что онъ былъ неожиданнымъ для самой авторши. «Уходите,—сказала она, отворяя двери ея тюрьмы,—и постарайтесь, чтобы васъ не замѣтили».

Едва добравшись до Лондона, Ла-Моттъ написала скандальные мемуары, переполненные оскорбительными отзывами о Маріи Антуанеттѣ.

Конецъ этой безчестной интригантки былъ достоинъ ея жизни. Во время оргіи она была выброшена изъ окна своими компаньонами по разгулу, занимавшимися прокучиваніемъ вмѣстѣ съ нею выручки отъ продажи брильянтовъ—ожерелья королевы.

Возвратимся къ Каліостро. Его оправданіе было принято, какъ общественное благо, не только его многочисленными сектантами, но и всѣмъ населеніемъ Парижа. Громадное множество народа тріумфально отвело его изъ Бастиліи въ его отель и вплоть до оконъ его дома проявляло знаки своей бѣшеной радости. Какъ среди этой восторженной толпы, такъ и въ большей части городскихъ кварталовъ, раздались крики: «Да здравствуетъ Каліостро! Да здравствуетъ благодѣтель человѣчества!» По случаю этого событія давались празднества; многіе дома были иллюминованы. Историкъ римской инквизиціи прибавляетъ даже, что звонили въ церковные колокола и что народъ, собравшись около дома Каліостро, объявилъ ему, что, лишь бы сохранить его въ Парижѣ, онъ готовъ вооружиться противъ власти короля.

Отбрасывая эти преувеличенія, все же нельзя сомнѣваться во взрывѣ фанатизма, который самъ Каліостро счелъ нужнымъ умѣрить. Съ террасы своего дома на улицѣ Сенъ-Клодъ, у котораго толпа составляла ему восторженный и шумный кортежъ, онъ благодарилъ парижскій народъ. Ему

удалось успокоить и разсѣять толпу лишь словами, что «придетъ время, когда онъ заставитъ услышать свой голосъ». И мы увидимъ, что онъ сдержалъ свое обѣщаніе.

На этотъ разъ, власти явились на помощь скромному тріумфатору. На другой день, послѣ оправданія Каліостро, королевскій приказъ повелѣвалъ Каліостро покинуть Парижъ въ двадцать четыре часа. Онъ выѣхалъ въ деревню Пасси, куда сопровождали его многочисленные сектанты и адепты. Проживши въ Пасси около трехъ недѣль, въ теченіе которыхъ онъ сдѣлалъ еще многочисленныя принятія въ массонство, Каліостро отбылъ въ Англію, нисколько не ослабивъ народнаго энтузіазма.

Отъѣздъ его былъ народнымъ горемъ даже для отдаленныхъ отъ Парижа провинцій. Когда онъ отплывалъ изъ Булони, пять тысячъ людей на колѣняхъ просили его благословенія.

Изъ нѣкоторыхъ писемъ, попавшихъ въ руки агентовъ инквизиціи, можно судить о томъ глубокомъ почтеніи и безусловной покорности, которую питали къ нему его адепты. Вотъ письмо, писанное однимъ его ученикомъ, недавно разставшимся съ нимъ и надѣявшимся скоро его увидѣть:

«Мой вѣчный учитель, мое все! Казалось, само море противилось разлукѣ, которую я вынужденъ былъ пережить; мы были въ морѣ восемнадцать часовъ и прибыли 11-го утромъ. Сынъ мой сильно страдалъ. Но, учитель, я имѣлъ счастье видѣть васъ этой ночью. Всевышній принялъ благословеніе, которое я вчера получилъ; о, учитель, послѣ Бога, вы составляете мое счастье. Молодые... и... поручаютъ себя вашему благоволенію. Это честные молодые люди и, при помощи вашего могущества, они станутъ достойными когда-нибудь стать вашими дѣтьми. Ахъ! учитель. Какъ я желаю быть въ сентябрѣ мѣсяцѣ. Какъ я буду счастливъ, когда мнѣ можно будетъ васъ видѣть, васъ слышать и засвидѣтельствовать вамъ свое счастье и свое уваженіе. Но я смиряюсь и преклоняюсь передъ Богомъ и передъ вами.

«Я писалъ М., какъ вы мнѣ приказывали. Ахъ, мой учитель, какъ мнѣ тяжело одними лишь письмами засвидѣтельствовать вамъ о своихъ чувствахъ. Но этотъ мѣсяцъ сен-

тябрь, наконецъ, придетъ. Счастливый моментъ, когда я буду въ состоянiи у вашихъ ногъ и у ногъ моей владычицы увѣрить васъ въ моей преданности, уваженiи и повиновенiи, которыя всегда одушевляютъ тѣхъ, кто смѣетъ сказать: мой учитель, мое все! и т. д.

Булонь. 20-го iюня 1786 года.

«Самый покорный и самый недостойный изъ его сыновей, и т. д.

«Осмѣливаюсь-ли просить васъ, о, учитель, сложить мое почтенiе у ногъ моей владычицы?!»

Другой ученикъ пишетъ ему оттуда-же и отъ того-же времени.

«Господинъ и учитель! N. доставилъ мнѣ возможность выразить вамъ знаки моего почтенiя: во-первыхъ, повергаюсь къ вашимъ ногамъ, чтобы отдать вамъ свое сердце и просить возвысить мой духъ къ Предвѣчному. Не стану говорить вамъ, учитель, о горести, которую я испыталъ, когда волны океана унесли изъ Францiи наилучшаго изъ учителей и наимогущественнаго изъ смертныхъ: вы это знаете лучше меня.

«Моя душа и мое сердце вамъ открыты и лишь ваши добродѣтели, ваша мораль и ваши благодѣянiя имѣютъ право навсегда занимать въ нихъ мѣсто. Удостойте, мой царственный учитель, вспомнить обо мнѣ; не забывайте, что я одинокъ среди моихъ друзей, такъ какъ я утратилъ васъ и что единственной мечтой моего сердца—соединиться съ учителемъ всеблагимъ, всемогущимъ, который одинъ можетъ придать моему сердцу ту силу, ту увѣренность и ту энергiю, которыя сдѣлаютъ меня способнымъ творить его волю.

«Буду ждать съ почтительностью и съ той же покорностью вашихъ властныхъ повелѣнiй, о, учитель; и каковы бы они ни были, я исполню ихъ со всѣмъ усердiемъ, какого вы вправѣ ожидать отъ человѣка, вамъ принадлежащаго, который вамъ клялся въ вѣрѣ и обязался самымъ слѣпымъ повиновенiемъ.

«Удостойте лишь, учитель, не оставлять меня, дать ваше благословенiе и осѣнить вашимъ духомъ; тогда чувствую, я буду всѣмъ, чѣмъ вы желали-бы, чтобы я былъ.

«Мое перо безсильно передать всѣ порывы моей души, но сердце полно самыми почтительными чувствами. Распоряжайтесь, поэтому, моей судьбой, не заставляйте меня долго томиться вдали отъ васъ.

«Счастье моей жизни заключается въ томъ, о чемъ я васъ прошу; вы сами возбудили эту потребность, о, учитель, и вы одни можете ее удовлетворить.

«Съ чувствами сердца смиреннаго и покорнаго, простираюсь у вашихъ ногъ и у ногъ нашей владычицы.

«Съ глубокимъ почтенiемъ, господинъ и учитель и т. д.

«Булонь. 20-го iюня 1786 года.

«Вашъ сынъ, преданный и покорный на жизнь и смерть N.».

Мы приведемъ третье письмо, въ которомъ сообщаютъ Калiостро о посвященiи египетской ложи Лiона и въ которомъ обращаются къ нему съ трогательными просьбами о благословенiи этой величественной церемонiи.

«Господинъ и учитель, съ вашими благодѣянiями можетъ сравниться развѣ только счастье, которое оно намъ доставляетъ. Ваши представители воспользовались ключемъ, который вы имъ довѣрили; они открыли врата великаго храма и доставили намъ потребную силу для проявленiя вашей великой мощи.

«Европа никогда не была свидѣтельницей болѣе величественной и болѣе священной церемонiи; и мы дерзнемъ сказать, она никогда не могла имѣть свидѣтелей, болѣе проникнутыхъ величiемъ Бога боговъ, болѣе признательныхъ за вашу возвышенную доброту.

«Мастера ваши обнаружили свое обычное усердiе и то религiозное почтенiе, которое они еженедѣльно вносятъ во внутреннiя работы нашей ложи. Наши товарищи выказали благородный и сдержанный жаръ и благочестiе и наставили двухъ братьевъ, которыхъ имѣли честь вамъ представить. Посвятительныя работы длились три дня и, по замѣчательному стеченiю обстоятельствъ, мы собраны были въ храмѣ въ числѣ двадцати семи; ихъ благословенiе совершилось 27-го; поклоненiе продолжалось пятьдесятъ четыре часа. Нынѣ мы желаемъ повергнуть къ вашимъ стопамъ слишкомъ слабое выраженiе нашей признательности. Мы не ста-

немъ разсказывать о божественной церемоніи, орудіемъ которой вы удостоили насъ сдѣлать; мы надѣемся сообщить вамъ вскорѣ объ этой подробности черезъ одного изъ братьевъ, который лично ихъ передастъ. Скажемъ только, что въ ту минуту, когда мы испрашивали у Предвѣчнаго знака, который далъ бы намъ уразумѣть, что наши обѣты и нашъ храмъ ему пріятны, появился, безъ вызова, первый философъ Новаго Завѣта. Простершись предварительно передъ облакомъ, появленіе котораго мы вызвали, онъ благословилъ насъ и унесся на немъ. Съ того момента, какъ облако это опустилось на землю, нашъ юный голубь не въ состояніи былъ переносить его блеска. Два великихъ пророка и законодатель Израиля представили намъ осязательные признаки своей благости и повиновенія вашимъ повелѣніямъ: все содѣйствовало успѣшности и совершенству операціи, насколько можетъ судить объ этомъ наше несовершенство. Сыновья ваши будутъ счастливы, если вы удостоите постоянно имъ покровительствовать: они еще проникнуты словами, съ которыми всѣ обратились съ выси воздуха къ голубю, который молилъ васъ за себя и насъ: «Скажи имъ, что я ихъ люблю и буду любить всегда!»

«Сами они свидѣтельствуютъ вамъ уваженіе, любовь, вѣчную признательность и присоединяются къ намъ съ просьбой о вашемъ благословеніи. Да увѣнчаетъ оно обѣты вашихъ смиренныхъ, почтительныхъ дѣтей и учениковъ.

«Старшій братъ Александръ Тер .. 1-го августа 556».

Въ другомъ письмѣ ліонскіе массоны пишутъ отсутствующему великому копту, что онъ являлся имъ между пророками Ильей и Енохомъ.

Инквизиція открыла въ его бумагахъ многіе протоколы массонскихъ засѣданій, которые были присланы ему его сектантами. Въ нихъ разсказывается о появленіяхъ Каліостро во время церемоній массонскихъ работъ и ему сообщаютъ объ инструкціяхъ, данныхъ мастеромъ для работъ ложи и для того, чтобы вызвать образъ Лоренцы по заклинаніямъ питомцевъ или голубей *).

---

*) См. «La vie de Cagliostro d'après la procedure de l'inquisition», pag. 179—187, гдѣ описаны два засѣданія ліонской ложи.

Въ Лондонѣ Каліостро принятъ былъ съ большимъ почетомъ. Значительное число его сыновей изъ Ліона и Парижа вскорѣ присоединились къ нему. Онъ предложилъ имъ держать ложу египетскаго ритуала, конечно, для ихъ обученія, что часто и дѣлалъ въ домѣ, гдѣ проживалъ.

«Онъ принималъ, — говоритъ историкъ инквизиціи, — разныхъ видныхъ особъ и работалъ съ четырьмя питомцами знатнаго рода. Приэтомъ произошелъ замѣчательный случай, причину котораго, какъ говоритъ Каліостро, онъ никогда не могъ понять. Нѣсколько мужчинъ и женщинъ просило его дать имъ власть работать самостоятельно; онъ на это согласился, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ; но работы пошли такъ неудачно, что питомицы увидѣли появленіе кикиморъ, вмѣсто ожидаемыхъ ангеловъ» *).

Среди всѣхъ этихъ заботъ, Каліостро не забывалъ послѣднихъ словъ, произнесенныхъ имъ въ Парижѣ, съ террасы дома улицы Сенъ-Клодъ. Обѣщанныя рѣчи онъ изрекъ въ Лондонѣ, когда увидѣлъ, что отъ Бастиліи отдѣляетъ его рукавъ моря. Его знаменитое письмо къ французскому народу было переведено на большинство языковъ и широко разошлось по Европѣ. Памфлетъ этотъ, направленный противъ Версальскаго двора, парламента и даже противу принципа монархическаго правленія, находили въ эту эпоху лишь крайнимъ **); но три года спустя, ему придали совсѣмъ иное значеніе. Французская революція была предсказана въ немъ въ выраженіяхъ опредѣленныхъ. Въ томъ, что касалось особенно Бастиліи, пророкъ, быть можетъ, вдохновенный горечью воспоминаній, не могъ быть болѣе обстоятельнымъ:

«Бастилія будетъ разрушена съ верху до низу, и мѣсто, на которомъ она воздвигнута, станетъ мѣстомъ прогулокъ».

Вотъ что еще писалъ Каліостро.

«Во Франціи воцарится король, который отмѣнитъ Lettres de cachet, созоветъ генеральные штаты и возстановитъ истинную религію».

Пророчество ничего не упоминаетъ о страшной борьбѣ, которую революція часто обагряла кровью; но, какъ всѣмъ

*) Vie de Cagliostro, ch. III, p. 151.

**) Письмо къ французскому народу помѣчено 20 іюня 1786 г.

извѣстно, по этому пункту Казоттъ дополнилъ Каліостро. Наконецъ, намъ приходится разстаться съ особой, за которой мы такъ долго слѣдили. Его политическій и пророческій памфлетъ завершаетъ его карьеру съ точки зрѣнія чудеснаго; карьеру, такъ обильно переполненную необыкновенными феноменами, что никто не удивится, что мы отвели ему мѣсто въ настоящемъ трудѣ. Въ самомъ дѣлѣ, Каліостро совмѣщалъ въ себѣ почти всѣ видоизмѣненія чудесъ и удивительныхъ явленій, которыя мы встрѣчали по одиночкѣ въ жизни различныхъ кудесниковъ древнихъ и новѣйшихъ. Рядомъ съ шарлатаномъ, передъ которымъ стушевываются всѣ тѣ, которые въ этомъ отношеніи блистали передъ своими современниками,—рядомъ съ великимъ знатокомъ въ фантасмагоріи и фокусничествѣ, мы находимъ оккультивнаго философа, котораго умѣніе равнялось, говорятъ, умѣнію Филалета, Космополита и Ласкариса *); мы имѣемъ въ немъ эмпирика-парацельзиста, примѣнявшаго вообще съ успѣхомъ нѣкоторые медицинскіе пріемы могущественнаго дѣйствія. Мы находимъ въ немъ, главнымъ образомъ, человѣка съ могучей волей, великаго магнетизера, который, правда, не говорилъ ни о какомъ флуидѣ, никогда не проповѣдывалъ о своемъ искусствѣ, но не затемнялъ его никакимъ аппаратомъ и довольствовался результатами тѣмъ болѣе удивительными, что причина ихъ остается неизвѣстной.

Мы настаиваемъ на этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ, потому что, если не ошибаемся, въ этомъ заключалась суть истиннаго могущества Каліостро. Помощью такихъ простыхъ пріемовъ, которые никто подмѣтить не былъ въ состояніи, онъ реализировалъ всѣ извѣстные въ его время примѣненія магнетизма и нѣкоторые другіе, на открытіе которыхъ простираютъ притязанія спириты Соединенныхъ Штатовъ. Онъ лечилъ больныхъ наложеніемъ рукъ, или простымъ прикосновеніемъ, какъ заклинатель Гаснеръ. Онъ умѣлъ, чисто умственнымъ внушеніемъ, сообщать мысль, желаніе, приказаніе и вызывать видѣнія, такъ же успѣшно и даже лучше, чѣмъ Пюисегюръ со своими замагнетизированными сомнамбулами,

*) См. книгу Луи Фигье l'Alchimie et les alchimistes.

съ той поразительной разницей, что Каліостро имѣлъ дѣло съ бодрствующими или считавшими себя таковыми. Онъ могъ также передать лицамъ, входившимъ въ сношенія съ нимъ, или которыхъ ему желательно было осѣнить своимъ духомъ, власть вызывать тѣ же явленія или внушенія силой молитвы или силою своей воли. Неподалеку Страсбурга, въ прелестной виллѣ, украшенной имъ и сохранившей впослѣдствіи названіе Каліострано, ему часто удавалось дѣлать опыты безъ помощи зеркалъ и графиновъ. Въ этихъ случаяхъ онъ помѣщалъ питомца за перегородку, представлявшую собою миніатюрный храмъ:

«Работы производилъ не только самъ онъ, — сообщаетъ намъ авторъ «Vie de Cagliostro», — но, по желанію, и другіе. Однако, было необходимо, чтобы предварительно Каліостро сообщилъ и передалъ имъ силу, которую, какъ онъ выражался, получилъ отъ Бога. Тѣ, кто пытался произвести работу безъ его согласія и не получивъ отъ него власти, не достигали никакихъ результатовъ.

«Нѣкто, подозрѣвавшій вначалѣ, что между Каліостро и его питомцемъ существуетъ какой-нибудь сговоръ, выразилъ Каліостро желаніе привести ему новаго ребенка, совершенно ему неизвѣстнаго, чтобы онъ велъ работы съ нимъ. Каліостро тотчасъ же согласился, добавивъ, что всѣ его дѣйствія—не болѣе, какъ результаты божественной благости. Новый питомецъ былъ введенъ, работы увѣнчались успѣхомъ и даже Каліостро, чтобы болѣе убѣдить или, точнѣе, чтобы болѣе ослѣпить невѣровавшаго, пожелалъ, чтобы самъ онъ наложилъ руки на голову питомца и проработалъ нѣкоторое время съ нимъ, задавая тѣ вопросы, какіе ему самому желательны. Какъ въ данномъ случаѣ, такъ и въ другихъ, вопросы относились до разоблаченія любовныхъ склонностей разныхъ особъ. Невѣрующій постоянно получалъ желательные ему отвѣты» *).

Авторъ «Vie de Cagliostro» сообщаетъ еще намъ пріемы, которые практиковались при поступленіи въ массонскія ложи египетскаго ритуала.

---

*) Vie de Cagliostro ch. 3 p. 134—135

«Голубка, — говоритъ онъ, — подводилась къ старшему. Члены ложи обращались съ молитвой къ Богу, чтобы Онъ допустилъ проявленіе власти, дарованной имъ великому копту. Питомица или голубка молится, чтобы получить даръ оперировать согласно приказаніямъ великаго мастера и служить посредницей между нимъ и духами».

Послѣ нѣсколькихъ подробностей, касающихся костюма дѣйствующихъ лицъ и украшенія храма, тотъ же историкъ продолжаетъ:

«Старшій повторяетъ ея молитву и начинаетъ проявлять власть, которую, какъ онъ говоритъ, получилъ отъ великаго копта и въ силу которой онъ повелѣваетъ семи ангеламъ явиться предъ глазами питомицы. Когда питомица объявляетъ, что ангелы появились, онъ поручаетъ ей, въ силу власти, дарованной Богомъ великому копту и послѣднимъ ему переданной, спросить ангела N., имѣетъ-ли кандидатъ достоинства и качества, требуемыя для званія мастера. Получивъ удовлетворительный отвѣтъ, онъ переходитъ къ другимъ церемоніямъ для окончанія пріема кандидата».

Эти посредники, при содѣйствіи которыхъ совѣщались съ ангелами, не то же-ли самое, что, по примѣру американцевъ, мы называемъ теперь медіумами?! Въ прошломъ столѣтіи ихъ называли голубями и питомцами, но, подъ ихъ новымъ названіемъ, ихъ роль нисколько не измѣнилась и единственное изобрѣтеніе, по праву принадлежащее американцамъ, заключается въ томъ, что отвѣты духовъ передаются ударами столиковъ; да и отъ этого въ концѣ они отказались, получая теперь непосредственно отвѣты отъ медіумовъ.

Въ иныхъ опытахъ Калiостро, именно въ тѣхъ, которые онъ производилъ въ Бордо, питомицы не только видѣли ангеловъ; они говорили, что, пока находились за перегородкой, они касались ангельскаго существа; и, дѣйствительно, извнутри раздавался шумъ, какъ-бы за перегородкой вмѣстѣ съ питомцемъ находился еще кто-нибудь. Нѣчто подобное мы встрѣтимъ въ тѣхъ таинственныхъ стукахъ, которые производились духами въ Америкѣ и позднѣе во Франціи *).

---

*) Louis Figuier. Les esprits frappeurs

Конечно, ловко скрываемое плутовство часто приходило въ помощь Каліостро въ процессахъ очарованія. Жена его созналась передъ судьями инквизиціи, что многіе изъ его голубей были предупреждаемы Каліостро, что они должны отвѣчать; это, по крайней мѣрѣ, случилось разъ въ Петербургѣ, гдѣ племянница одной актрисы, исполнявшая должность питомицы, видѣла именно то, что Каліостро приказалъ ей видѣть. Молодая дѣвушка созналась въ тотъ же вечеръ, что она ничего не видала и что роль ея была приготовлена. Но Лоренца объявила передъ тѣмъ же трибуналомъ, что мужу ея удавалось съ другими субъектами, которые, будучи выбранными и приведенными нежданно, могли оперировать не иначе, какъ благодаря діавольскому искусству. Дѣйствительно, мы видѣли, что, во многихъ случаяхъ, скептики брались сами доставить голубей, что нисколько не мѣшало успѣху и, такъ какъ мы не можемъ допустить діавольскаго искусства, то намъ остается предположить, что Каліостро обладалъ въ высшей степени способностью вызывать въ своихъ субъектахъ тѣ воображаемыя представленія, которыя составляетъ явленіе, извѣстное подъ именемъ галлюцинацій. На нашъ взглядъ состояніе, которое мы описывали въ предшествовавшей книгѣ подъ именемъ гипнотизма, было творческой силой галлюцинацій голубей Каліостро. Гипнотизмъ, породившій искусственный сомнамбулизмъ и со тояніе, описанное Филипсомъ подъ именемъ состоянія біологическаго, можетъ обнаруживаться въ то же время и въ галлюцинаціяхъ.

«Нѣтъ ничего чудеснаго,—говоритъ одинъ новѣйшій писатель, — въ біологическомъ состояніи, какъ-бы необыкновенны ни казались производимыя имъ дѣйствія. Это не болѣе, какъ состояніе пассивности или перевозбужденія, въ которомъ способности наши, не управляемыя болѣе нашей волею, подвергаются постороннему вліянію, повинуются внушеніямъ и получаютъ рядъ впечатлѣній, лишенныхъ всякой реальной подкладки; это, другими словами, — состояніе галлюцинаторное. Многія чудеса объясняются этимъ простымъ закономъ нашей нравственной природы. На тѣхъ представленіяхъ, гдѣ магическій аппаратъ производитъ сильное впечатлѣніе на

наше воображенiе и нервную систему, достаточно нѣсколькимъ людямъ крикнуть: «Смотрите, слушайте!», чтобы каждому показалось, что онъ видитъ и слышитъ что-нибудь, и г. Гаспаренъ имѣетъ полное основанiе говорить, что медiумы прежде всего испытываютъ на самихъ себѣ тѣ образы, которые они хотятъ навязать другимъ. Ихъ вниманiе, цѣликомъ направленное на созерцанiе призрака, образа или привидѣнiя, котораго они съ живой вѣрой ожидаютъ или когда какой-нибудь шорохъ въ обществѣ служитъ имъ какъ-бы предвѣстникомъ, вызываетъ у нихъ иллюзiи, которыя сообщаются другимъ присутствующимъ, вслѣдствiе неизбѣжной заразительности. Такимъ образомъ медiумъ, обманывая самого себя въ то же время обманываетъ другихъ. Онъ впадаетъ въ самообманъ тѣмъ легче, чѣмъ большую имѣетъ вѣру въ реальность ожидаемыхъ явленiй и чѣмъ болѣе его физическiя свойства предрасполагаютъ его къ иллюзiямъ» *).

Это очень хорошо сказано; что касается насъ, мы охотно принимаемъ объясненiе, опирающееся на разумныя догадки. Остается только дать объясненiе галлюцинацiямъ коллективнымъ, происходящимъ вдали отъ индивидуума, который можетъ даже довѣрить другому производить ихъ отъ его имени и въ его отсутствiе. Ничего не можетъ быть болѣе вѣрнаго и болѣе неожиданнаго, какъ эти доклады, захваченные въ бумагахъ Калiостро, въ которыхъ лiонскiе массоны благодарятъ его, въ приведенныхъ нами выраженiяхъ, за появленiе въ ихъ храмѣ. Но въ моментъ, когда его такимъ образомъ видѣли и слышали, великiй коптъ, магнетизеръ и чревовѣщатель, находился въ Лондонѣ. Одинъ лишь бюстъ, прелестный мраморный бюстъ, представлялъ его въ этомъ великолѣпномъ храмѣ, воздвигнутомъ для упражненiй въ египетскомъ массонствѣ. Въ данномъ случаѣ, галлюцинацiи производились простымъ сосредоточiемъ мысли этихъ субъектовъ, нравственнымъ напряженiемъ, которое, по нашему мнѣнiю, было достаточно, чтобы вызвать гипнотическое состоянiе и галлюцинацiи, которые его сопровождаютъ.

---

*) Adrien Delondre. Revue contemporaine, numero du 30 Juin 1857.

Чтобы дополнить этотъ величавый образъ Каліостро, многіе желали видѣть въ немъ политическаго дѣятеля, пропагандировавшаго въ пользу французской революціи, которую онъ предсказалъ. Они основываютъ свое мнѣніе на томъ, что Варреръ, Іосифъ Орлеанскій и многіе другіе, ставшіе позднѣе членами якобинскаго клуба, были братьями материнской ложи, основанной Каліостро въ Парижѣ. Они доказываютъ также, что монограмма L. P. D., составлявшая его массонскій символъ, означаетъ Lilia pedibus destræ (попирай ногами лиліи). Въ пьесѣ Александра Дюма «Іосифъ Бальзамо», поставленной въ театрѣ «Одеонъ» въ 1877 году, Каліостро представленъ, какъ одинъ изъ предтечь французской революціи.

Положимъ, въ одномъ мѣстѣ письма къ англійскому народу, онъ говоритъ, что писалъ свое письмо къ французскому народу, съ откровенностью немного республиканскою. Вѣрно также, что послѣ Бастильскаго ареста онъ написалъ и адресовалъ изъ Рима генеральнымъ штатамъ письмо, въ которомъ, прося разрѣшенія возвратиться во Францію, онъ между прочимъ, говоритъ «что онъ тотъ, который такъ близко къ сердцу принималъ свободу» *). Но слова эти, быть можетъ, служатъ лишь намекомъ на его «письмо къ французскому народу». Наконецъ, его просьба къ генеральнымъ штатамъ Франціи не дошла по адресу и, такъ какъ немногое, что мы привели изъ ея содержанія, заимствовано у его римскаго біографа, то слѣдуетъ заключить, что она была перехвачена папской полиціей, и, вѣроятно, не придала Каліостро, въ глазахъ Инквизиціи, ореола святости. Онъ сдѣлалъ большой промахъ, оставивъ Англію и переселившись въ Римъ. Несмотря на всѣ увѣренія, которыя на этотъ счетъ давалъ негръ, хранитель его дѣтства, Каліостро болѣе слѣдовало опасаться Рима, чѣмъ Трапезонда. Онъ усилилъ свой промахъ, если только правда, что занимался революціонной политикой. Но настоящей продерзостью, которая его погубила, было пропагандированіе франкъ-массонства въ столицѣ католическаго міра. Не взирая на благоразумные совѣты Ло-

*) Vie de Cagliostro ch. I p. 68.

репцы, которая присоединилась къ нему въ Римѣ, онъ заупрямился и основалъ ложу египетскаго ритаула. Онъ сдѣлалъ лишь три посвященія и въ числѣ этихъ трехъ адептовъ одинъ оказался ложнымъ братомъ. По донесенію этого шпіона, повелѣніемъ Святаго Судилища, Каліостро былъ арестованъ вечеромъ, 27-го сентября 1789 года, и противъ него возбуждено было обвиненіе. Бумаги его, включая манускриптъ, носившій названіе «Египетское Массонство», были опечатаны и началось слѣдствіе по дѣлу. Дѣло длилось девятнадцать мѣсяцевъ. Каліостро былъ преступенъ во многомъ, если принять въ соображеніе всѣ его удачныя и неудачныя продѣлки, въ періодъ первой половины его карьеры; но его нельзя было преслѣдовать въ Римѣ ни за одинъ изъ этихъ проступковъ или преступленій, такъ какъ большинство ихъ было совершено въ иностранныхъ государствахъ; а другіе покрылись давностью. Если римское Инквизиціонное производство собрало и дополнило свѣдѣнія о нихъ, то, очевидно, чтобы ослабить интересъ, который въ вѣкъ энциклопедистовъ, возбуждалъ къ себѣ со всѣхъ сторонъ человѣкъ, котораго прихлопнули, какъ франкъ-массона и волшебника. Въ самомъ дѣлѣ, Каліостро былъ осужденъ лишь въ этомъ качествѣ. Папское законодательство по этимъ двумъ статьямъ было положительно и опредѣленно, но въ то же время нелѣпо и дико *).

21 марта 1791 года дѣло, такъ долго находившееся въ

---

*) Папа Климентъ XII издалъ 14-го января 1739 года буллу, которая «запрещаетъ подъ страхомъ смерти, безъ малѣйшей надежды на помилованіе, поступать или присутствовать на собраніяхъ франкъ-массонскихъ, собраніяхъ вредоносныхъ, подозрѣваемыхъ въ ереси или соблазнѣ». Эта булла осуждаетъ на ту-же кару «всѣхъ тѣхъ, кто подстрекаетъ или уговариваетъ кого-нибудь вступить въ то-же общество или кто оказываетъ ему вспомоществованіе, помощь, совѣтъ или убѣжище». Наконецъ, она налагаетъ обязанность «выдавать» имена членовъ этого общества и угрожаетъ денежными и тѣлесными наказаніями, по усмотрѣнію судей, нарушителямъ этого послѣдняго пункта. Бенедиктъ XIV утвердилъ эту буллу Климента XII, распубликовалъ ее на ново и придалъ ей еще болѣе широкое толкованіе въ своей Constution, помѣченной 18-мъ маемъ 1751 годомъ и начинающейся слѣдующими словами:
«Providus romanarum pontificum».

разслѣдованіи, поступило въ общее собраніе Святого Судилища и, согласно обычаю, къ папѣ 7-го слѣдующаго апрѣля. Рѣшеніе такъ называемое совѣщательное опредѣляло смертную казнь. Папа, которому представлялось рѣшеніе окончательное, издалъ его въ слѣдующей формѣ.

«Іосифъ Бальзамо, обвиняемый и признанный виновнымъ въ различныхъ преступленіяхъ, подлежалъ-бы взысканію и наказанію, слѣдуемому несомнѣннымъ еретикамъ, лжеучителямъ, ересіархамъ, учителямъ и ученикамъ суевѣрной магіи, какъ въ силу апостолическихъ законовъ Климента XII и Бенедикта XIV, противъ тѣхъ, которые, какими-бы то ни было способами, благопріятствуютъ и образуютъ общества и согласія франкъ-массонскія, такъ и въ силу эдиктовъ государственнаго совѣта, изданныхъ противъ тѣхъ, кто окажется виновнымъ въ этомъ преступленіи въ Римѣ, или въ какой-нибудь иной части папскихъ владѣній. Но по особой милости, наказаніе, которое онъ заслужилъ, замѣняется вѣчнымъ заключеніемъ въ крѣпости, подъ строгимъ надзоромъ и безъ надежды на помилованіе; послѣ того, какъ онъ отречется отъ ереси въ мѣстѣ нынѣшняго его заключенія, онъ будетъ освобожденъ отъ церковнаго запрещенія и ему будетъ назначено покаяніе, которому онъ долженъ подвергнуться».

Это покаяніе, или эти мученія, должно быть были жестокими въ замкѣ св. Ангела, гдѣ Каліостро былъ заключенъ. Изъ опасенія, чтобы въ народѣ, среди котораго у него были тайные сторонники, не возбудилось къ нему состраданія, распространили слухъ, что онъ хотѣлъ сжечь Римъ, какъ Неронъ. Иногда его представляли, какъ бѣснующаго сумасшедшаго, противъ котораго власти распорядились принять предосторожности и мѣры самыя строгія.

Вотъ по этому поводу анекдотъ, который мы находимъ безъ указанія источника въ одномъ компилятивномъ сочиненіи *):

«Однажды, его накрыли въ тотъ моментъ, когда онъ собирался задушить добраго священника, котораго онъ вытребовалъ къ себѣ подъ предлогомъ исповѣди, и въ одеждѣ ко-

*) Dictionére des sciences occultes t. II a et Cagliostro (1855).

тораго онъ замышлялъ бѣжать. Прибыли во время, чтобы помѣшать исполненію этого новаго злодѣянія. Послѣ этого за другомъ ангеловъ учрежденъ былъ болѣе старательный надзоръ».

Тутъ сказать у мѣста: «Кто хочетъ утопить свою собаку, называетъ ее взбѣсившейся».

Съ Лоренцей обошлись гуманнѣе: ограничились тѣмъ, что заключили ее въ смирительный домъ. Кажется, въ ту пору она еще была недурна собой и пожелали принять во вниманіе ея раскаяніе; но главнымъ образомъ за ея признанія, такъ сильно помогшія осужденію ея мужа.

Послѣдній прожилъ еще около двухъ лѣтъ въ тюрьмѣ. Точное время его смерти составляетъ до сихъ поръ секретъ римской Инквизиціи, послѣдніе акты и послѣдніе дни которой ознаменовалъ этотъ долгій процессъ. Святое Судилище предало пламени пожитки и бумаги Каліостро и римскій народъ «говоритъ Андрей Дельрье́, который повергся бы во прахъ передъ малѣйшимъ изъ его чудесъ, восторженно кричалъ вокругъ костра, сжигавшаго то, что отъ него осталось». И было пора: Французская революція была фактомъ совершившимся. Разнесшись по Италіи, она приблизилась къ стѣнамъ вѣчнаго города и замка св. Ангела. Многіе офицеры первыхъ баталіоновъ, направившихся къ Риму, едва вступивъ въ городъ, съ безпокойствомъ освѣдомились о судьбѣ Каліостро. Они расчитывали его освободить и, быть можетъ, даже приготовляли ему тріумфъ вродѣ того, который сдѣланъ былъ ему въ Парижѣ, послѣ дѣла объ ожерельѣ. Но они опоздали: Каліостро, сказали имъ, умеръ. Какою смертью и когда? На это никто и никогда не могъ отвѣтить!

При этой новости, наши офицеры поняли, что не можетъ быть никакого сравненія между бывшимъ французскимъ парламентомъ и римской Инквизиціей. Нисколько не сокрушаясь о разрушенной Бастиліи, они не могли не признать, что она легче возвращала своихъ жертвъ, чѣмъ замокъ св. Ангела.

Магнетизеры-мистики.

Mens agitat molem.
Verg., Aen., l. VI, v. 727.

I.

Иллюминатство появляется во Франціи, вслѣдъ за магнетизмомъ Месмера и кудесничествами Каліостро.— Политическія пророчества П. Борегаръ.—Пророчество шевалье де-Лилль (Lisle).—Пророчества Казотта.

Мы видѣли, въ какой степени Каліостро взволновалъ умы во Франціи и какое вліяніе онъ долженъ былъ имѣть, для направленія ихъ на опасную и безплодную дорогу иллюминатства. Въ ту самую эпоху Месмеръ или его послѣдователи продолжали поражать народное воображеніе результатами своихъ операцій, тогда еще непонятными для массы людей интеллигентныхъ. Такія сложныя вліянія должны были особенно усилить естественную склонность человѣка — любовь, даже можно сказать культъ чудеснаго, и намъ теперь предстоитъ разсказать о событіяхъ и результатахъ, бывшихъ послѣдствіемъ этой общей, такъ мощно поддерживаемой, склонности.

То нервное возбужденіе, во власти котораго находятся населеніе и отдѣльныя лица, почти всегда выражается въ идеяхъ, которыми наиболѣе заняты умы. Такъ какъ политическія идеи волновали всѣ умы въ послѣдніе годы XVIII вѣка, то возбужденіе, произведенное кудесничествами Каліостро и животнымъ магнетизмомъ, принимало часто характеръ политическихъ пророчествъ. Достовѣрно, что весьма частые замѣчательные случаи прозрѣнія, относящіеся къ предвѣщанію

близкаго политическаго или соціальнаго переворота, бывали въ концѣ прошлаго вѣка. Нельзя отрицать, что въ эту эпоху предсказывали французскую революцію и часто, съ извѣстной точностью, сопровождающія ее обстоятельства. Мы привели въ концѣ предшествовавшей главы знаменитое письмо Каліостро къ французскому народу. Въ проповѣди, произнесенной въ Notre Dame Борегаромъ, этотъ вдохновенный ораторъ воскликнулъ, около той же эпохи: «Да, Господи, Твои храмы будутъ разрушены и разграблены, Твои праздники отмѣнены, Твое имя поругано и исповѣданіе Тебя воспрещено. Святые гимны, раздающіеся въ честь Твою подъ священными сводами, замѣнятъ свѣтскія и безстыдныя пѣсни и ты, безчестное языческое божество, безстыдная Венера, ты явишься сюда, чтобы дерзко занять мѣсто Бога живаго, чтобы возсѣсть на тронѣ Святаго святыхъ и принимать преступный фиміамъ отъ своихъ новыхъ обожателей».

Позднѣе, тотъ же прорицатель, проповѣдуя въ капеллѣ Версаля, во время великопостнаго служенія, провозвѣстилъ въ присутствіи двора ту ужасную соціальную бурю, которая собиралась потрясти и въ то же время возродить Францію. Голоса Каліостро и П Борегара вовсе не были одиночными.

Въ Нормандіи одна сомнамбула точнымъ образомъ предсказала не только французскую революцію, но и тѣ четыре главныя фазы, черезъ которыя она прошла *).

Въ 1784 году нѣкто Сусанна Лябруссъ изъ Перигора вошла однажды въ семинарскую капеллу эпархіи. Тамъ, бросившись къ подножію распятія, она предсказала генеральные штаты съ точностью опредѣливъ эпоху, когда они будутъ созваны; и съ этого момента, каждое утро, вплоть до открытія этого собранія, она заходила каждое утро въ перигорскіе монастыри прочесть свою Ave Maria.

По окончаніи одного ужина, гдѣ происходили обильныя возліянія, молодой офицеръ Шевалье де-Лилль, драгунскій капитанъ, внезапно вскочилъ съ своего мѣста, какъ бы охва-

*) Смотри философскія статьи Германа въ «Journal des Debats» за декабрь 1814 года.

ченный пророческимъ вдохновеніемъ и отправился въ свою комнату набросать пѣсенку, которую аббатъ Жоржель передаетъ цѣликомъ, а мы лишь приводимъ нѣсколько куплетовъ:

On verra touts les États
Entre eux se confondre;
Les pauvres sur leurs grabats
Ne plus se morfondre;
Des biens on fera des lots
Qui rendront les gens egaux
Le bel oeuf à pondre!
O gai!
Le bel oeuf à pondre!
Du meme pas marcheront
Noblesse et roture,
Les Français retourneront
Au droit de la nature
Adieu, parlement et bis
Adieu ducs, princes et rois,
La bonne aventure
O gai!
La bonne aventure
Puis devenues vertueux
Par philosophie.
Les Français auront des dieux
A leur fantaisie;
Nous reverrons un oignon
A Jesus damer le pion
A quelle harmonie
O gai!
A quelle harmonie
O gai!
A qui devrons-nous le plus
C'est à notre maitre
Qui se croyant un abus
Ne voudra plus l'être
Ah qu'il faut aimer le bien
Pour le roi n'être plus rien
J'enverrais tout paître
O gai!
J'enverrais tout paître*).

---

*) Н. Г. де-Лилль одинъ изъ потомковъ автора Turgotine, въ письмѣ, изъ котораго ниже мы приводимъ отрывокъ, доставилъ намъ нѣкоторыя подробности объ этой знаменитой пѣснѣ.—«Бошомонъ приписываетъ Turgotine милостынираздавателю парижскаго епископа; смѣю васъ увѣрить, что въ дѣйствительности она принадле-

Вотъ что пѣлось въ Парижѣ подъ названіемъ «тюрготинскаго пророчества», съ самаго начала магнетическихъ кризисовъ, вызываемыхъ Месмеромъ и еще раньше, чѣмъ его ученики основали первую ложу гармоніи.

Но поразительнѣе всего прочитаннаго ранѣе оказывается видѣніе Казотта и сдѣланное имъ предсказаніе, въ состояніи безусловно бодрствующемъ, въ кругу философовъ и остроумцевъ.

Вотъ разсказъ объ этой странной сценѣ, оставленный намъ Лагарпомъ.

«Мнѣ кажется,—говоритъ Лагарпъ,—будто это происходило лишь вчера. Было начало 1788 года. Мы сидѣли за столомъ у одного изъ нашихъ собратьевъ по академіи — человѣка съ вѣсомъ и человѣка умнаго *). Общество было большое и разнообразное: придворные, судейскіе, литераторы, академики и т. п. Пиршество было на славу, по обыкновенію. За дессертомъ мальвазія и констанское добавили къ оживленію почтенной компаніи тотъ родъ развязности, которая не слишкомъ оглядывается назадъ. Наконецъ, дошли до такого состоянія, въ которомъ все прощается, лишь бы было смѣшно. Шамфоръ читалъ намъ свои нечестивыя и распутныя сказки, и важныя барыни слушали ихъ, не заслоняясь даже вѣеромъ. Отъ этого перешли къ цѣлому потоку шутокъ надъ религіей. Одинъ декламировалъ тирады изъ Pucelle, другой припоминалъ философскіе стихи Дидеро; всѣ смѣялись и всѣ

житъ Шевалье де-Лиллю. Лучшимъ подтвержденіемъ служитъ семейное преданіе. Эта пѣснь была сочинена у герцога Шуазеля, у котораго де-Лилль часто бывалъ. Мой родственникъ не жаловалъ Тюрго; я это заключаю изъ его писемъ, адресованныхъ къ одному изъ своихъ двоюродныхъ братьевъ. Переписка его съ Вольтеромъ носитъ на себѣ отпечатокъ того же нерасположенія. Шевалье не былъ человѣкомъ вѣтреннымъ, хотя его писанія и имѣютъ этотъ характеръ. Его переписка блестяща и осмысленна. Онъ трезво смотритъ на вещи; замѣчанія его мудры и глубоки. Вольтеръ очень любилъ переписываться съ нимъ. Я отыскалъ 40 писемъ этого знаменитаго человѣка къ де-Лиллю и два отъ послѣдняго къ Вольтеру. Когда мой родственникъ написалъ Turgotine онъ былъ драгунскимъ капитаномъ, что касается орфографіи его фамиліи, онъ подписывался то Делиллъ, то де-Лилль (Delisle ou de Lisle)».

*) Дюкъ Ниверне.

превозносили свѣтъ, который философія пролила на всѣ классы и который вскорѣ вызоветъ революцію и приведетъ къ царству свободы во Франціи.

Лишь одинъ изъ гостей не принималъ участія въ этомъ общемъ оживленіи и даже слегка не отпустилъ нѣсколько остротъ. Это былъ Казоттъ—человѣкъ милый и оригинальный. Онъ попросилъ слова и сказалъ самымъ серьезнымъ тономъ. «Господа, будьте довольны: вы увидите эту славную и грандіозную революцію, которую такъ желаете. Вамъ не безъизвѣстно, что я немного пророкъ и повторяю вамъ: вы ее увидите».

Ему отвѣтили извѣстнымъ припѣвомъ: «для этого нужно быть великимъ колдуномъ».

— Пусть. Но не нужно быть большимъ, чтобы досказать вамъ остальное. Знаете ли, что принесетъ эта революція; что она принесетъ для васъ всѣхъ, здѣсь присутствующихъ; каковы будутъ ея непосредственныя послѣдствія, несомнѣнные результаты?

— А, посмотримъ,—сказалъ Кондорсе съ своимъ хмурымъ и грубоватымъ видомъ;—философъ не прочь повстрѣчаться съ пророкомъ!

— Вы, господинъ Кондорсе, испустите духъ на тюремномъ полу. Вы умрете отъ отравы, которую примете, чтобы избавиться отъ палача, умрете отъ яда, который заставитъ васъ всегда носить при себѣ благоденствіе тѣхъ временъ.

«Сначала всѣ удивились; но вспомнивъ, что добрякъ Казоттъ подверженъ былъ сновидѣніямъ на яву, сердечно разсмѣялись».

— Господинъ Казоттъ, сказка, которую вы сочиняете, не такъ забавна, какъ вашъ влюбленный діаволъ. Но что за діаволъ помѣстилъ вамъ въ голову эту тюрьму, этотъ ядъ, этихъ палачей? Что можетъ быть тутъ общаго съ философіей, съ царствомъ Разума?

— Это именно то, о чемъ я вамъ говорю: во имя той философіи, гуманности, свободы, во время царства Разума вамъ и придется такъ покончить; и это время по праву будетъ называться царствомъ Разума, потому что онъ будетъ имѣть храмы; болѣе того, въ ту пору во всей Франціи, за исключеніемъ храмовъ Разума, не будетъ иныхъ храмовъ.

— Думаю,—сказалъ съ саркастической усмѣшкой Шамфоръ,—вамъ не придется быть однимъ изъ священнослужителей такого храма.

— Надѣюсь; но вы господинъ Шамфоръ, который имъ будете и заслуживаете имъ быть, вы перерѣжете себѣ жилы бритвой въ двадцати двухъ мѣстахъ и все же умрете лишь спустя нѣсколько мѣсяцевъ.

Общество переглянулось и еще разъ разсмѣялось.

— Вы, господинъ Викъ д'Азиръ, сами не вскроете себѣ жилъ; но послѣ того, какъ вамъ ихъ вскроютъ изъ предосторожности десять разъ въ день, вслѣдствіе припадка подагры—вы умрете ночью. Вы, господинъ Николаи, умрете на эшафотѣ. Вы, господинъ Б лльи, на эшафотѣ...

— А, слава Богу, — отозвался Руше, — повидимому, Казоттъ вооруженъ только противъ академиковъ; онъ производитъ между ними страшную рѣзню; я, по милости Божьей...

— Вы, господинъ Руше, тоже умрете на эшафотѣ.

— О,—вскричали всѣ,—да онъ побился въ закладъ, онъ поклялся уничтожить насъ поголовно.

— Нѣтъ, это не я поклялся.

— Такъ что-же?! мы будемъ покорены турками, татарами?

— Вовсе нѣтъ; я вамъ говорилъ, вы будете тогда подъ управленіемъ одного лишь разума. Тѣ, кто станетъ съ вами такъ обращаться, будутъ философы, они ежеминутно будутъ имѣть въ устахъ тѣже фразы, которыя вы говорите въ теченіе цѣлаго часа; станутъ повторять ваши правила, будутъ цитировать, какъ и вы, стихи Дидеро и la Pucelle.

— Вещь совершенно ясная, что онъ помѣшанный (Казоттъ говорилъ съ самымъ серьезнымъ видомъ) говорили на ушко; но не вполнѣ ясно, что онъ шутитъ?—Вы знаете, что въ свои шутки онъ всегда вплетаетъ чудесное.

— Да,—подхватилъ Шамфоръ,—но его чудесное не веселое; отъ него слишкомъ пахнетъ висѣлицей... А когда все это случится, господинъ Казоттъ?

— Не пройдетъ и шести лѣтъ, какъ все, что я вамъ предсказывалъ, совершится.

— Вотъ чудеса; къ счастью, вы не отводите въ нихъ для меня мѣста.

— Вы въ нихъ будете имѣть, господинъ Лагарпъ, и представите собой чудо, не менѣе необыкновенное,—отвѣтилъ Казоттъ,—вы обратитесь въ христіанина.

Въ обществѣ раздались громкія восклицанія.

— Ба,—началъ Шамфоръ,—я успокоился; если мы должны погибнуть не раньше, чѣмъ Лагарпъ сдѣлается христіаниномъ, мы люди безсмертные.

— Въ дѣлахъ этого рода,—сказала тогда госпожа де Граммонъ,—мы женщины очень счастливы, такъ какъ насъ не ставятъ въ счетъ во время революцій. Когда я говорю, что не ставятъ въ счетъ, это не значитъ, что мы постоянно въ нихъ немного не вмѣшиваемся; но принято, что за это мы не расплачиваемся. Нашъ полъ...

— Вашъ полъ, сударыня, не защититъ васъ на этотъ разъ; и хоть бы вы вовсе не вмѣшивались, съ вами будутъ обращаться, какъ съ мужчинами, безъ малѣйшей разницы.

— Что вы толкуете, господинъ Казоттъ? Не предсказываете ли вы свѣтопредставленія?

— Не знаю; я знаю лишь то, что вы, госпожа герцогиня, будете доставлены на эшафотъ со многими другими дамами въ повозкѣ палача и съ руками, связанными за спиной.

— О, надѣюсь, что въ этомъ случаѣ я, по крайней мѣрѣ, буду имѣть траурную карету.

— Нѣтъ, сударыня: болѣе важныя барыни отправятся туда, какъ и вы, на повозкѣ палача и связанными, какъ и вы.

— Болѣе важныя барыни? Не принцессы ли крови?

— Поважнѣе!

Въ обществѣ произошло сильное движеніе и физіономія хозяина омрачилась; начинали находить, что шутка зашла далеко. Госпожа де Граммонъ, чтобы разогнать облако, не настаивала далѣе на послѣднемъ отвѣтѣ и удовлетворилась, сказавъ шутливымъ тономъ.

— Ну, вы увидите, по крайнѣй мѣрѣ, что мнѣ не откажутъ въ исповѣдникѣ.

— Нѣтъ, сударыня; ни вы, ни кто другой его имѣть не будетъ. Послѣдній осужденный, который получитъ его изъ милости, будетъ...

Тутъ онъ на мгновеніе остановился.

— Ну-же, кто будетъ счастливчикомъ, который будетъ имѣть эту прерогативу.

— Это единственная, которая ему останется: это будетъ король Франціи...

Хозяинъ дома вскочилъ и всѣ остальные вмѣстѣ съ нимъ; подойдя къ Казотту, онъ сказалъ ему внушительнымъ тономъ: «Дорогой Казоттъ, прекратите эту мрачную шутку; вы зашли слишкомъ далеко, до компрометированія общества, въ которомъ сами находитесь».

Казоттъ не отвѣтилъ ни слова и собирался уходить, когда госпожа де-Граммонъ, желавшая замять непріятность и возстановить веселье, подошла къ нему.

— Господинъ пророкъ, предсказывающій нашу судьбу, вы ничего не говорите о своей.

Казоттъ нѣсколько времени оставался молчаливымъ съ опущенными глазами.

— Сударыня, читали вы осаду Іерусалима у Іосифа Флавія?

— Кто этого не читалъ?! Но допустите, что я не читала.

— Такъ вотъ, сударыня, во время этой осады, одинъ человѣкъ семь дней подрядъ, въ виду осаждающихъ и осажденныхъ, обходилъ укрѣпленія, восклицая безпрерывно зловѣщимъ и громкимъ голосомъ: Горе Іерусалиму, горе мнѣ самому. На седьмой день, когда онъ оканчивалъ свои сѣтованія, громадный камень, брошенный непріятельскими орудіями, свалился и раздробилъ его.

Съ этими словами Казоттъ поклонился и вышелъ.

Всѣ эти предсказанія исполнились. Можно было-бы сказать, что они и дѣлались, потому что они исполнились. Объяснимся. Глава Лагарпа, которую мы только что прочли, находится лишь въ I томѣ его Посмертныхъ твореній, напечатанныхъ въ 1806 году, три года спустя послѣ смерти автора. Она не имѣетъ характера подлинности, которая одна могла бы требовать довѣрія. Лагарпъ настолько пережилъ революцію, что могъ бѣшено громить ее со своего кресла въ Лицеѣ. Поэтому ему представлялась возможность, послѣ своего обращенія, какъ къ религіи, такъ и политикѣ, какъ это случилось и чѣмъ онъ гордился, опубликовать самому подъ собственной гарантіей предсказаніе, исполненіе ко-

тораго, насколько оно касалось его, льстило ему. Если онъ не находилъ умѣстнымъ сдѣлать этого въ ту эпоху, когда его разсказъ могъ находиться подъ контролемъ многихъ гостей герцога Ниверне, избѣгнувшихъ, подобно ему, минотавра революціи, если онъ отложилъ публикацію пророчествъ Казотта для своихъ посмертныхъ твореній, то благоразумно предположить, что онъ сдѣлалъ это, чтобы соткать разсказъ по своему вкусу.

Трудно, однако, допустить, чтобы вся эта исторія была выдумана Лагарпомъ. Для этого приходилось-бы не признавать многихъ вѣскихъ свидѣтельствъ и, между прочимъ, свидѣтельствъ госпожи де Богарне, Делеза и членовъ семьи Викъ д'Азира. Поэтому, слѣдуетъ допустить, что Казоттъ, человѣкъ наблюдательный и развитой, привыкшій слѣдить за современными событіями и выводить изъ нихъ заключенія о будущихъ, однажды, будучи возбужденъ сарказмами окружавшихъ его остроумцевъ-скептиковъ, предсказалъ имъ авторитетнымъ тономъ катастрофу, которая должна была ему казаться весьма вѣроятной. Въ своемъ предвидѣніи онъ выскаъзался болѣе вѣрно, чѣмъ ожидалъ, и особенно чѣмъ желалъ, такъ какъ онъ былъ одной изъ жертвъ революціи.

Но, сторонники чудеснаго понимаютъ иначе. Представляя пророчества Казотта, какъ самый поразительный феноменъ двойнаго зрѣнія, они основываютъ его на мистицизмѣ Казотта. Въ самомъ дѣлѣ, Казоттъ принадлежалъ къ сектѣ иллюминатовъ города Ліона, города, гдѣ флуиды преобразовались въ духовъ и гдѣ духи постоянно творили чудеса. Мы видѣли, что едва животный магнетизмъ проникъ въ Ліонъ, какъ онъ принялъ у Шевалье Барбарена и его учениковъ форму души, души видящей и излечивающей на цѣлыя версты разстоянія однимъ импульсомъ воли и молитвой *).

Въ томъ же городѣ другой толкъ иллюминатовъ воздвигъ въ 1850 году величественный храмъ Каліостро, въ которомъ вызываемые именемъ его пророки обязаны появляться. Ліонъ со своими возвышенными мѣстами, своими высотами Кроа-Руссъ и вершинами Фурвьеровъ дѣйствительно, представляетъ

*) Смотри «Животный магнетизмъ» Л. Фигье.

собой то, что спириты и де-Мирвилль называютъ прорицательнымъ мѣстомъ.

Мы разсказывали, что незадолго передъ осадой этого города въ 1790 каталептичка доктора Пететена предсказала день и самыя ужасныя подробности и въ самый разгаръ рѣшительной битвы объявила, что отчетливо видитъ, какъ въ свалку вмѣшался докторъ—что и было признано вполнѣ точнымъ. Казоттъ, дышавшій предвѣщательнымъ воздухомъ Фурвьеровъ и Кроа-Руссъ и особенно обитавшихъ тамъ всевидящихъ духовъ, долженъ былъ получить въ Ліонѣ даръ предвидѣнія, съ такой точностью, въ подробностяхъ, кровавыхъ кризисовъ французской революціи.

Такъ разсуждаютъ спириты противъ философовъ. Казоттъ—это ихъ Іеремія. Магнетизеры во имя сомнамбулизма оспариваютъ у нихъ это пророчество... и, конечно, оно этого стоитъ. Въ то время, когда находились въ поискахъ за пророчествомъ, болѣе или менѣе ясно предвѣщавшимъ французскую революцію, нѣкоторымъ ханжамъ иллюминатства удалось, восходя по лѣстницѣ годовъ, найти таковое у Нострадамуса, что доставило имъ большое удовольствіе.

Велерѣчивый пророкъ XVI вѣка былъ-бы не полонъ въ своихъ предсказаніяхъ, если-бы онъ ни однимъ словомъ не обмолвился о такомъ важномъ событіи, какъ французская революція. Вотъ оно, это слово:

«Преслѣдованіе христіанъ въ году тысяча семьсотъ девяносто второмъ, которое будетъ считаться обновленіемъ столѣтія».

И вотъ, именно въ этомъ самомъ 1792 году 22 сентября началась новая эра во Франціи, эра первой республики.

II.

Прогрессъ мистическаго магнетизма.—Общество экзегетиковъ Стокгольма. — Лафатеръ. — Магнетизеры-мистики во Франціи. — Случай сообщенный докторомъ Рекамье.—Другой фактъ, разсказанный докторомъ Parent.—Лордъ Кастельре.—Ясновидящая Преворста и т. д.

По окончаніи въ XVIII вѣкѣ революціонной эпохи, манифестаціи чудесныхъ феноменовъ во Франціи утратили на нѣкоторое время многое въ своей важности и въ своемъ

разнообразіи. За исключеніемъ небольшого числа людей, которые, слѣдуя наставленіямъ и примѣру маркиза де-Пюисегюръ, продолжали примѣнять магнетизмъ къ леченію или облегченію больныхъ,—главнѣйшій, даже почти единственный интересъ сосредоточился на переносѣ чувствъ посредствомъ животнаго магнетизма. Пускались въ поиски за ясновидящими, нанимали и содержали каталептиковъ, давали сеансы, платные или безплатные, но которые, какъ въ первомъ, такъ и второмъ случаѣ, представляли забаву нездоровую для общественнаго разсудка. Это распространеніе животнаго магнетизма начинаетъ возбуждать въ массахъ суевѣріе.

Такимъ образомъ, при намѣреніяхъ болѣе возвышенныхъ и средствахъ болѣе честныхъ, мистицизмъ далъ тѣ же результаты, что и шарлатанство. Послѣдователи Сведенборга и вообще мистики не разворачивали своего знамени ранѣе открытія Месмера. Они были первыми, принявшими это открытіе; но они тотчасъ же истолковали его въ пользу своей доктрины. Для нихъ вся физическая сторона магнетизма была вещью второстепенной и служащей лишь средствомъ; все, что въ немъ составляло основу — былъ отдѣлъ нравственный и духовный *).

Общество экзегетиковъ Стокгольма, находя извѣстную аналогію между возложеніемъ рукъ, какъ оно совершалось апостолами, и манипуляціями магнетизеровъ, объясняло производимыя ими леченія, ссылаясь на слова слѣдующаго обѣщанія: «Вотъ знаменія, которыя будутъ сопровождать вѣрующихъ: они возложатъ руки на больныхъ и тѣ исцѣлятся». Для послѣдователей Сведенборга немощь есть духъ болѣзни; исцѣленіе—есть замѣщеніе дурного духа духомъ лучшимъ, а сомнамбула есть особа, вдохновенная Богомъ.

Удивительнѣе всего, что при такихъ воззрѣніяхъ на магнетизмъ совершались преудачныя излеченія. Делезъ, который всегда разсматривалъ магнетизмъ, какъ явленіе смѣшанное—гдѣ вѣра и воля играютъ большое значеніе, признавалъ, что Стокгольмское общество экзегетиковъ давало

---

*) См. «Deluze, Examen des doctrines magnitique».

болѣе драгоцѣнные и болѣе обильные плоды, чѣмъ всѣ другіе и что «оно обязано было этимъ увѣренности и вѣрѣ». Мистицизмъ Сведенборга охватывалъ всю Германію, бывшую въ то время хорошо подготовленной къ этой доктринѣ заклинаніями Гасснера и горячими проповѣдями въ его пользу Лафатера.

Какъ мы сказали, во Франціи знали Лафатера лишь по его трактату о физіогномикѣ. Для швейцарцевъ и нѣмцевъ того времени это было его наименьшее званіе. Почтенный цюрихскій пасторъ былъ особенно пристрастенъ къ чудесамъ и ничего не хотѣлъ слушать, когда ихъ объясняли новѣйшими фокусничествами. Онъ ихъ принималъ и защищалъ противъ невѣрія и скептицизма философовъ. Къ тому же, его энтузіазмъ былъ искренъ и былъ естественнымъ послѣдствіемъ его основнаго вѣрованія, а именно, что всякій истинный христіанинъ долженъ творить и творитъ чудеса. Лафатеръ мало заботился о противномъ на этотъ счетъ мнѣніи самыхъ ученыхъ докторовъ и самыхъ уважаемыхъ отцовъ церкви. Если-бы ему противупоставили св. Августина, который въ IV вѣкѣ христіанской эры писалъ: «Когда міръ не имѣлъ еще вѣры, чудеса были необходимы; но всякій, пожелавшій въ наши дни чудесъ для укрѣпленія вѣры, представлялъ-бы собой самое большее изъ чудесъ», то Лафатеръ способенъ былъ-бы воскликнуть подобно тому пылкому баккалавру, который защищалъ въ Сорбоннѣ одинъ изъ тезисовъ Молина: transeat Augustinus. Послѣ того, какъ онъ превознесъ Гасснера и его чудесныя исцѣленія; послѣ того, какъ онъ распространилъ въ своей странѣ имя и практику Месмера и выразилъ свое почтеніе къ Каліостро, Лафатеръ, ненасытимый чудесами, легко попадалъ въ силки, которыя разставляли его легковѣрію вульгарные скоморохи и шарлатаны самаго низшаго разряда и онъ увлекалъ за собой публику, такъ какъ сталъ идоломъ тѣхъ, которыхъ фанатизировалъ своими проповѣдями. Мирабо, разражающійся противъ него и противъ Каліостро родомъ діатрибы, написанной и отпечатанной въ Берлинѣ, все же былъ вынужденъ сказать: «Вотъ человѣкъ, который породилъ въ доброй части Германіи и у кой-кого изъ великихъ, по край-

ней мѣрѣ, по своему званію, энтузіазмъ, который безконечно походитъ на культъ» *).

Въ то время, когда по ту сторону Рейна такимъ образомъ господствовало иллюминатство, рѣдкіе его адепты во Франціи точно были въ спячкѣ. Человѣкомъ, растормошившимъ ихъ, былъ знаменитый писатель и ревностный католикъ—графъ де-Местръ.

Вотъ что писалъ Іосифъ Местръ изъ С.-Перербурга:

«Такъ вы рѣшительно страшитесь иллюминатовъ, дорогой другъ; съ своей стороны я не сочту себя слишкомъ требовательнымъ, если почтительно попрошу выраженій болѣе опредѣленныхъ,—чтобы, наконецъ, удостоили намъ сказать, что такое иллюминатъ; пусть будетъ извѣстно, о комъ и о чемъ говорятъ; это можетъ оказать лишь пользу при обсужденіи. Имя иллюминатовъ даютъ тѣмъ злонамѣреннымъ людямъ, которые дерзаютъ въ наши дни замышлять и даже организировать въ Германіи, при помощи самыхъ преступныхъ обществъ, ужасный проектъ подавить въ Европѣ христіанство и самодержавіе. Даютъ это имя и добродѣтельнымъ ученикамъ Сенъ-Мартена, который не только проповѣдуетъ христіанство, но который только и трудится, чтобы поднять этотъ божественный законъ на возможную высоту. Согласитесь, господа, что никогда не приходилось людямъ впадать въ большее смѣшеніе понятій. Я долженъ даже вамъ признаться, что не могу хладнокровно слушать, какъ въ мірѣ людей легкомысленныхъ обоихъ половъ, кричатъ объ иллюминатствѣ, о томъ, что, по меньшей мѣрѣ, превосходитъ ихъ понятія, съ развязностью и невѣжествомъ, которые превышаютъ мое самое испытанное терпѣніе» **).

Въ другомъ мѣстѣ этой книги, тотъ же писатель не колеблется заявить, что онъ ожидаетъ, даже жаждетъ эпохи, «когда нынѣшняя наука будетъ посрамлена истинной, иллюминатской будущностью, которая станетъ отзываться о нашемъ теперешнемъ тупоуміи, какъ мы говоримъ теперь о суевѣріи среднихъ вѣковъ».

*) «Lettres du comte de Mirabeau à M... sur M. M. Cagliostro et Lavater» in—8. de 78 pages. Berlin 1786.

**) Soirée de Saint Petersbourg. T II, стр. 329.

Несмотря на такое могущественное побужденіе, нужно признаться, что иллюминаты не завоевали во Франціи много территоріи во время реставраціи, времени религіознаго подъема, который притомъ долженъ былъ имъ благопріятствовать. Ихъ маленькое общество, предсѣдательствуемое въ Парижѣ добродѣтельной принцессой де-Бурбонъ, заставляло мало говорить о себѣ.

До 1829 года не знали о существованіи магнетизеровъ-аскетовъ въ Авиньонѣ, которые усыпляли и лечили магнетизмомъ и Veni Creator; а для того, чтобы ввести флуидъ, а также небеснаго духа въ экспериментируемаго субъекта, пользовались стеклянннымъ рупоромъ *). Тѣмъ не менѣе, въ эту эпоху были общества мистиковъ во многихъ городахъ юга Франціи, преимущественно въ Дофине и, казалось, всѣ они были дочерьми болѣе многочисленнаго общества, имѣвшаго пребываніе въ Ліонѣ, гдѣ иллюминаты разсѣянные, но не уничтоженные революціей, вскорѣ соединились послѣ бури.

Мистики не блистали во Франціи своей численностью, чудеса же, творимыя ими, имѣли еще менѣе блеска. На ихъ счетъ можно поставить, если только это имъ принадлежало, достославный крестъ Минье въ 1826 году, безстыдную фантасмагорію, осужденную всѣми современниками и которую самъ Римъ долженъ былъ осудить въ выраженіяхъ самыхъ порицательныхъ.

Таковы были попытки духа суевѣрія, болѣе или менѣе вспомоществуемаго животнымъ магнетизмомъ въ ту пору, когда нѣсколько добросовѣстныхъ и просвѣщенныхъ людей, подъ надзоромъ братьевъ Пюисегюръ и Делеза, трудились надъ установленіемъ научнымъ путемъ открытія Месмера, въ то время, когда достойные медики занялись въ госпиталяхъ Парижа опытами касательно терапевтическаго значенія животнаго магнетизма и когда медицинская академія, захваченная этимъ вопросомъ, принялась за изученіе его посредствомъ оффиціальной комиссіи.

Одинъ изъ болѣе извѣстныхъ медиковъ парижскаго фа-

---

*) См. «Животный магнетизмъ» Л. Фигье.

культета, никогда не хотѣвшій допустить реальность животнаго магнетизма и еще менѣе его цѣлебнаго значенія, но который, будучи свидѣтелемъ необыкновенныхъ результатовъ, полученныхъ въ госпиталяхъ экспериментаторами, искренно сознался, что онъ признаетъ себя пошатнувшимся въ своихъ взглядахъ — былъ докторъ Рекамье. Онъ лично передавалъ случай, который наши спириты приводятъ, какъ доказательство существованія магнетизма дьявольскаго, а біологисты, въ свою очередь ссылаются на него, усматривая въ немъ явленіе, называемое ими проэкціей воли.

Вотъ въ какихъ выраженіяхъ случай этотъ былъ описанъ. Это было уже индродукціей исторіи вращающихся столовъ и духовъ.

«Къ доктору Рекамье, въ то время, когда нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ находился въ одной деревнѣ Нижней Бретани, обратились за совѣтомъ крестьянинъ и его жена, жалуясь на то, что каждую ночь въ опредѣленный часъ, мужъ слышитъ лязгъ желѣза и такъ близко отъ ушей, точно эта странная музыка раздается въ его мозгу. Бѣднякъ не могъ спать. Жена, спящая на той же постели что и мызникъ, не слышала ничего. «Есть ли у тебя враги?» — спросилъ его докторъ Рекамье. — «Есть одинъ кузнецъ, — отвѣтилъ крестьянинъ, — онъ вооруженъ противъ меня потому, что долженъ мнѣ деньги, но онъ живетъ на другомъ концѣ деревни. Это не кузнецъ, не правда-ли, сударь?» При этомъ вопросѣ докторъ сдѣлалъ негодующій жестъ; однако, онъ промолчалъ и оставилъ Нижнюю Бретань, пообѣщавъ паціенту, что шумъ прекратится. Затѣмъ, Рекамье, по секрету, послалъ за кузнецомъ. Это былъ немного грубоватый, самоувѣренный здоровякъ. — «Что ты дѣлаешь въ каждую полночь? — спросилъ его Рекамье, строго смотря на него. Смутившійся кузнецъ сперва отнѣкивался; но, наконецъ, не выдержалъ испытующаго взгляда доктора. — «Сказать по правдѣ, сударь, — отвѣтилъ онъ подъ конецъ, — я кую каждую полночь на своей наковальнѣ, чтобы досадить мызнику N., на котораго я сержусь». — «Вы не сосѣди, ему невозможно слышать?» — «О, сударь, думаю что возможно».

Это былъ казусъ, который дѣйствительно долженъ былъ

потрясти ученаго медика. Въ дѣлѣ чудеснаго Hotel Dieu ему не представлялъ ничего, что было труднѣе объяснить, чѣмъ это дѣло деревенскаго Каліостро. Вѣрить ли намъ свидѣтельству Мирвилля о причинахъ, которыя воспрепятствовали такому добросовѣстному человѣку, какъ Рекамье, объявить себя убѣжденнымъ? «Рекамье, — повѣствуетъ Мирвиллъ,—просто испугался той силы, которую призналъ. Таково, наконецъ, сужденіе, которое онъ развивалъ и часто мотивировалъ въ частныхъ разговорахъ и не такъ давно даже передъ нами самими».

Какъ-бы то ни было, разсказъ доктора Рекамье взволновалъ много умовъ во Франціи.

«Словарь медицинскихъ знаній» отпечаталъ подъ рубрикой «Кошмаръ» еще случай сообщенный другимъ медикомъ, докторомъ Parent, который самъ былъ свидѣтелемъ разсказываемаго имъ необычайнаго факта.

«Въ то время, когда батальонъ полка, въ которомъ я состоялъ хирургомъ, — разсказываетъ онъ, — занималъ гарнизонъ въ Пами, въ Калабріи, получился приказъ выступить въ полночь изъ этой квартиры и со всей поспѣшностью двинуться въ Тропеа, для воспрепятствованія высадки непріятельской флотиліи, угрожавшей этимъ берегамъ. Это происходило въ іюнѣ; отряду предстояло пройти страной около сорока миль. Онъ выступилъ въ полночь и достигъ мѣста назначенія лишь въ семь часовъ вечера, дѣлая небольшія передышки и сильно терпя отъ солнечнаго зноя. По приходѣ, солдаты нашли готовый супъ и заготовленную квартиру.

Такъ какъ баталіонъ пришелъ изъ наиболѣе отдаленнаго пункта и прибылъ послѣднимъ, ему отвели самую плохую казарму и восемьсотъ человѣкъ были размѣщены въ помѣщеніи, въ которомъ въ обыкновенныя времена размѣщена была бы лишь половина. Они были свалены въ кучу на землю, на соломѣ безъ простынь и поэтому не могли раздѣться. Это было древнее покинутое аббатство. Жители насъ предупреждали, что баталіону нельзя будетъ остаться въ этомъ помѣщеніи, такъ какъ каждую ночь тамъ появляются духи и что другіе полки дѣлали уже неудачныя попытки. Мы только посмѣялись надъ ихъ легковѣріемъ; но каково было наше

удивленіе, когда въ полночь послышались страшные крики единовременно со всѣхъ концовъ казармы и когда мы увидѣли всѣхъ солдатъ выскочившихъ наружу и убѣгающихъ съ испуганнымъ видомъ. Я сталъ разспрашивать о причинѣ ихъ страха и всѣ мнѣ отвѣтили, что въ аббатствѣ живетъ діаволъ; что они видѣли, какъ онъ вошелъ черезъ отверстіе въ дверяхъ подъ видомъ большущей собаки съ длинной черной шерстью, что она кинулась на нихъ, пронеслась черезъ ихъ грудь съ быстротой молніи и исчезла на концѣ, противоположномъ тому, откуда вошла. Мы надсмѣялись надъ ихъ паническимъ страхомъ и старались доказать имъ, что явленіе это зависѣло отъ причинъ вполнѣ простыхъ и натуральныхъ и было не болѣе, какъ произведеніемъ ихъ обманчиваго воображенія. Мы не могли ни убѣдить ихъ, ни заставить вернуться въ казарму. Они провели остатокъ ночи, разсѣявшись по берегу моря и по разнымъ уголкамъ города. На другой день я снова разспрашивалъ унтеръ-офицеровъ и самыхъ старыхъ солдатъ. Они увѣряли меня, что не поддаются ни какимъ страхамъ, что не вѣрятъ ни въ духовъ, ни въ выходцевъ съ того свѣта, и все же мнѣ казалось, что они были убѣждены, что сцена въ казармѣ не была плодомъ ихъ воображенія, а вполнѣ реальной. По ихъ словамъ, они еще не спали, когда вскочила собака; они ее прекрасно видѣли и чуть не задохлись, когда она вскочила имъ на грудь.

Мы пробыли цѣлый день въ Тропеа и такъ какъ городъ былъ переполненъ войсками, были принуждены сохранить за собой ту же квартиру, но намъ удалось заставить солдатъ лечь лишь тогда, когда пообѣщали провести ночь вмѣстѣ съ ними.

Въ самомъ дѣлѣ, мы съ баталіоннымъ командиромъ отправились туда въ одиннадцать съ половиной часовъ вечера. Офицеры изъ любопытства размѣстились по разнымъ комнатамъ. Намъ и въ голову не приходило, что мы увидимъ повтореніе вчерашней сцены. Солдаты, успокоенные присутствіемъ офицеровъ, которые бодрствовали, улеглись спать; но около часа пополуночи во всѣхъ комнатахъ сразу возобновились тѣ же крики и люди, видѣвшіе какъ та же собака вскочила имъ на грудь, боясь быть задушенными, выскочили

изъ казармы и уже не возвращались. Мы были на ногахъ вполнѣ бодрствующими и на-сторожѣ того, что случится и какъ легко предположить, ничего не видѣли.

Такъ какъ непріятельскій флотъ ушелъ въ море, мы на другой день вернулись въ Пальми. Послѣ этого событія мы исходили Неаполитанское королевство вдоль и поперекъ и во всякія времена; солдаты наши часто такимъ самымъ образомъ сваливались въ кучу, — но никогда этотъ феноменъ не повторялся».

Тѣ, кто вѣритъ не только въ появленіе духовъ въ видимомъ образѣ, но и въ существованіе излюбленныхъ мѣстъ, которыя духи по преимуществу посѣщаютъ — сближаютъ этотъ разсказъ съ слѣдующей любопытной исторіей, которую докторъ Бріеръ де-Боамонъ извлекъ изъ занимательной книги, изданной однимъ англійскимъ медикомъ подъ именемъ «Анатомія самоубійства». Разсказъ касается причины таинственнаго самоубійства маркиза Лондондери, который подъ именемъ лорда Кастельре былъ министромъ иностранныхъ дѣлъ во время борьбы Англіи въ союзѣ съ Европой противъ Франціи и который въ 1820 году перерѣзалъ себѣ горло въ припадкѣ безумія.

«Около четырехъ лѣтъ тому назадъ, — разсказываетъ Бріеръ де-Боамонъ, — благородный лордъ отправился посѣтить одного изъ своихъ пріятелей, проживавшаго на сѣверѣ Ирландіи въ старомъ замкѣ, которые романисты выбираютъ по преимуществу театромъ для своихъ видѣній. Наружность комнаты маркиза вполнѣ гармонировала съ самимъ зданіемъ. Въ самомъ дѣлѣ, панель, богато украшенная рѣзьбой, почернѣвшей отъ времени; громадное отверстіе камина, похожее на входъ въ гробницу; длинный рядъ портретовъ предковъ со взглядомъ гордымъ и въ то же время презрительнымъ; обширныя, пыльныя и тяжелыя драпировки, обрамлявшія постель—все было такого рода, что наводило на меланхолическія мысли.

Лордъ Лондондери осмотрѣлъ свою комнату и познакомился съ древними владѣльцами замка, которые, стоя во весь ростъ въ своихъ рамахъ изъ слоновой кости, казалось, ожидали его привѣтствія. Отпустивъ лакея, онъ легъ въ постель.

Едва онъ погасилъ свѣчу, какъ замѣтилъ лучъ, освѣщавшій верхушку его алькова. Убѣжденный, что въ каминѣ нѣтъ огня, что шторы спущены, что нѣсколько минутъ ранѣе комната была въ совершенной темнотѣ, онъ предположилъ, что какой-нибудь непрошенный гость забрался въ комнату. Тогда, быстро направившись въ сторону, откуда виднѣлся свѣтъ, онъ, къ своему удивленію, увидѣлъ фигуру прелестнаго ребенка, окруженнаго сіяніемъ. Духъ находился въ нѣкоторомъ разстояніи отъ его постели.

Увѣренный въ обладаніи всѣми своими способностями, но подозрѣвая мистификацію со стороны кого-нибудь изъ многочисленныхъ гостей замка, лордъ Лондондери приблизился къ видѣнію, которое отъ него отдалилось. По мѣрѣ того, какъ онъ подходилъ, оно пятилось, пока, наконецъ, достигнувъ отверстія громаднаго камина, оно не исчезло подъ землею. Лордъ Лондондери вернулся въ постель, но не могъ уснуть, тревожимый этимъ необыкновеннымъ событіемъ. Было ли оно реальнымъ, или его слѣдовало разсматривать какъ послѣдствіе возбужденнаго воображенія?

Тайну не легко было разгадать.

Онъ рѣшилъ не дѣлать никакихъ намековъ о случившемся, пока старательно не осмотритъ всѣхъ присутствовавшихъ въ домѣ, чтобы удостовѣриться, не былъ ли онъ объектомъ какого-нибудь плутовства. За завтракомъ маркизъ напрасно старался уловить на чьемъ-нибудь лицѣ какую-нибудь изъ тѣхъ скрытыхъ улыбокъ, многозначительныхъ взглядовъ, сигналовъ глазами, которыми обыкновенно выдаютъ себя авторы домашнихъ заговоровъ. Разговоръ шелъ своимъ обычнымъ чередомъ; онъ былъ оживленъ, ничто не обличало мистификаціи; все шло какъ обыкновенно. Наконецъ, герой событій не въ силахъ былъ противиться желанію разсказать то, что онъ видѣлъ, исообщилъ о своемъ видѣніи со всѣми подробностями. Разсказъ его возбудилъ у слушателей большой интересъ и далъ поводъ къ разнообразнымъ объясненіямъ. Но хозяинъ прервалъ эти разныя комментаріи, замѣтивъ, что разсказъ лорда Лондондери долженъ дѣйствительно казаться очень необыкновеннымъ для тѣхъ, кто не жилъ въ замкѣ и не знакомъ съ его фамильными преданіями;

затѣмъ, обратившись къ герою приключенія, сказалъ: «Вы видѣли блестящаго ребенка... будьте довольны, это предсказываетъ большое богатство; но, я бы предпочелъ, чтобы объ этомъ видѣніи не было рѣчи». Впослѣдствіи лордъ Кастельре еще разъ видѣлъ блестящаго ребенка въ палатѣ общинъ и, весьма вѣроятно, что въ день самоубійства онъ имѣлъ подобное же видѣніе».

По взгляду спиритовъ, даже животныя способны имѣть видѣнія. Мы знаемъ лишь библейскій фактъ объ ослицѣ Валаама, которая первая увидѣла то, чего ея хозяинъ упрямо не замѣчалъ, именно господняго ангела, державшаго въ рукахъ обнаженный мечъ и заграждавшаго дорогу. Но вотъ одинъ нѣмецкій философъ, докторъ Кернеръ, увѣряетъ насъ, что на холмахъ Вюртемберга и въ сосѣдствѣ Преворста стада животныхъ охватывалъ страхъ и они подвергались припадкамъ конвульсій одновременно съ жителями; по преимуществу это происходило въ ту пору, когда знаменитая ясновидящая (госпожа Гоффъ), исторію которой писалъ Кернеръ, подвергалась, какъ и жители, конвульсіямъ и пріобрѣтала даръ вторичнаго зрѣнія.

Можно было бы допустить, что какой-нибудь шумъ, причиняемый конвульсіями госпожи Гоффъ, вызывалъ тревогу между ягнятами и телушками; но доктору Кернеру желательно, чтобы видѣнія были общими и производить эти явленія одновременно.

Кромѣ того, онъ утверждаетъ, что эти феномены не ограничиваются той страной, гдѣ онъ ихъ наблюдалъ. Въ Шотландіи и на Гебридскихъ островахъ случается, что разгоряченныя лошади, въ моментъ самой быстрой скачки вдругъ останавливаются, если ѣздокъ испытываетъ видѣніе такого рода. Будетъ ли это днемъ или ночью лошадь отказывается идти далѣе и вскорѣ покрывается обильнымъ потомъ, ясно свидѣтельствущемъ объ ея страхѣ *).

Маркизъ де-Мирвилль въ своей книгѣ des Esprit не довольствуется тѣмъ, что цитируетъ эти удивительные фено-

*) Смотри въ «Revue de deux Mondes» отъ 15 іюля 1842 г. статью, касательно доктора Кернера.

мены; онъ отъ себя прибавляетъ вполнѣ сходный, но болѣе драматическій случай, приключившійся въ его семьѣ и совершенную вѣрность котораго онъ гарантируетъ. Послушаемъ его разсказъ.

«Да будетъ вамъ извѣстно, что въ нашемъ сосѣдствѣ находится старый замокъ, пользующійся наихудшей на свѣтѣ репутаціей относительно духовъ. Жильцы этого дома были постоянными жертвами этихъ сверхчеловѣческихъ проказъ, которыя никогда не прекращались, перемѣшиваясь въ промежуткахъ съ шумами, стуками и видѣніями. Если молодые слуги и съ трудомъ привыкали къ этому, то старые оканчивали тѣмъ (благодаря уступкамъ, конечно), что жили въ добромъ согласіи съ своими невидимыми преслѣдователями. Однако они еще нарекали, и не они одни, такъ какъ помнятъ, что въ 1815 году одно англійское семейство, нанявши это таинственное шато, оказалось вынужденнымъ убраться въ концѣ извѣстнаго времени, не будучи въ силахъ сносить эти ночныя тревоги; сами мы хорошо припоминаемъ, какъ намъ разсказывали въ дѣтствѣ о нѣкоторомъ рыцарѣ, вооруженномъ съ ногъ до головы, одна мысль о которомъ леденила нашу кровь отъ страха и ужаса. Все это, господа, было бы мало достойно вашего вниманія, не будь слѣдующей подробности, которую намъ сообщила одна родственница, сомнѣваться въ которой ни на одно мгновеніе невозможно ни намъ, ни всякому, кто ее знаетъ; она тѣмъ менѣе способна къ преувеличеніямъ, что всегда сохранила самое полное недовѣріе къ подобнымъ разсказамъ, противорѣчащимъ не только всѣмъ ея взглядамъ, но еще и вредящимъ покою ея дома. И такъ, вотъ то, въ чемъ она насъ увѣряла еще не такъ давно.

«Возвращаясь въ Парижъ, разсказывала она намъ, и приказавъ привести изъ сосѣдняго города пару хорошихъ лошадей, чтобы везти нашъ экипажъ до первой остановки, мы быстро выѣхали изъ М. и вскорѣ проѣзжали аллеями замка. Все шло прекрасно, когда экипажъ, катившійся рысью, вдругъ остановился среди голой равнины, причинивъ намъ довольно сильный толчекъ. Мой мужъ и я, сидѣвшіе въ глубинѣ кареты, сначала предположили, что произошелъ какой-нибудь безпорядокъ въ упряжи; но вскорѣ мы разубѣдились, такъ

какъ удары начали сыпаться на несчастныхъ животныхъ, которыя фыркая, пятились. Мы думали, что намъ прислали норовистыхъ или лѣпивыхъ лошадей и ждали, что сила окажется на сторонѣ права, однако, такъ какъ кризисъ продолжался, мы рѣшились высунуть головы изъ оконъ, чтобы спросить кучера, что случилось.—«О, сударыня! что случилось?! Развѣ вы не видите этого рыцаря, которыя заступилъ мнѣ дорогу, который угрожаетъ моимъ бѣднымъ животнымъ копьемъ и мѣшаетъ имъ пройти?» Удары удвоились и лошади пятились во всю мочь. Затѣмъ кучеръ сказалъ:—«А, слава Богу—онъ исчезъ». И вотъ, на этотъ разъ бѣдныя животныя сами собой пустились крупной рысью, но всѣ покрытыя потомъ и летя со всѣй скоростью, какъ испуганныя животныя*).

Всѣ эти исторіи, передаваемыя нашими журналами, волновали умы. Послѣднія особенно не поддавались никакому естественному объясненію, потому что, если было вѣрно, что животныя имѣли тѣ же видѣнія, что и люди, то одновременно съ ними-то становилось невозможнымъ отнести эти феномены на счетъ воображенія и видѣнія по необходимости должны были имѣть реальность. Всѣ были напуганы этими фактами и все же неотразимое любопытство заставляло искать ихъ. Отыскались еще болѣе необычайные.

Lettres édifiantes, сборникъ, объявленный Вольтеромъ книгой самой интересной его эпохи, просматриваемой адептами мистическаго магнетизма, доставитъ своего рода интересъ, котораго нигдѣ въ другомъ мѣстѣ не найдутъ. Одинъ миссіонеръ разсказываетъ въ немъ (т. VI, стр. 277), что въ Индіи можно видѣть «колыбели изъ вѣтвей и погребальныя простыни, висящія въ воздухѣ безъ всякой привязи лишь силой простаго приказанія». Нѣсколькими страницами выше тотъ же миссіонеръ говорилъ о «предметахъ, прочно укрѣпленныхъ на стѣнѣ и которымъ приказываютъ быстро отдалиться». Дальше (т. VII, стр. 303), другой миссіонеръ, сохранившій въ христіанскомъ мірѣ репутацію безукоризненной правдимости, Руше, говоритъ вполнѣ положительно: «я ви-

*) Des esprits et de leur manifestations fluidique 3 édit. 1854 т. 8, ch. VII, p. 244—245.

дѣлъ одного индійца, котораго собирался крестить, вдругъ перенесеннымъ съ дороги, которая вела въ церковь на другую».

Всѣ эти различные разсказы и тысяча другихъ, читаемыхъ и коментируемыхъ, сами по себѣ не могли представить объясненій, которые не сводились-бы къ сверхъестественному. Медицинская академія сдѣлала промахъ; не пожелавъ обсудить публично докладъ де-Гюссона о натуральномъ магнетизмѣ изъ за того, что онъ констатировалъ факты, которые это общество постоянно отрицало,—и это повлекло за собой то, что магнетизмъ трансцедентальный пробилъ себѣ въ свѣтѣ дорогу.

Дьявольщинѣ расширенъ былъ путь, и она ею воспользовалась. Съ тѣхъ поръ спиритизмъ пріобрѣлъ своихъ незримыхъ агентовъ, двигателей нашего тѣла, внушителя нашихъ мыслей, неизбѣжнаго участника нашихъ дѣйствій.

Люди добросовѣстные, замѣчательные ученые, почувствовали къ нему влеченіе и не всегда имѣли силы этому не отдаваться. Такъ было съ Делезомъ, который почти послѣ цѣлой жизни, посвященной физическимъ и психологическимъ демонстраціямъ животнаго магнетизма, не устоялъ, чтобы въ концѣ своей карьеры не признаться въ перепискѣ съ докторомъ Билло, иллюминаторомъ авиньонской школы, о замѣтномъ ослабленіи его прежнихъ убѣжденій.

«Вы переносите меня въ новый міръ, — писалъ ему Делезъ,—но я не могу отказаться отъ идей, отъ взглядовъ на вещи, которыхъ держусь тридцать лѣтъ. Вы спрашиваете меня—не видывалъ ли я подобныхъ этимъ вещей; долженъ отвѣтить, что нѣтъ, но люди, заслуживающіе довѣрія, разсказывали мнѣ о нихъ, хотя и не въ большомъ числѣ. Вотъ одинъ изъ этихъ разсказовъ, который меня особенно удивилъ по причинѣ сопровождающихъ его обстоятельствъ.

«Сегодня утромъ посѣтилъ меня одинъ весьма извѣстный медикъ, человѣкъ съ умомъ, читавшій не одинъ мемуаръ въ Академіи Наукъ. Онъ заходилъ поговорить со мной о магнетизмѣ. Я ему разсказалъ кой-какіе изъ сообщенныхъ мнѣ вами фактовъ, однако, не называя васъ. Онъ отвѣтилъ, что они не удивляютъ его и привелъ большое число аналогичныхъ

случаевъ, которые доставили ему многіе сомнамбулы. Вы поймете, что я былъ сильно удивленъ и что нашъ разговоръ былъ очень интересенъ. Между другими феноменами онъ говорилъ мнѣ о вещественныхъ предметахъ, которые сомнамбула заставляла двигаться передъ собой, что подходитъ подъ ту же категорію, какъ та вѣтка критскаго тимьяна и другіе предметы, чудесно приближавшіеся къ вамъ.

Не знаю, что думать обо всемъ этомъ; но я не сомнѣваюсь въ искренности моего медика. Сомнамбулы, о которыхъ онъ мнѣ говорилъ, никогда не входили въ сношенія съ существами духовными; но онъ не считаетъ, чтобы это было вещью невозможной. Что касается меня, то я не могу понять, какъ существа чисто духовныя могутъ двигать и переносить предметы вещественные; для этого нужны физическія органы» *).

Докторъ Билло отпечаталъ въ своемъ трудѣ, который мы цитировали, говоря о животномъ магнетизмѣ, свою корреспонденцію съ Делезомъ. Тамъ находится, между другими чудесными фактами, разсказъ о кровопусканіи, при которомъ по волѣ оператора кровь то течетъ, то останавливается, точно перемежающій фонтанъ физиковъ. Встрѣчается еще тамъ, что въ тотъ моментъ, когда одна сомнамбула приготовлялась съѣсть что-нибудь, наперекоръ приказанію дѣйствующаго въ ней духа, пища, которую она подносила ко рту, въ присутствіи доктора и всѣхъ находящихся въ домѣ, подскакивала къ потолку и безслѣдно исчезала **).

Пусть судятъ, какъ торжествовали спириты. Они сами оповѣщаютъ насъ, что магнетизеры раціоналисты, испуганные всѣми этими новыми явленіями, собрались, чтобы обсудить опасность, угрожающую ихъ доктринѣ. Они запретили своимъ адептамъ заниматься спиритизмомъ; но сомнамбулы ихъ школы проявляли факты тождественные тѣмъ, на которые они наложили запретъ. «Короче сказать,—говоритъ съ гордостью маркизъ де-Мирвилль,—въ 1845 году въ магнетическомъ мірѣ произошла тоже революція. Хоть бы въ этомъ и сомнѣвался Араго, магнетизмъ повернулся на своей оси и въ то время

---

*) Billot, t. II p. 27.
**) Billot p 89.

когда толпа держится еще Месмера и Делеза—почти всѣмъ магнетизерамъ приходится теперь признать, если не необходимость, то, по крайней мѣрѣ, возможность магнетизма сверхъчеловѣческаго *). Станемъ продолжать изложеніе фактовъ».

Въ 1846 году Revue britanique въ свою очередь занимается докторомъ Кернеромъ и его книгой, озаглавленной «Ясновидящая Преворста». Вотъ отрывокъ изъ этого Revue.

«Мы полагаемъ заинтересовать самихъ скептиковъ, разсказавъ имъ о любопытномъ трудѣ, изданномъ въ Германіи докторомъ Кернеромъ и относящемся до женщины, уже извѣстной въ лѣтописяхъ животнаго магнетизма. Въ книгѣ этой необыкновенныя случайности магнетическаго существованія достигаютъ крайнихъ границъ и бросаютъ вызовъ разсудку.

Докторъ Кернеръ, домъ котораго служилъ театромъ событій, о которыхъ мы собираемся разсказать, хорошо извѣстенъ въ Германіи какъ медикъ, какъ лирическій поэтъ, какъ ученый и какъ человѣкъ, соединяющій въ себѣ евангельское милосердіе съ самыми обаятельными манерами, такъ что наиупрямѣйшіе скептики, преклоняясь предъ этой прекрасной и чистой репутаціей, никогда не подвергали сомнѣнію его искренность.

Въ теченіе семилѣтнихъ заботъ, посвященныхъ докторомъ этой ясновидящей, которую онъ имѣлъ огорченіе видѣть умирающей на своихъ рукахъ, всѣ психологическіе и физіологическіе феномены магнетизма развивались у него на глазахъ; такъ, напр., сильное нервное разстройство; когда прибѣгаютъ къ кровопусканію,—эти разстройства усиливаются; далѣе, она вызываетъ въ стаканахъ, въ мыльныхъ пузыряхъ, образы отсутствующихъ людей. Затѣмъ предметы, помѣщенные вблизи ея, подымаются на воздухъ и удаляются, какъ-бы отталкиваемые незримой силой. А то бываетъ появленіе одного или нѣсколькихъ призраковъ, прибытіе которыхъ обыкновенно докладываетъ страшный шумъ и передвиженіе подсвѣчника. Когда они входятъ, двери отворяются и запираются, какъ-бы таинственной рукой. Далѣе, мы усматриваемъ судью Пфафейна, до того времени не вѣровавшаго

*) Des Esprits p. 325.

и обращеннаго видѣніемъ, которое предстало передъ нимъ. Всѣ эти призраки доказываютъ реальность своего существованія различными способами: 1) характерными стуками, ударяемыми въ стѣны или мебель, катаньемъ шаровъ, звономъ колокольчика или стакана, повторенными топаньями ногъ. 2) смѣщеніемъ разныхъ предметовъ. Въ тотъ моментъ, когда эти призраки входили въ комнату госпожи Гоффъ, замѣчалось передвиженіе подсвѣчниковъ, тарелки ударялись одна о другую, книги развертывались, видѣли даже, какъ маленькій столикъ ворвался въ комнату по непоборимому импульсу. Какъ докторъ, бывшій свидѣтелемъ всѣхъ этихъ вещей, такъ и многіе другіе объявляютъ, что импульсъ не шелъ отъ сомнамбулы, а отъ какого-нибудь другого таинственнаго дѣятеля. Въ теченіе всего этого разсказа, большая часть обычныхъ явленій и, конечно, самыхъ необыкновенныхъ явленій животнаго магнетизма развертываются передъ нами и могутъ быть подраздѣлены на пять отличительныхъ классовъ *), которые довольно точно соотвѣтствуютъ магнетическимъ періодамъ, описаннымъ берлинскимъ профессоромъ Клугомъ **). Вызываніе въ стаканѣ образовъ людей, живущихъ или умершихъ и отсутствующихъ, есть феноменъ чаще всего повторяющійся до и послѣ Каліостро. Установимъ здѣсь, что искусство совершать такое вызываніе извѣстно съ глубокой древности въ Египтѣ, гдѣ одинъ членъ Академіи надписей и литературы, графъ Лабордъ, открылъ его вполнѣ усовершенствованнымъ. Одинъ арабскій волшебникъ, по имени Ахмедъ, который это показывалъ въ Каирѣ, продалъ ему секретъ видѣній въ горсти руки; Лабордъ утверждаетъ, что онъ имѣлъ ихъ за свои деньги и что, сдѣлавшись такимъ же волшебникомъ, какъ Ахмедъ, онъ производилъ на сушѣ и на водѣ многочисленные опыты, которые всѣ увѣнчались успѣхомъ.

*) Revue britanique, Февраль 1848 года.

**) Клугъ установилъ шесть степеней магнитизированія: первый— это тотъ, когда субъектъ еще реагируетъ на внѣшнія впечатлѣнія, второй—составлялъ полусонъ или кризисъ неполный; третій магнетическій сонъ или сомнамбулизмъ; четвертый—кризисъ полный, пятый— ясновидѣніе или предвидѣніе, шестой—магнетическое видѣніе или экстазъ.

Изъ всей этой совокупности опытовъ и наблюденій,—говоритъ де-Лабордъ,—вытекаетъ положительный фактъ, что подъ вліяніемъ особой организаціи и совокупностью церемоній, между которыми трудно отличить тѣ, которыя содѣйствуютъ операціи отъ тѣхъ, которые, такъ сказать, ихъ сопровождаютъ, дѣти, собранныя отовсюду, безъ подготовки (какъ питомцы Каліостро), при невозможности допустить обмана, видятъ въ горсти своихъ рукъ, съ той же легкостью какъ черезъ слуховое окошко, какъ тѣ люди, которыхъ они называютъ, двигаются, появляются и исчезаютъ, съ которыми они разговариваютъ и о чемъ они сохраняютъ воспоминаніе послѣ операціи.

Я изложилъ фактъ, но я его не объясняю; такъ какъ, даже лично производя эти поразительные эффекты, я не могъ себѣ объяснить полученныхъ мною результатовъ. Я устанавливаю лишь самымъ положительнымъ образомъ, что все, что я сказалъ, сущая правда; даже послѣ двѣнадцати годовъ, какъ я оставилъ Востокъ, я дѣлаю эту декларацію, но, несмотря на абсолютную реальность видѣній и даже нѣкоторую точность отвѣтовъ, я не прочь допустить, что меня обманывали и что я самъ обманывался въ фактахъ, которые повторялись двадцать разъ у меня на глазахъ, по моей волѣ, передъ толпой различныхъ свидѣтелей, въ двадцати различныхъ мѣстахъ,—то въ 4-хъ стѣнахъ моей комнаты, то на открытомъ воздухѣ, или даже въ моей баркѣ у берега Нила» *).

Мы уже сказали мелькомъ въ исторіи животнаго магнетизма**) объ этомъ свидѣтельствѣ де-Лаборда и напомнили о феноменахъ того же рода, доложенныхъ въ болѣе недавнее время другими наблюдателями; а именно, о вызываніи особъ въ зеркалахъ или въ хрустальныхъ шарахъ. Эти фантастическія появленія мы объяснили гипнотизмомъ.

Что касается фактовъ, сообщенныхъ докторомъ Кернеромъ во время леченія его ясновидящей, то они образуютъ ту же категорію необычайныхъ явленій, которыя состав-

---

*) Revue des deux Mondes. Августъ. 1840 годъ.
**) Figuier. Histoire de Merveilleux t. III p. 393.

ляютъ тріумфъ спиритовъ, и за которыми нѣкоторые флуидисты, не переставая проповѣдывать о своей принадлежности къ школѣ Пюнинора и Делеза, не прочь признавать абсолютную возможность.

«Я думаю, — говоритъ Рикардъ, — что не пришло еще время сказать все, что узнали изъ практики магнетизма; но придетъ день и, вѣроятно, ждать его не долго, когда люди, серьезно изучавшіе науку, которой мы занимались, предъявятъ ученому міру вещи, которыя перевернутъ отжившіе принципы, повергнутъ въ прахъ рутинныя системы *).

Да, всѣ эти системы были-бы повергнуты въ прахъ и всѣ эти принципы были-бы перевернуты, если-бы намъ пришлось вѣрить, что воля играетъ какую-нибудь роль въ производствѣ слѣдующихъ феноменовъ, разсказываемыхъ Рикардомъ въ своемъ восьмомъ урокѣ:

«Однажды утромъ, — говоритъ Рикардъ, — я прогуливался на прелестной площади Пейрона, въ Монпелье; койкакія облака затемняли небо, до того бывшее яснымъ; теплый дождь разливалъ на прекрасныя деревья этого прелестнаго мѣста благодѣяніе умѣренной свѣжести. Я попробовалъ дать облакамъ, находившимся у меня надъ головой сильный импульсъ по тому направленію, куда они слѣдовали. Случаю было угодно, что по истеченіи нѣсколькихъ минутъ на томъ мѣстѣ, гдѣ я находился, дождь прекратился, тогда какъ онъ продолжалъ лить во всѣхъ остальныхъ мѣстахъ площади. Не диковинный-ли это случай?»

Конечно, очень диковинный, но какой эпитетъ придать этому случаю, когда мы увидимъ тотъ же феноменъ, еще разъ воспроизведенный, въ обстоятельствахъ болѣе торжественныхъ и по волѣ магнетизера?!

На этотъ разъ Рикардъ находится въ Тулузѣ у господина Эдуарда Пюикузена, среди собранія литераторовъ, медиковъ и артистовъ. Магнетизера испытываютъ по поводу его искуства и такъ какъ именно въ это время начался дождикъ, Рикардъ повторяетъ въ свое подтвержденіе случай въ площади Пейрона.

---

*) Traité théoritique et pratique du magnitisme. p. 313.

«Мы всѣ сошли,—говоритъ онъ,—запасшись большими листами бумаги, въ садъ господина Пюикузена; дождь повсемѣстно увлажнилъ землю и продолжалъ идти. Я помѣстился на одномъ концѣ главной аллеи и попросилъ одного изъ этихъ господъ спрятать подъ одежду листъ бумаги и пойти въ противоположный конецъ. Другого господина я попросилъ состоять при мнѣ съ листомъ бумаги, тоже охраненнымъ, и было условлено, что когда я стукну по землѣ ногой, бумага должна быть вынута внаружу. Я принялся магнетизировать; по истеченіи нѣсколько минутъ, я подалъ сигналъ; бумага одновременно была развернута моими двумя помощниками и стало очевиднымъ, что дождь продолжался на противоположномъ концѣ аллеи и окончательно прекратился тамъ, гдѣ стоялъ я.

Не правда-ли вотъ еще очень удивительный результатъ случая?!»

Манифестаціи этого разумнаго и покорнаго случая достаточно характеризуютъ и достойнымъ образомъ завершаютъ исторію того мистическаго, картину котораго мы начертали въ этихъ двухъ главахъ.

Электро-біологія.

Sic volo, sic jubeo.
Ювеналъ, VI сат., ст. 223.

Филипсъ знакомится въ Америкѣ съ электро-біологіей. — Опытъ Филипса въ Америкѣ. — Филипсъ въ Брюсселѣ, Алжирѣ и Женевѣ. — Работы Филипса по электро-біологіи. — Филипсъ признаетъ тождество электро-біологіи съ гипнотизмомъ.

Разсказываемые нами, якобы сверхъестественные факты можно приравнять къ тѣмъ, которые были изучаемы точнымъ наблюдателемъ Филипсомъ, авторомъ книги, озаглавленный «Животный электро-динамизмъ» *).

Дѣло идетъ о феноменѣ внушенія, біологіи или электро-біологіи, психопатіи, булитодинаміи, такъ какъ названія усложняются и сталкиваются для выраженія вещи, еще столь мало объясненной, но тѣмъ не менѣе, вполнѣ вѣрной. Это родъ галлюцинаціи, производимой могущественной волей магнетизера надъ субъектомъ, подчиненнымъ его вліянію, становящимся вполнѣ пассивнымъ, лишеннымъ, такъ сказать, своей собственной личности и приведеннымъ въ состояніе автомата, при посредствѣ извѣстныхъ лѣкарствъ или процедуръ, которыя новѣйшіе очарователи называютъ обыкновенно біологизаціей.

Остановимся на этомъ феноменѣ біологизаціи, который мы уже встрѣчали, когда въ предшествовавшемъ томѣ говорили о гипнотизмѣ. Феноменъ этотъ, въ которомъ мы усматриваемъ

---

*) Electro dinamisme vital ou les relations phisiologiques de l'esprit et de la matière, par A. J. P. Philips; in 8. Paris. 1855.

лишь эффектъ гипнотическаго состоянія субъектовъ, имѣетъ въ нашихъ глазахъ капитальное значеніе, такъ какъ несмотря на самую разнообразную внѣшность его проявленій, въ основѣ онъ всегда тотъ же и даетъ разгадку большинству необыкновенныхъ фактовъ, которыми занимались послѣ вторженія вертящихся столовъ въ Европу.

Работа Брэда, которую мы цитировали въ предшествующемъ томѣ, неврипнологія или Rational of the nervous Jelep (о нервномъ снѣ), изданная авторомъ въ 1843 году, была исходнымъ пунктомъ наблюденій, которыя мы собираемся разсказать. Въ книгѣ этой помѣщено большинство наблюденій, которыя позднѣйшіе авторы полагали, будто наблюдали впервые. Д-ръ Брэдъ, умершій въ началѣ 1860 года, въ тотъ моментъ, когда его работы стали оцѣниваться по достоинству, былъ наблюдатель серьезный и терпѣливый. Многочисленныя, изданныя имъ статьи, хотя изобиловавшія нѣкоторыми преувеличеніями, конечно, были-бы замѣчены физіологами, если-бы тѣ не смѣшивали ихъ съ потокомъ неперсваримыхъ и нездоровыхъ произведеній магнетизеровъ его времени *).

Фактъ одновременныхъ галлюцинацій, будутъ-ли они индивидуальныя или коллективныя, по нашему взгляду не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію. Мы приводили многочисленные примѣры этого, взятые изъ всѣхъ эпохъ и вполнѣ засвидѣтельствованные. Не только медики и физіологи, объявляющіе, что они наблюдали кое-какіе изъ нихъ, но помимо раз-

*) Вотъ списокъ работъ или брошюръ, изданныхъ докторомъ Брэдомъ по занимающему насъ предмету:

1) 1843. Neurypnologie, о которой говорится выше.

2) Того же года. Du pouvoir l'esprit sur le corps, брошюра относящаяся къ тому, что Рейхенбахъ описалъ подъ названіемъ «Oda».

3) 1852. De la magie, de la sorcellerie; du magnetisme de l'hypnotisme, de l'electro biologie съ замѣтками о «Histoire de la magie» Кольгума.

4) 1855. Physiologie de la fascination съ эпиграфомъ: Possunt quia posse videntair.

5) Того же года. Observations sur la lethargie ou l'hibernation humaine, работа чрезвычайно интересная и почти неизвѣстная во Франціи.

ряда спеціалистовъ, весьма немногіе могутъ не припомнить, что они бывали игрушкой какой-нибудь преходящей иллюзіи, проистекающей изъ подобнаго состоянія.

Литтре, говоря объ этихъ феноменахъ, выражается, что онъ относитъ ихъ къ категоріи нервныхъ разстройствъ.— «Ихъ называютъ коллективными галлюцинаціями и они имѣютъ ту особенность, что у многихъ производятъ явленія схожія. Имъ отводятъ мѣсто между умственными эпидеміями, которыя, подобно эпидеміямъ тѣлеснымъ, налагаютъ на умъ печать разнообразнаго нарушенія» *).

Между тѣмъ, что испытывалъ каждый и тѣмъ, во что предлагается здѣсь увѣровать, единственная разница лишь въ степени —природа же феномена остается та же. И такъ, фактъ галлюцинацій неоспоримъ—это истина, прочно установленная. Изъ этого вытекаетъ слѣдующій вопросъ:

Обладаютъ-ли нѣкоторые люди способностью искусственно вызывать подобное состояніе у другихъ людей? Повидимому, отвѣтъ можетъ быть лишь утвердительнымъ, принимая въ соображеніе то, что существуютъ галлюцинаціи коллективныя. Вотъ точные и несомнѣнные факты, которые говорятъ въ пользу правильности такого объясненія.

Всякому извѣстно, какое могущественное дѣйствіе производятъ питья, изготовляемыя на Востокѣ. Кому неизвѣстно, какимъ одуряющимъ подготовкамъ подвергалъ своихъ учениковъ Гассанъ, знаменитый глава Гассасиновъ, чтобы подчинить ихъ своей волѣ и какими привлекательными видѣніями онъ начинялъ мозгъ несчастныхъ, впавшихъ подъ дѣйстіемъ гашиша въ состояніе полнѣйшей пассивности?! По его приказу, по данному имъ знаку, его сектанты добровольно лишали себя жизни, пронзали себя своими ятаганами или соскакивали съ высоты башни. Было-бы, конечно, трудно отыскать здѣсь точную разграничительную черту между нравственнымъ вліяніемъ Гассана и вліяніемъ гашиша. Но во всѣ времена на Востокѣ бывали магнетизеры, которые не прибѣгали ни къ гашишу, ни къ какому-нибудь другому оду-

*) Предисловіе къ сочиненію Eusebe Salvente, носящему названіе «Des sciences occultes» 2 etition, Paris, 1856.

ряющему веществу, чтобы вызвать состоянiе, располагающее умъ къ принятiю мыслей и образовъ, внушаемыхъ посторонней и господствующей волей. Имъ было достаточно привлечь и сосредоточить вниманiе перцепiента на какой-нибудь опредѣленный предметъ до истощенiя церебральнаго флуида.

Вспомнимъ по этому предмету то, что мы сказали въ предшествовавшемъ томѣ, говоря о гипнотизмѣ. Въ Индiи до сихъ поръ ежедневно встрѣчаются факиры и бонзы, которые, чтобы вызвать въ себѣ это состоянiе, устремляютъ свой пристальный взоръ на какую-нибудь опредѣленную часть собственнаго тѣла: наградой имъ за ихъ настойчивость бываетъ то, что они зрятъ Будду, исходящимъ изъ ихъ пупа. Къ тому же разряду фактовъ относится тотъ рецептъ, который графъ Лабордъ купилъ въ Каирѣ у арабскаго колдуна и который заключается въ продолжительномъ сосредоточiи мысли и взгляда на черной точкѣ, обозначенной чернилами въ горстѣ руки, гдѣ долженъ появиться вызываемый образъ. Мы говорили также, по отношенiю къ докторамъ Росси и Пьетра-Санта, что та же практика держалась до нашихъ дней у колдуновъ новѣйшаго Египта и Алжира.

Сверхъ всего этого, мы имѣемъ на Западѣ профессоровъ, которые подвели подъ теорiю эти практическiе прiемы восточнаго эмпиризма. Послушаемъ лекцiю, напечатанную по этому предмету, А. Дебэ въ своей книгѣ, озаглавленной «Тайны сна и магнетизма».

«Магнетизеры практики, — говоритъ этотъ писатель,— придаютъ значенiе лишь исходящей отъ нихъ силѣ и забываютъ болѣе важную роль нервной системы сомнамбулы; я хочу сказать о перевозбужденности и о нервномъ истощенiи.

«Они быть можетъ и не подозрѣваютъ, что отдаетъ въ ихъ распоряженiе замагнетизированнаго субъекта—истощенiе нервнаго церебральнаго флуида.

«Многiе экспериментаторы и, между прочимъ, Карпентеръ возымѣли мысль вызвать родъ магнетическаго состоянiя, сосредоточивая вниманiе субъекта на кускѣ цинка и мѣди, который они называли столбомъ. Пуговица, кольцо, большая булавочная головка и всякiй другой предметъ; конецъ пальца или пупъ, въ подражанiе Омбиликистовъ, дали-бы тѣ же са-

мые результаты; такъ какъ здѣсь все дѣло, какъ мы ниже увидимъ, въ истощеніи церебральнаго флуида субъекта и о замѣщеніи его своимъ собственнымъ нервнымъ флуидомъ — въ этомъ вся магія. Мы собираемся перейти къ описанію фактовъ, бывшихъ на нашихъ глазахъ и укажемъ способъ, какъ ихъ производить, чтобы всякій могъ убѣдиться, лично ставши операторомъ.

«Отъ шести до девяти молодыхъ особъ съ нервнымъ темпераментомъ, впечатлительныхъ, съ слабой волей, избираемыхъ между лицами обоихъ половъ, удобно усаживаются въ кресла, затѣмъ, на ихъ простертую ладонь помѣщаютъ маленькій цинковый дискъ, имѣющій въ своемъ центрѣ мѣдный кружокъ. Субъектамъ дѣлаютъ настойчивое приглашеніе неподвижно смотрѣть на дискъ, быть въ полнѣйшемъ спокойствіи и думать лишь о дискѣ, на которомъ должно быть сосредоточено все ихъ вниманіе. Послѣ этого ихъ оставляютъ въ безусловной тишинѣ, потому что малѣйшій шумъ, малѣйшее развлеченіе грозитъ неудачей операціи. Вотъ нервныя явленія, которыя за этимъ слѣдуютъ у субъектовъ, способныхъ подвергаться вліянію этого.

«При глазахъ, неподвижно устремленныхъ на дискъ, и напряженномъ вниманіи, въ мозгу накопляется болѣе нервнаго флуида, чѣмъ въ нормальномъ состояніи. При дальнѣйшемъ накопленіи является перевозбужденіе головныхъ органовъ: въ ушахъ раздается звонъ; теряется ясность зрѣнія; дискъ кажется освѣщеннымъ и послѣдовательно принимаетъ различныя формы, различную окраску. Пульсъ ускоряется, голова тяжелѣетъ и общее утомленіе овладѣваетъ субъектомъ. Это состояніе истощенія, которое наступаетъ, какъ неизбѣжное послѣдствіе перевозбужденія.

«Но не всякій испытываетъ такое вліяніе; тѣ, вниманіе которыхъ не было вполнѣ сосредоточено на дискѣ или которые отвлекались другими мыслями, испытываютъ только скуку и нетерпѣніе. Отъ двадцати пяти до тридцати минутъ достаточно, чтобы погрузить субъектовъ въ состояніе аневрозное (біологическое по другимъ авторамъ), или состояніе нервнаго истощенія и, когда они бывали хоть разъ въ него погружены, затѣмъ достаточно отъ восьми до десяти минутъ.

«По истеченіи времени, необходимаго для вызова нервнаго изнеможенія, операторъ входитъ одинъ въ комнату, гдѣ находятся субъекты, подвергаемые испытанію. Если взглядъ неподвиженъ, изумленный, если черты лица представляютъ извѣстную неподвижность — то субъектъ схваченъ, то есть, готовъ для опытовъ. Тогда операторъ сильно нажимаетъ свой большой палецъ у корня его носа, чтобы нажать органъ индивидуальности, который соотвѣтствуетъ этому мѣсту черепа. Затѣмъ операторъ вперяетъ свой взглядъ въ глаза субъекта и съ силой мечетъ ему флуидъ собственной воли. Флуидъ этотъ, мощно метаемый, не встрѣчая болѣе препятствія въ истощенномъ мозгу, проникаетъ въ этотъ органъ и замѣщаетъ флуидъ субъекта и становится, такъ сказать, властелиномъ новаго помѣщенія. Съ этого момента субъектъ станетъ двигаться и станетъ дѣйствовать по импульсу флуида или воли посторонней, которая засѣла въ его мозгу. Это мы сейчасъ покажемъ рядомъ опытовъ.

«По окончаніи этихъ прелиминарій, операторъ позволяетъ войти особамъ, желающимъ быть свидѣтелемъ опытовъ; онъ приближается къ схваченному субъекту, навязываетъ ему свою волю и обращается къ нему съ вопросами, отвѣты на которые внушаетъ онъ самъ.

— Спите-ли вы?

— Нѣтъ.

— Встаньте съ кресла.

Онъ встаетъ.

— Скажите присутствующимъ, что вы вполнѣ бодрствуете.

— Да, я не сплю, я вполнѣ бодрствую.

Операторъ беретъ субъекта за руку, подводитъ его ко многимъ пріятелямъ и спрашиваетъ, знаетъ-ли ихъ онъ.

— Конечно, я ихъ знаю.

— Назовите ихъ.

Субъектъ тотчасъ-же называетъ каждаго по именамъ.

— Очень хорошо. Подите, сядьте.

Субъектъ повинуется.

— Теперь я запрещаю вамъ встать; вамъ это невозможно, вы не можете подняться.

Субъектъ ажитируется, дѣлаетъ безплодныя усилія и остается прикованнымъ къ своему креслу, какъ-бы невидимой силой.

— Теперь подымитесь, я вамъ позволяю: ну же, подымитесь, я вамъ приказываю.

Субъектъ подымается безъ усилія.

— Сложите руки.

Операторъ описываетъ по соединеннымъ рукамъ субъекта нѣсколько оборотовъ, точно нѣсколько разъ связываетъ ихъ веревкой.

— Вы теперь не можете разъединить вашихъ рукъ, это для васъ невозможно, вы ихъ не отдѣлите; я вамъ это запрещаю.

Всѣ усилія, дѣлаемыя субъектомъ, чтобы разъединить руки, оказываются ни къ чему не ведущими: онѣ остаются точно связанными. По чертамъ лица видно, что усилія, которыя онъ дѣлаетъ, для него мучительны и причиняютъ безполезную трату силъ.

— Вы теперь свободны и можете отдѣлить ваши руки.

Въ то же мгновеніе руки разъединяются.

— Положите одну изъ вашихъ рукъ на мою... Ладно. Слушайте, что я вамъ скажу. Ваша рука теперь приклеена къ моей и вамъ невозможно ее удалить.

— Попробуйте. Я повторяю, что вамъ это невозможно.

Субъектъ расходуется въ тщетныхъ усиліяхъ; рука его точно прибита гвоздями къ рукѣ оператора.

— И въ доказательство, что существуетъ непреодолимая связь между вашей и моей рукой, я пойду и вы будете обязаны всюду слѣдовать за мной.

Дѣйствительно, операторъ идетъ направо и налѣво; впередъ и назадъ, обходитъ столъ вокругъ,—и субъектъ непреодолимо за нимъ слѣдуетъ.

— Уберите вашу руку; я вамъ позволяю.

Рука тотчасъ же снимается безъ всякаго усилія.

— Садитесь, сожмите въ кулакъ обѣ ваши руки и приблизьте ихъ одна къ другой. Операторъ придаетъ двумъ кулакамъ вращательное одна вокругъ другой движеніе и приказываетъ субъекту продолжать.

— Вращайте, я такъ хочу; вращайте быстрѣй.

И кулаки вращаются.

— Еще быстрѣй, я такъ хочу.

Движеніе вращенія усиливается въ быстротѣ, несмотря на сопротивленіе субъекта, видимо утомленнаго этимъ.

— Довольно; остановитесь... Оба кулака мгновенно перестаютъ вращаться.

Замѣтимъ, что операторъ часто бываетъ вынужденнымъ повторять свои приказанія три, четыре раза, чтобы побѣдить сопротивленіе субъекта; онъ говоритъ властнымъ тономъ и употребляетъ энергическія выраженія, чтобы силой навязать свою волю и заставить двигаться субъекта, какъ машину. Мы сдѣлаемъ еще одно замѣчаніе, что во время даваемыхъ имъ приказаній субъектъ имѣетъ широко открытые глаза, онъ говоритъ, смѣется; онъ приходитъ въ нетерпѣніе и пытается противодѣйствовать волѣ, овладѣвшей имъ и заставляющей его дѣйствовать.

— Вотъ кусокъ дерева, возьмите его въ руки; чувствуете-ли вы? Онъ замороженъ; онъ замороженъ,—говорю я вамъ.

— Это правда, онъ ознобилъ мнѣ руку.

— Вы ошибаетесь; напротивъ это раскаленный уголь, который васъ жжетъ. Берегитесь, онъ васъ сожжетъ; онъ васъ сжигаетъ.

Субъектъ тотчасъ со страхомъ кидаетъ кусокъ дерева съ крикомъ: «вы меня обожгли».

Можно до безконечности видоизмѣнять эти опыты; выдавать воду за вино, соль за сахаръ, фрукты за хлѣбъ и т. п., и т. п.

— Я сомнѣваюсь, что вы знаете ваше имя.

— Напрасно сомнѣваетесь.

— Въ такомъ случаѣ, назовите его.

Субъектъ произноситъ свое имя.

— Теперь вы не знаете болѣе вашего имени, я запрещаю вамъ его произносить; вы его болѣе не знаете, вы не можете его произнесть.

Губы субъекта шевелятся, дрожатъ, но онъ безсиленъ произнесть собственное имя.

— Женщина-ли вы или мужчина? Отвѣчайте.

— Что за странный вопросъ?! Вамъ хорошо извѣстно, что я женщина.

— Вы ошибаетесь; вы перестали быть женщиной,—говоритъ операторъ отрывисто, дѣлая нѣсколько пассовъ вокругъ тѣла;—вы болѣе не женщина—вы теперь мужчина, въ доказательство этого, такъ какъ ваша борода слишкомъ длинна, позвольте мнѣ ее сбрить.

Субъектъ дѣлаетъ движеніе, какъ-бы приготовляясь бриться.

— Что я вижу. На вашихъ пальцахъ загнутые когти, въ вашемъ рту острые клыки, вотъ вы превращены въ упыря, слышите-ли вы, въ упыря-людоѣда.

Черты лица субъекта выражаютъ ужасъ; глаза его блуждаютъ; онъ испытываетъ томительное безпокойство.

— Я говорю—вы упырь, бросьтесь на этого ребенка и сожрите его. Что за колебанія. Я такъ хочу, я вамъ это приказываю; бросьтесь и съѣшьте этого ребенка.

Субъектъ кидается на манекенъ, предварительно заготовленный для этого опыта и разрываетъ его зубами.

— Что это за ручка отъ помела между вашими ногами? Вы возвращаетесь съ шабаша... безполезно это отрицать; я это вижу, вы возвращаетесь съ шабаша. Разскажите намъ, что тамъ происходило; я приказываю вамъ разсказать, что вы тамъ видѣли.

«Какъ ни мало субъектъ читалъ или слышалъ разсказовъ о чудовищныхъ сценахъ колдуновъ шабаша, онъ начинаетъ вамъ излагать самыя странныя, самыя нелѣпыя вещи, какія только могутъ помѣститься въ человѣческомъ мозгу».

Были-ли всѣ эти вещи, о которыхъ Дебэ разсказываетъ, подъ своей личной гарантіей, дѣйствительно производимы въ его присутствіи, или онъ желалъ только представить полное перечисленіе тѣхъ, которые могутъ быть произведены въ особомъ состояніи, которое онъ называетъ аневрозіей и которое есть ничто иное, какъ гипнотизмъ?

Его изложеніе оставляетъ этотъ вопросъ неразъясненнымъ. Не слѣдуетъ въ самомъ дѣлѣ забывать, что только что прочитанный отрывокъ составляетъ лекцію. Профессоръ могъ считать основательнымъ привести, какъ совершившіяся

въ его практикѣ, всѣ возможныя явленія, подходящія подъ его теорію. Поэтому, если желательно, можно оспаривать многое изъ этихъ необычайныхъ феноменовъ, но все же, останется довольно, чтобы доказать нравственное и въ то же время матеріальное вліяніе, которое человѣкъ производитъ на другого, единственно силой своей воли.

Наконецъ, аналогичные феномены изобилуютъ вездѣ, не много болѣе разрозненные, чѣмъ въ изложеніи Дебэ, но болѣе извѣстные и болѣе несомнѣнно установленные. Мы будемъ говорить лишь о самыхъ поразительныхъ. Въ тоже время это послужитъ продолженіемъ исторіи мистическаго магнетизма во Франціи и его самыхъ необыкновенныхъ проявленій, между которыми тѣ, которыя исходятъ отъ вертящихся столовъ, займутъ послѣднее мѣсто.

Въ Америкѣ дали названіе электро-біологіи тѣмъ феноменамъ, которые въ 1843 г. докторъ Брэдъ описалъ и обозначилъ именемъ гипнотизма.

Между сторонниками электро-біологіи и даже, можно сказать, въ первомъ ряду основателей этой доктрины, слѣдуетъ помѣстить Филипса, автора книги *), въ которой онъ стремится начертить точные законы, которымъ подчинены эти феномены.

Филипсъ познакомился съ электро-біологіей въ Америкѣ. Идеи, развитыя Брэдомъ въ его сочиненіи, изданномъ въ 1843 году, «Неврипнологіи», произведя нѣкоторую сенсацію въ Англіи, перебрались за Атлантическій океанъ и нашли въ Новомъ Свѣтѣ второе отечество. Въ цитатахъ одного писателя, нѣкоего Гримма, и въ особенности въ трудѣ другого американца J. B. Dods The Philosophy of electrical Psycology, изданномъ въ Нью-Іоркѣ и состоящемъ въ двѣнадцати лекціяхъ, прочитанныхъ авторомъ передъ конгрессомъ Соединенныхъ Штатовъ, по полу-оффиціальному приглашенію, подписанному семью членами сената, Филипсъ нашелъ изложеніе принциповъ электро-біологіи. Къ тому же, эта новая наука уже широко распространилась въ Соеди-

---

*) Electro-dynamisme vital ou Les relations phisiologiques de l'esprit et de la matiere par A. J. P. Philips in—8, Paris, 1855.

ненныхъ Штатахъ. «Электро-біологія,— разсказываетъ намъ Филипсъ,—была распространена въ Соединенныхъ Штатахъ толпою профессоровъ, которые, въ большинствѣ, не стояли на высотѣ ученой миссіи» *). Филипсъ былъ призванъ болѣе достойнымъ образомъ быть представителемъ электро-біологіи.

Убѣжденный въ важности этой новой системы, Филипсъ, въ своемъ увлеченіи пропагандой, поспѣшилъ покинуть Америку, гдѣ, притомъ, ему приходилось проповѣдывать лишь обращеннымъ. Онъ высадился въ 1853 году на европейскій континентъ.

Дебютъ этого новаго рода профессорства Филипса былъ въ Брюсселѣ. Соединивъ практику съ теоріей, онъ въ нѣсколько дней воспиталъ учениковъ, которые практиковали такъ-же хорошо и даже,—говоритъ онъ,—немного лучше своего учителя. Онъ проѣхалъ Парижъ, но—въ этомъ городѣ, такъ по праву пользующемся репутаціей учености, какъ и скептицизма, по отношенію къ сверхъестественнымъ фактамъ, спеціальный проповѣдникъ новой науки не удостоилъ оперировать. Онъ спѣшилъ, какъ увѣряетъ, удовлетворить давнишнее желаніе посѣтить Африку. Плохое желаніе для прогресса науки, желаніе эгоистичное и мало достойное усерднаго пропагандиста! Видѣть сѣверъ Африки! Хорошій резонъ для того, чтобы миновать столицу Франціи. Месмеръ не сдѣлалъ ни такого промаха, ни подобной lazzi. Наконецъ, Филипсъ самъ, повидимому, почувствовалъ, что его образъ дѣйствій, какъ апостола новой науки, былъ необъяснимъ, потому что, покидая Парижъ, онъ сказалъ ему: до скораго свиданія! И мы увидимъ позднѣе, что онъ сдержалъ свое слово.

Въ Алжирѣ, гдѣ Филипсъ очутился однимъ прыжкомъ, онъ оказался, по его разсказу, окруженнымъ въ высшей степени симпатическимъ и интеллигентнымъ обществомъ. Въ столицѣ африканской Франціи онъ встрѣтилъ такія разнообразныя удовольствія и такой горячій энтузіазмъ, что рѣшилъ про-

---

*) Cours theoritique et practique de bradisme ou hypnotisme nerveu 1860 in 8, p. 16.

длить тамъ свое пребываніе далеко за предѣлы того, какъ онъ ранѣе себѣ назначилъ.

Вотъ кой-какіе изъ опытовъ, совершенныхъ имъ въ Алжирѣ съ полнымъ успѣхомъ, если этому вѣрить. Одна особа беретъ въ руку булыжникъ, имѣющій температуру окружающаго воздуха. По повелѣнію профессора, камень этотъ становится такъ горячъ, что особа эта находится вынужденной бросить его съ пантомимой и игрой физіономіи того, кто сильно ожегся. Дискъ, помѣщенный въ руку той же особы, производилъ на нее такое же впечатлѣніе жара; но на этотъ разъ она дѣлала напрасныя усилія отъ него отдѣлаться, такъ какъ экспериментаторъ не желалъ дозволить ей открыть руку.

Если Филипсу желательно было, чтобы кто-нибудь утрачивалъ память, тотъ забывалъ буквы алфавита и даже собственное имя.

Полу-оффиціальный правительственный журналъ «Akbare», въ номерѣ отъ 5 іюля 1853 года, помѣстилъ слѣдующія строки за подписью своего главнаго редактора A. Bourget.

«Вчера давалъ новый сеансъ г. Филипсъ; онъ доставилъ такіе замѣчательные результаты, что болѣе невозможно имѣть ни малѣйшаго сомнѣнія относительно необыкновеннаго вліянія, которымъ обладаетъ профессоръ относительно особъ, способныхъ подчиниться этому вліянію. Первая особа, надъ которой экспериментировалъ Филипсъ, не представила ничего такого, чего-бы не было на предшествовавшихъ сеансахъ.

«Второй субъектъ представилъ слѣдующіе феномены. Булыжникъ, который онъ держалъ въ рукѣ и былъ самой обыкновенной температуры, по желанію профессора становился для перципіента жгучимъ. Онъ бросилъ его съ ужимками и игрой физіономіи того, кто сильно ожегся. Дискъ, помѣщенный въ его рукѣ, производилъ такое же ощущеніе ожога; помимо всѣхъ его усилій, ему не удалось отъ него отдѣлаться, послѣ того, какъ Филипсъ объявилъ ему, что онъ не можетъ разжать руки. Но самымъ замѣчательнымъ субъектомъ былъ третій. Онъ подвергался опытамъ, которые еще не пробовались, и полученные результаты показываютъ, что профессоръ

говорилъ лишь истину, обѣщая то, что казалось съ перваго раза невозможнымъ къ выполненію.

«По волѣ экспериментатора субъектъ позабылъ свое собственное имя. Въ силу того же вліянія онъ находился во власти странныхъ галлюцинацій, съ открытыми глазами; находясь въ домѣ, на улицѣ Bacchus, онъ воображалъ себя въ Мустафа; онъ видѣлъ и описывалъ фортъ Bab Azoun, императорскій дворецъ и другія зданія, общественныя и частныя.

«Въ тотъ моментъ, когда Филипсъ пригласилъ его сѣсть, онъ обнаружилъ родъ страха, потому что въ креслѣ которое ему было предложено, онъ узрѣлъ фонтанъ Мустафы».

Слѣдующій отрывокъ изъ того же журнала доставляетъ интересныя подробности о способѣ экспериментированія профессора электро-біологіи.

«Общественное любопытство было живо возбуждено объявленіемъ, что сеансы г. Филипса начались въ прошедшую пятницу въ залѣ Boza. Поэтому аудиторія была многочисленная, сравнительно съ числомъ особъ, которые здѣсь могутъ интересоваться опытами этого рода. Переходимъ къ существенной части сеанса. Восемнадцать зрителей добровольно заняли мѣста на скамьяхъ, расположенныхъ вокругъ эстрады, спиной къ залѣ, чтобы не развлекаться. Каждый получилъ отъ Филипса по диску, сдѣланному изъ цинка и другого металла; они должны были держать его въ рукахъ и смотрѣть исключительно на него. Въ продолженіе двадцати—двадцати пяти минутъ, какъ участники, такъ и зрители должны были соблюдать абсолютную тишину, участникамъ къ тому предложено было хранить полнѣйшую неподвижность. Это было чрезмѣрное требованіе французской аудиторіи, поэтому условіе не было строго выполнено. Къ тому же, въ залу проникалъ шумъ извнѣ, и музыка игравшая на плацу вливала волны несвоевременной гармоніи.

«Ко всему этому на лицо былъ контингентъ проказниковъ, которые дурачились по мѣрѣ возможности, одни громко сморкаясь въ платки, другіе выбивая по полу своими тростями тактъ кадрили, исполняемой передъ бронзовымъ всадникомъ. Къ проказникамъ присоединились скептики, предсказывавшіе невозможность результатовъ, еще раньше, чѣмъ опытъ

собственно говоря, начался. Чтобы лучше обезпечить будущность своихъ предсказаній, господа эти не погнушались даже нарушить условіе тишины, потребованной экспериментаторомъ.

«Скажемъ, чтобы быть справедливымъ, что большинство публики оставалось чуждо этимъ манифестаціямъ.

«По прошествіи помянутыхъ двадцати пяти минутъ, Филипсъ послѣдовательно прикоснулся къ головамъ субъектовъ. Онъ устранилъ лишь тѣхъ, которые не выполнили требованія молчанія и неподвижности, то есть почти половину. По окончаніи этого, онъ вывелъ на эстраду одного изъ субъектовъ. Именно это былъ одинъ изъ почтенныхъ особъ нашего города г. N., извѣстный многимъ изъ зрителей. Мы подчеркиваемъ это обстоятельство, потому что оскорбительное и слишкомъ несправедливое сомнѣніе было выражено однимъ изъ присутствовавшихъ.

«Вотъ рядъ опытовъ, которые были произведены то надъ г. N., то надъ г. Ш., лицами въ равной мѣрѣ извѣстными.

Г. Филипсъ, глядя въ упоръ на субъекта, закрылъ ему глаза и послѣ нѣсколькихъ прикосновеній убралъ свои руки. «Вы не можете открыть глазъ»,—сказалъ онъ ему внушительнымъ тономъ и, въ самомъ дѣлѣ, субъектъ не могъ ихъ открыть, несмотря на усилія, которыя прекрасно выдавали сильныя мускульныя сокращенія.

«Обратная операція удалась такъ же хорошо и невозможность закрыть глаза была такъ очевидна, что паціентъ не могъ добиться этого, хотя держали зажженную свѣчу въ нѣсколькихъ метрахъ разстоянія отъ этихъ столь чувствительныхъ органовъ. Прибавимъ здѣсь, что послѣ сеанса и, когда уже онъ не находился подъ вліяніемъ, г. N. пробовалъ держать открытыми глаза передъ свѣчей при тѣхъ же условіяхъ и это оказалось ему невозможнымъ. Опыты, аналогичные тѣмъ, которые мы собираемся описать, были произведены то надъ г. М., то надъ г. Шодонъ; воля всегда оказывалась вполнѣ подчиненной волѣ г. Филипса, который сталъ по-истинѣ властелиномъ ихъ собственныхъ движеній.

«По волѣ г. Филипса, протянутая рука не могла согнуться, не могла выпрямиться. Открытый ротъ оставался въ такомъ

положенія, какъ это ни было неудобно для обладателя его, дѣлавшаго тщетныя усилія привести его въ менѣе утомительное положеніе. Поднявшись на ноги, субъектъ оказывался въ невозможности сѣсть, а сѣвши—въ невозможности подняться. Послѣ парализованія движеній производились эффекты движеній принужденныхъ. Послѣ того, какъ г-ну N. былъ приданъ извѣстный импульсъ его рукамъ, потребовалось вмѣшательство г. Филипса, чтобы его остановить. Та же особа узрѣла себя влекомой къ экспериментатору неодолимой силой, которая, казалось, дѣйствовала на него на манеръ магнита.

«Аудиторія сожалѣла, что неблагопріятныя условія, при которыхъ совершалась операція не позволила испытать болѣе любопытныя явленія — тѣ, которыя подъ вліяніемъ воображенія замѣняютъ личность паціента личностью посторонней».

Этотъ послѣдній феноменъ Филипсъ, повидимому, производилъ въ Марсели, гдѣ онъ далъ нѣсколько сеансовъ, возвращаясь изъ Африки. Это, по крайней мѣрѣ, можно заключить изъ слѣдующаго мѣста, которое мы находимъ въ «Gazette du Midi» отъ 25 ноября 1853 года.

«Были получены эффекты болѣе необычайной природы. Профессоръ, руководясь своими френологическими познаніями, которыя, кажется, очень обширны, пробовалъ вызвать отправленія извѣстныхъ интеллектуальныхъ способностей и извѣстныхъ чувствъ, направляя дѣйствіе электричества на тѣ или другіе мозговые органы, разсматриваемые имъ, какъ центры этихъ способностей и этихъ чувствъ».

Тотъ же журналъ, въ номерѣ отъ 1 декабря, еще разъ возвращается къ сеансамъ Филипса. Но авторъ этой новой статьи, Генри Пато, объявляетъ, что не можетъ допустить подобныхъ фактовъ.

«Господинъ Филипсъ,—говоритъ онъ,—увѣряетъ, что можетъ дѣйствовать на интеллектъ, какъ и на матерію. Онъ увѣряетъ, что можетъ измѣнять характеръ, склонности индивидуума, внося собственный флюидъ въ ту или другую часть оболочки мозга. Такимъ образомъ г. Филипсъ вызоветъ гнѣвъ, упрямство, доброжелательство, и притомъ въ

любой моментъ. Признаемся безъ обиняковъ, что это возмущаетъ нашъ разумъ; мы не можемъ допустить такой страшной власти въ рукахъ человѣка. Каково, я буду властенъ при новой теоріи вліять на субъекта до такой степени, что буду въ состояніи лѣпить его характеръ по произволу; дѣлать изъ него разумнаго или идіота, если мнѣ понравится, лишать его такой способности, какъ память, напримѣръ, и возбуждать другую, какъ музыкальную способность!!

«Слѣдуетъ-ли изъ этого, что въ новой системѣ нѣтъ ничего? Мы этого не говоримъ: напротивъ, мы вѣримъ, что въ ней есть кое-что, что электро-біологіи, какъ и животному магнетизму, суждено произвести извѣстный эффектъ. Наконецъ, между обѣими этими науками есть много точекъ соприкосновенія. Самъ Филипсъ признаетъ это и, если бодрствующее состояніе, характеризующее субъекта электро-біолонизированнаго, ставитъ его въ иное положеніе, чѣмъ состояніе замагнитизированнаго погруженнаго въ сонъ, то нѣкоторые результаты, между прочимъ, частичная каталепсія, получаются безразлично обоими способами. Мы присутствовали сначала на публичномъ сеансѣ; тамъ мы были свидѣтелемъ фактовъ, которые, понятно, мы не выдаемъ подъ своей отвѣтственностью, но которые поразили людей серьезныхъ. Мы видѣли извѣстнаго доктора, именно точно привязаннаго къ рукѣ ребенка, увлекаемаго имъ въ кругъ стола и не имѣвшаго силы разрушить эту связь. Мы абсолютно не отрицаемъ электро-біологіи; но, да позволено намъ будетъ подождать ея окончательныхъ послѣдствій и подождать, когда время и практика докажутъ, что мы были не правы.

«Откровенно говоря, мы не знаемъ, слѣдуетъ или не слѣдуетъ этого желать».

Намъ кажется, что практика уже немного доказала Генри Пато, что онъ не правъ. Обращаясь къ мемуару, мы видѣли, какъ біологизированные утрачивали память до потери воспоминанія о собственномъ имени, по волѣ магнетизера. Наконецъ, послѣ того, что Генри-Пато допускаетъ въ біологіи то, чего онъ не допускаетъ, было бы не послѣдовательностью. Такъ какъ феномены, присущіе состоянію біологи-

ческому, для галлюцинирующихъ вполнѣ субъективны,- какъ это объявляетъ Филипсъ,—то причина ихъ лежитъ въ измѣненіи нравственныхъ способностей и поэтому нельзя не признать, что магнетизеръ можетъ влiять на интеллектъ субъектовъ, подвергаемыхъ его дѣйствію.

Филипсъ равнымъ образомъ оперировалъ въ Женевѣ, гдѣ онъ наскоро набралъ адептовъ, равнявшихся ему по силѣ и талантамъ. Протоколъ ихъ сеанса, бывшаго въ Casino, свидѣтельствуетъ, что успѣхъ этихъ способныхъ учениковъ былъ полный.

Вотъ перепечатка изъ статьи, которую «Revue de Géneve» помѣстилъ въ номѣрѣ отъ 29 октября 1853 года.

«Всѣ опыты съ иллюзіями удались,—говоритъ «Revue de Géneve»,—палка была принимаема за змѣю, платокъ принялъ видъ ворона, зрительная зала преобразовалась въ перспективу пейзажа; стаканъ воды былъ выпитъ за вино и произвелъ опьяненіе. Вызывалось также безгласіе, хромота и разнообразные виды паралича; вполнѣ удалась частичная потеря памяти собственнаго имени и первой буквы алфавита. Опыты эти производились безъ активнаго вмѣшательства г. Филипса надъ особами, неизвѣстными профессору и доставленными учениками».

Покинувъ Женеву, Филипсъ вернулся на нѣсколько дней въ Брюссель, оставивъ Франціи, вмѣсто всякой проповѣди, свою книгу, отпечатанную въ Парижѣ, которая, не въ укоръ автору, гораздо менѣе занимательна, чѣмъ его чудеса. Это та книга, которую авторъ озаглавилъ, неизвѣстно на какомъ основаніи, «Животный электро-динамизмъ», вмѣсто электро-біологіи, названія, которое онъ постоянно давалъ той наукѣ, которой онъ состоитъ апостоломъ и жаркимъ проповѣдникомъ.

Послѣ того, о чемъ только-что говорилось, то есть въ 1860 году Филипсъ далъ, наконецъ, въ Парижѣ публичныя представленія по электро-біологіи. Только тогда вещи измѣнили имя.

Гипнотизмъ незадолго былъ признанъ самой академической наукой и принятъ большинствомъ серьезныхъ умовъ. Поэтому Филипсъ назвалъ гипнотизмомъ то, что до того времени обозначалъ именемъ электро-біологіи.

Было-ли это уступкой господствующей модѣ или послѣдствіе убѣжденія, во всякомъ случаѣ, мы считаемъ, что авторъ не сбился съ истиннаго пути. Притомъ, это измѣненіе идей Филипса мы считаемъ заслуживающимъ вниманія. Разъ, такъ называемые электро-біологическіе феномены обязаны своимъ происхожденіемъ гипнотизму, т. е. животному магнетизму (тождество этихъ двухъ состояній, мы установили), то ясно, что феномены эти, по признанію даже самыхъ отъявленныхъ партизановъ и профессоровъ доктрины, легко объясняются наблюденіями новѣйшей физіологіи.

Въ іюлѣ 1860 года Филипсъ помѣстилъ въ интересной брошюрѣ *) результатъ опытовъ, производимыхъ имъ публично въ Парижѣ. По нашему мнѣнію, эта маленькая работа стоитъ гораздо выше его трактата о «Животномъ электро-динамизмѣ». Филипсъ отрѣшился здѣсь отъ этихъ псевдо-философскихъ формъ и этой невразумительной метафизики, годной лишь къ тому, чтобы затемнить предметъ, входящій въ область физіологіи и который, слѣдовательно, нуждается въ изложеніи приличномъ наблюдательнымъ наукамъ.

Мы далѣе не пойдемъ съ электро-біологіей, тождество которой съ гипнотизмомъ достаточно показано какъ самыми фактами, такъ и декларацiями, содержащимися въ послѣднемъ произведеніи пропагандиста этой доктрины.

---

*) «Cours de bradisme ou d'hypnotisme», Paris in 8, 1860.

Стучащіе духи.

Pan, pan, pan! C'est la fortune!
Béranger.

I.

Стучащіе духи во Франціи. — Бѣды угольщика Лерибля. — Столъ улицы Декартъ.—Дѣвушка изъ Клерфонтеня.—Семья Уильямсовъ.— Мученія семьи Доллеансъ въ Гильонвиллѣ.—Торжество заклинанія.— Сенъ-Кентенскія чудеса.

Стучащіе духи появились одновременно во Франціи и въ Америкѣ.

По чувству землячества, въ настоящей исторіи мы начнемъ съ тѣхъ явленій, которыя обнаружились въ нашей странѣ.

Какъ ни прискорбно за достоинство стучащихъ духовъ, свой содомъ они начали съ лавки угольщика въ Парижѣ.

Въ «Gazette des Tribunaux», 2 го февраля 1846 г., читаемъ слѣдующую статью о таинственномъ событіи, втеченіе многихъ недѣль волновавшемъ цѣлый Парижъ.

«На территоріи работъ, предпринятыхъ для прорытія новой улицы, долженствующей соединить Сорбонну съ Пантеономъ и училищемъ Правовѣдѣнія и пересѣкающей улицу Грè у древней церкви, служившей послѣдовательно для помѣщенія школы взаимнаго обученія и пѣхотной казармы; на краю мѣста, гдѣ нѣкогда бывали публичные балы, находится складъ торговца деревомъ, граничащій съ жилымъ домомъ, въ одинъ этажъ, съ чердакомъ. Домъ этотъ, удаленный отъ улицы на извѣстное разстояніе и отдѣленный отъ жилищъ, предназначенныхъ къ сноскѣ широкими рвами древней городской стѣны, построенной при Филиппѣ Августѣ и отрытой

при нынѣшнихъ работахъ; домъ этотъ, говоримъ мы, каждый вечеръ и каждую ночь осыпается градомъ метательныхъ снарядовъ, которые по своей величинѣ, по силѣ, съ которой бросаются, производятъ такія опустошенія, что онъ пробивается на вылетъ; что оконныя рамы, наличники дверей разрушены, приведены въ щепки—точно домъ находился подъ выстрѣлами катапультъ и картечи.

Откуда летятъ эти снаряды, состоящіе изъ камней отъ мостовой, изъ обломковъ отъ сносящихся строеній, изъ цѣльныхъ глыбъ песчанника, и которые, судя по ихъ вѣсу и дистанціи полета, очевидно, не могутъ быть бросаемы рукою человѣка? До сихъ поръ это было невозможно узнать. Напрасно назначали, подъ личнымъ наблюденіемъ полицейскихъ коммисаровъ и опытныхъ сыщиковъ дневной и ночной надзоръ; напрасно, завѣдывающій общественной безопасностью настойчиво посѣщалъ эти мѣста, напрасно, въ сосѣднія ограды спускали каждой ночью сторожевыхъ собакъ—ничто не могло растолковать явленія, которое народъ въ своемъ суевѣріи приписываетъ таинственнымъ силамъ; снаряды продолжали съ трескомъ сыпаться на домъ, падая съ большей высоты, перелетая черезъ головы тѣхъ, кто былъ приставленъ къ надзору и чрезъ сосѣдніе домишки; они, повидимому, метались съ значительной дистанціи и попадали въ цѣль съ точностью въ нѣкоторомъ родѣ математической и такъ, что, казалось, ни одинъ, въ своемъ параболическомъ полетѣ, не уклонялся отъ неизмѣнно намѣченной цѣли».

На третій день тотъ же журналъ, возвращаясь къ тому же предмету, говорилъ:

«Необыкновенное событіе, о которомъ мы писали, до сихъ поръ остается неразъяснимымъ; полетъ вѣскихъ снарядовъ, въ домъ торговца деревомъ и углемъ улицы Невъ-де-Клюни, неподалеку площади Пантеона, продолжался еще сегодня, несмотря на неусыпный надзоръ, установленный на мѣстѣ. Въ одинадцать часовъ, въ то время, когда агенты были разставлены на всѣхъ граничныхъ пунктахъ, громадный камень ударился въ дверь (забаррикадированную) дома. Въ три часа, когда исправляющій должность начальника службы общественной безопасности и пять или шесть его старшихъ под-

чиненныхъ были заняты распросами владѣльцевъ дома о нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, кусокъ песчанника разсыпался у ихъ ногъ, точно взрывъ бомбы.

Теряются въ догадкахъ. Окна и двери замѣнены досками, прибитыми наглухо, чтобы живущіе въ домѣ не пострадали такъ же, какъ пострадала мебель, вплоть до ихъ кроватей, разбитыхъ снарядами».

Мы выписали буквально эти двѣ статьи изъ «Gazette des Tribunaux», такъ какъ ихъ форма имѣетъ видъ достовѣрности настоящаго полицейскаго протокола. Однако, такъ какъ арсеналъ, изъ котораго летѣли снаряды, истощился и феноменъ прекратился, то объ немъ перестали говорить. Что касается причины, то о ней никогда основательно не узнали. Когда объ этомъ разспрашивали, то полиція, не долюбливающая своихъ неудачъ и преувеличивающая прозорливость своихъ агентовъ — была молчалива. Носились слухи о какомъ-то зломъ шутникѣ, котораго изловили на мѣстѣ и посадили въ тюрьму. Но по справкамъ никакого арестованнаго не было.

Съ отчаянія, тайнымъ виновникомъ стали считать жильца уродуемаго дома, угольщика Лерибля. Если это не самъ онъ, говорили, то кто-нибудь по его порученію. Но помимо того, что Лерибль болѣе тридцати разъ просилъ защиты полиціи и что, по его требованію, командиръ 24-го линейнаго полка отправилъ на мѣсто взводъ своихъ стрѣлковъ, добрякъ съ слезами на глазахъ показывалъ жалкое состояніе своего испорченнаго имущества. Sunt locrymae rerum. Онъ показывалъ обломки новой мебели, только мѣсяцъ тому назадъ купленной, кусочки своихъ стѣнныхъ часовъ, своихъ вазъ для цвѣтовъ и всей своей посуды, разбитой въ дребезги въ маленькомъ стеклянномъ буфетѣ, въ который, повидимому, камни мѣтили. Наконецъ, онъ показалъ на своей головѣ, около виска, довольно значительную рану, которую, по его словамъ нанесъ ему одинъ изъ этихъ камней, въ то самое время, когда самъ онъ находился подъ охраной полицейскихъ агентовъ у стрѣлковъ 24-го линейнаго полка.

Послѣ вторичнаго слѣдствія административнаго и судебнаго, происшедшее не могло доставить никакихъ объясненій. Тогда маркизъ Мирвилль пожелалъ произвести слѣдствіе въ

свою очередь и отдался ему со всѣмъ усердіемъ, которое внушали ему всякія обстоятельства, носящія характеръ чуда. Онъ намъ разсказывалъ, что послѣ того, какъ его поводили отъ Каіафы къ Пилату, онъ, наконецъ, напалъ въ канцеляріи участковаго коммисара полиціи на болѣе любезнаго секретаря, который держалъ къ нему приблизительно такую рѣчь: «Господинъ коммисаръ удостовѣритъ вамъ, какъ и я, что несмотря на наши неустанныя старанія, нельзя было ничего открыть, и могу васъ завѣрить, что и въ будущемъ никогда ничего не откроется».

Это «никогда» было очень рисковано. Журналъ «Droit», разсказывая въ іюня 1860 года объ аналогичномъ случаѣ, напоминаетъ по этому поводу дѣло угольщика Лерибля и увѣряетъ, что подъ конецъ открыли, что виновникомъ этихъ разореній былъ самъ угольщикъ, который, будучи недоволенъ домомъ, нанятымъ имъ на улицѣ Neuve de Cluny, хотѣлъ добиться уничтоженія контракта.

Какъ-бы то ни было, объявленіе, сдѣланное маркизу де-Мирвиллю, было послѣднимъ словомъ, отживающей въ то время полиціи и снаряды улицы Neuve de Cluny остаются до нашихъ дней самой своеобразной мистификаціей, устроенной парижанамъ вообще и префекту полиціи Габріэлю Делесерту въ частности.

Вступивъ въ фантастическій или сверхъестественный міръ, двинемся въ него смѣлѣе. Въ томъ, что опубликовалъ журналъ «Siècle», (номеръ 4-го марта 1846 года) въ первый разъ появляются столы.

Не сообщить-ли намъ,—говорилъ «Siècle»,—весьма недавно происшедшій фактъ, еще не опубликованный, который имѣетъ замѣчательную аналогію съ исторіей молодой Анжелики Коттэнь и котораго истинныя причины, по всей вѣроятности, кроятся въ нервномъ страданіи, подобномъ пляскѣ св. Вита? Фактъ этого засвидѣтельствованъ, какъ вполнѣ вѣрный и неподдѣльный, профессоромъ высшихъ классовъ въ одной изъ королевскихъ коллегій Парижа. Вотъ выдержка, которую мы уполномочены опубликовать:

«2-го прошлаго декабря, въ то время, когда молодая дѣвушка немногимъ менѣе 14 лѣтъ, ученица разрисовщицы изъ

улицы Декартъ, была за своей работой, къ удивленію всѣхъ отъ стола послышался необыкновенный и разнообразный шумъ. Вскорѣ кисточка молодой дѣвушки выскочила изъ ея пальцевъ; когда та хотѣла ее схватить,—кисточка отдалилась, пюпитръ, за которымъ она работала, пятился отъ нея или поднимался. Самый столъ сильно оттолкнувшись, ударился о сосѣдній. Стулъ, на которомъ дѣвушка сидѣла, вдругъ отодвинулся назадъ и скрылся подъ ней. Простое прикосновеніе ея платья отталкивало, притягивало, приподымало столъ. Свидѣтель, подписавшій это сообщеніе, говоритъ, что будучи помѣщенъ неподалеку дѣвушки, онъ былъ поднятъ вмѣстѣ со стуломъ, на которомъ сидѣлъ. Нѣсколько разъ дѣвушка вскрикивала, что съ нея снимаютъ чулки. И дѣйствительно, подвязки бывали сразу развязываемы, чулки почти стянуты съ ногъ, затѣмъ, внезапной реакціей натягивались сами собой. Феномены эти постоянно повторялись въ теченіи двѣнадцати дней. Въ настоящее время дѣвушка испытываетъ сильныя внутренія сотрясеннія, которыя мѣшаютъ ей сидѣть. Она ежеминутно подымается на своемъ стулѣ и затѣмъ опять въ него падаетъ, подражая этимъ движеніемъ тому, кто ѣдетъ рысью по англійски».

Вертящіеся столы, которые въ эту эпоху еще не совершили своего перваго дебюта, конечно, не продѣлывали ничего удивительнѣе, чѣмъ этотъ столъ улицы Декартъ, если только имѣть въ виду главное его явленіе—движеніе, сообщаемое безъ видимаго механизма. Можетъ быть, тутъ дѣло опять шло объ электрической дѣвушкѣ, больной ненормальнымъ избыткомъ электричества. Но будемъ продолжать. Revue française, въ своей декабрьской книжкѣ 1846 года напечатало слѣдующее письмо:

«...Полагаю что доставлю вамъ удовольствіе поспѣшивъ освѣдомить, что въ Клерфонтенѣ, неподалеку Рамбулье, происходятъ вещи вродѣ тѣхъ, которыя происходили съ дѣвицею Коттень. Вотъ что я могъ узнать по этому предмету; я не поручусь вамъ за подробности но главное вѣрно. М. В.—ферметъ въ Клерфонтенѣ. Двѣнадцать или пятнадцать дней тому назадъ, три или четыре тулузскихъ книгопродавца были въ этомъ мѣстечкѣ. Одинъ изъ нихъ зашелъ на ферму пред-

гожить свои книги. Служанка, бывшая въ комнатѣ одна, дала ему кусокъ хлѣба. Не много времени спустя пришелъ другой продавецъ и тоже попросилъ хлѣба. Дѣвушка ему отказала и онъ ушелъ, пригрозивъ ей. Вечеромъ этого дня, когда былъ поданъ супъ, накрыты приборы, въ ту минуту, когда собирались сѣсть за столъ, бульонъ сдѣлался молочнаго цвѣта и свернулся, приборы и суповая чашка задвигались и были сброшены на полъ; дѣвушка пошла, чтобы поставить котелъ на огонь—ручки котла остались у ней въ рукахъ, ушки отвалились. Когда дѣвушка возвратилась въ домъ и вступила на мѣсто, гдѣ прежде стоялъ торговецъ—она затряслась всѣмъ тѣломъ, шея ея стала быстро вращаться и она пришла въ страшный испугъ. Пахарь, изъ удальства, сталъ на то же мѣсто, его также подергивало, онъ задыхался; при выходѣ его изъ дому, онъ былъ опрокинутъ въ лужу, бывшую передъ домомъ. Онъ отправился къ кюрé, но едва тотъ произнесъ нѣсколько молитвъ, какъ его стало коверкать какъ и другихъ, очки его были разбиты, члены его трещали и подвергались раскачиваніямъ. Съ дѣвушкой было очень плохо, ее даже считали умершей. Явленія эти перемежающіяся, они то прекращаются, то возобновляются.

Не была ли дѣвушка предрасположена къ этому заболѣванію, толчекъ которому далъ страхъ? Этотъ видъ эклампсіи не заразителенъ ли, какъ эпилепсія, хорепсія, каталепсія и др.?

Мнѣ было очень любопытно видѣть всѣ эти явленія, но такъ какъ я совсѣмъ не знаю М. В. и никого въ Клерфонтетѣ, такъ какъ я не имѣлъ ни основанія, ни какого-нибудь порученія, какъ предлога къ посѣщенію, то побоялся быть выпроваженнымъ».

Англійскій журналъ «Douglas Jersold», въ своемъ номерѣ отъ 26 марта 1847 года, содержитъ статью, изъ которой тотъ же «Revue Française» приводитъ слѣдующую выдержку:

«По всему сосѣдству Black-Lion-Sane у Бесуатера прогремѣло необыкновенное событіе, недавно приключившееся у господина Уильямса въ Moscou-Road и которое имѣетъ громадное сходство съ знаменитой исторіей выходца Сто-

куэлля въ 1772 г. Домъ занимаетъ лишь семья Уильямсовъ, состоящая изъ четырехъ особъ и маленькой дѣвочки испанки 9—10 лѣтъ, которую они изъ милосердія воспитываютъ. Нѣсколько дней тому назадъ они сильно были удивлены неожиданнымъ и таинственнымъ передвиженіемъ различныхъ предметовъ, въ залѣ и кухнѣ. То горшокъ, повѣшенный на крючкѣ, срывается безъ видимой причины и разбивается, другой слѣдуетъ за нимъ, а на завтра то же повторяется съ третьимъ; то фарфоровый чайникъ, полный чая, который собирались разлить и который стоялъ на очагѣ, оказывался перевернутымъ на полъ и разбитымъ, другой—металлическій, которымъ его немедленно замѣнили, постигла та же участь и когда его поставили на столъ, онъ сталъ подскакивать, точно былъ заколдованъ и снова былъ перевернутъ. Немного времени спустя, когда все было приведено въ порядокъ, картина сорвалась со стѣны, не повредивъ рамы. Всѣ были въ удивленіи и страхѣ; такъ какъ старики были очень суевѣрны и приписывали эти явленія сверхъестественной силѣ, они поснимали остальныя картины и положили ихъ на землю. Но духъ передвиженія на этомъ не остановился: тарелки, горшки продолжали двигаться на своихъ полкахъ, срываться, скатываться на середину комнаты и подпрыгивать точно воодушевленные магической флейтой. За ужиномъ, когда чашка маленькой испанки была наполнена бульономъ, она затанцовала по столу и свалилась на землю. Три раза подъ рядъ ее наполняли и три раза ее переворачивало. Было бы утомительно передавать фантастическія штуки, которыя продѣлывала мебель всякаго рода. Статуэтка египтянина стала прыгать на столѣ въ то время, когда никого вблизи не было и, свалившись, разбилась; горшокъ съ кипяткомъ свалился съ треножника въ пепелъ, когда Уильямсъ подошелъ чтобы долить чайникъ, который въ свой чередъ упалъ въ печь. Потанцовавъ по столу, скатились на середину комнаты самымъ загадочнымъ образомъ вмѣстѣ съ разными безд...ушками, коробки отъ шляпъ, чепчиковъ. Зеркало было приподнято съ туалетнаго стола и пошло слѣдомъ за гребнями и различными флаконами отъ духовъ. Большая подушка для булавокъ пред-

ставляла замѣчательное явленіе постоянныхъ скачковъ изъ стороны въ сторону. Друзья семьи Уильямсовъ подозрѣваютъ, что причиной всему этому маленькая испанка. Хотя это было бы очень необыкновенно, принимая въ соображеніе ея возрастъ; — но до сихъ поръ этотъ modus operandi остается тайной».

Пресса отмѣтила другія чудеса въ томъ же родѣ, совершившіеся какъ въ послѣдніе мѣсяцы 1848 г., такъ и втеченіе слѣдующаго года.

Вотъ что читали въ «Constitutionel» 5-го марта 1849 г.:

«Все населеніе общины Гильонвиль (кантонъ Оржерсъ) находится въ теченіе нѣсколькихъ недѣль въ волненіи по поводу якобы чудесъ одной молодой электрической дѣвушки. Дѣвушка эта четырнадцати лѣтъ, служащая горничной на фермѣ, недалекая, обладаетъ (говоритъ хроникеръ) необычайной силой притяженія мебели и другихъ окружающихъ ее предметовъ. Первый разъ, когда были замѣчены послѣдствія этой своеобразной способности, маленькая крестьянка была занята укачиваніемъ одного изъ дѣтей своихъ господъ. Вдругъ, обѣ половинки шкафа, запертаго на ключъ, отворились сами собой, и лежавшее въ шкафу бѣлье полетѣло въ комнату, какъ бы выбрасываемое невидимой рукой. Въ то же время шуба, лежавшая на ближайшей постели, окутала дѣвочку и такъ плотно пристала къ ней, что ее съ трудомъ сняли.

Съ этого дня доказательства этой притягательной силы стали увеличиваться поразительнымъ образомъ, къ большому горю электрической служанки. Въ самомъ дѣлѣ, то лошадиный хомутъ помѣщался на ея плечи, то корзина отъ хлѣба сваливалась ей на голову, то, наконецъ, пустой мѣшокъ одѣвался на нее съ ногъ до головы и эта новаго рода одежда Несуса приставала такъ плотно къ ея тѣлу, что ее нельзя было оторвать. Когда она бывала въ комнатѣ, мебель плясала и перемѣняла мѣста, какъ въ фантастическихъ сказкахъ Гофмана. Въ другой разъ клубокъ нитокъ прикрѣпился ей на спину; огарки свѣчей, кусочки говядины и серьги хозяйки оказались въ ея карманахъ и постоянно, какъ это разсказываютъ, исключительно вслѣдствіе

вліянія ея притягательной силы и силой электро-магнетизма. Одна крестьянка, мѣстная философка, пришла на ферму и покачивая головой съ недовѣрчивымъ видомъ сказала вызывающимъ тономъ, что она повѣритъ тому, что сама увидитъ; немного времени спустя хозяина дѣвушки накрыло блюдо и никто не могъ объяснить, откуда у него появился этотъ неожиданный головной уборъ.

Таковы факты, которые волнуютъ жителей Гильонвилля и которые, естественно, преувеличиваясь по мѣрѣ того, какъ они распространяются въ сосѣднихъ общинахъ, — заставляютъ всѣхъ говорить о чудѣ».

Это своеобразное сообщеніе было адресовано доктору Генриху Рожеру господиномъ Ларшеромъ, медикомъ въ Сомшевилѣ. «Journal de Chartres» его воспроизвелъ, а затѣмъ «Abeille», журналъ того же города, въ номерѣ своемъ отъ 11 марта 1849 года помѣстилъ:

«Изъ фактовъ, сообщенныхъ «Constitutionel», не вѣренъ только одинъ. Невѣрно, что мѣшокъ, облекшій молодую дѣвушку такъ плотно присталъ къ ней, что его нельзя было оторвать. Его сняли съ нея совершенно легко. Эту поправку мы получили отъ Доллеанса — отца муниципальнаго совѣтника въ Корменвиллѣ, который нѣсколько разъ лично стягивалъ мѣшокъ, такъ таинственно облекавшій эту дѣвушку. Вотъ письмо нашего корреспондента въ Оржерѣ; оно помѣчено 28 февраля 1849 года:

«Господинъ редакторъ, не знаю, слышали ли вы о фактахъ, въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ происходящихъ въ этомъ кантонѣ въ Гильонвиллѣ. Если позволите, я разскажу ихъ вамъ со всей точностью, какую требуютъ явленія такія необыкновенныя и такія для меня загадочныя. Все населеніе кантона Оржеръ живо ими заинтересовано и они составляютъ постоянный предметъ ихъ разговоровъ. Вотъ факты, какъ я ихъ собралъ съ устъ толпы свидѣтелей, бывшихъ очевидцами и достойныхъ вѣры. Я начиная ab ovo:

Въ теченіе послѣдняго декабря мѣсяца (1848 г.) господинъ Доллеансъ, мельникъ и хлѣбопашецъ въ Гобертѣ, замѣтилъ, что каждую ночь у него воруютъ сѣно. Кто былъ воромъ? Подозрѣніе его пало на нѣкоего N., состоявшаго

у него въ услугахъ. Онъ донесъ на него; власти сдѣлали у заподозрѣннаго обыскъ, но не открыли ничего, что оправдывало бы подозрѣнія Доллеанса. Два дня спустя послѣ обыска, былъ подложенъ огонь къ конюшнѣ гобертскаго мельника, но, къ счастью, пожаръ замѣтили раньше, чѣмъ онъ успѣлъ причинить большія разрушенія и успокоились. Въ этомъ злодѣйствѣ снова былъ заподозрѣнъ N.; говорятъ, что видѣли, какъ онъ бродилъ вокругъ дома въ тотъ самый вечеръ, погда загорѣлось въ конюшнѣ. Молодая служанка фермы, по имени Адольфина Бенуа, увѣряла, что видѣла его. N. былъ арестованъ и отвезенъ въ арестантскую Шатодена; онъ былъ освобожденъ послѣ тридцати двухъ дней предварительнаго заключенія.

Но спустя два дня послѣ ареста N., начался рядъ необыкновенныхъ явленій, которыя продолжаются у Доллеанса изъ Гоберта и по сей день. Однажды утромъ въ концѣ декабря, всѣ двери его хлѣва, его конюшни, амбаровъ и собственнаго жилища оказались отпертыми, въ то же время исчезли всѣ ключи. Днемъ онъ приказалъ навѣсить прочные и хорошіе замки ко всѣмъ дверямъ; но когда на другой день онъ поднялся въ пять часовъ утра — всѣ замки были сняты за исключеніемъ того, который былъ у дверей амбара. Доллеансъ думалъ, что смѣлые воры пробрались ночью и украли замки и ключи. Онъ вооружился ружьемъ и сталъ на стражѣ не подалеку амбара, рѣшившись стрѣлять въ перваго, кто появится. Онъ простоялъ тамъ до разсвѣта, т. е. до семи съ половиной часовъ. Въ это время онъ на мгновеніе отвернулся: замокъ на амбарѣ исчезъ. Доллеансъ пошелъ и разсказалъ женѣ и людямъ, что произошло; всѣ ужаснулись. Это исчезновеніе послѣдняго замка казалось имъ вещью сверхъестественной.

Цѣлый день прошелъ въ полнѣйшемъ спокойствіи. Госпожа Доллеансъ, бывшая сильно напуганной, приказала своей молодой служанкѣ прочесть на колѣняхъ семь покаянныхъ псалмовъ, разсчитывая въ молитвѣ найти успокоеніе противъ своего страха. Едва молодая дѣвушка преклонила колѣна, какъ вскрикнула. «Кто тамъ тащитъ меня за мое платье?» и исчезнувшій утромъ замокъ оказался привѣ-

шенным у нея на спицѣ. Въ домѣ это возбудило сильный страхъ и переполохъ. Происходило это 31 декабря.

Съ этого момента Адольфина Бенуа стала испытывать всякій день вещи самыя необыкновенныя. То веревки, свѣчи, тряпки, карзинки отъ хлѣба, кружки, наполненныя водой, и даже старая падаль оказывались внезапно пересенными ей на спину или въ ея карманы. Кухонныя принадлежности, кастрюли, сковородки, ложки, горшки и т. п. привѣшивались къ тесемкамъ ея платья или ея передника. Въ другой разъ, когда она вошла въ конюшню, лошадиная упряжь соскочила на нее и такъ ее запутала, что понадобилась посторонняя помощь, чтобы ее распутать. Однажды, снова при входѣ въ конюшню, два лошадиныхъ хомута помѣстились ей на плечи. Вы, конечно, смѣетесь господинъ редакторъ надъ этими проказами, но молодой служанкѣ и ея госпожѣ было не до смѣху: онѣ были объяты невѣроятнымъ страхомъ. Адольфина Бенуа захворала и была отправлена въ лечебницу въ Потэ, гдѣ она провела пять дней, не испытывая никакихъ послѣдствій своей одержимости.

Она возвратилась къ хозяевамъ. Едва она вошла — все возобновилось: тѣ же явленія и кой какія новаго рода стали тревожить ее, какъ и раньше. Болѣе двадцати разъ двѣ доски отъ трехъ до четырехъ футовъ длиною, составляющія этажерку, падали на нее, едва она входила въ комнату. Видѣли даже, какъ эти двѣ доски упирались въ ея спину однимъ своимъ концомъ, сохраняя при этомъ равновѣсіе наперекоръ физическимъ законамъ. Часто, какъ въ то время когда она шла, такъ и въ то, когда она стояла передъ своими господами, молодая Адольфина оказывалась внезапно покрытой длиннымъ мѣшкомъ, обвертывавшимъ ее съ ногъ до головы. Разъ треножникъ и козлы для пилки дерева усѣлись верхомъ на ея шею. Очень часто веревки, ленты среди разговора обматывались вокругъ шеи Адольфины и сжимали горло съ такой силой, что она теряла сознаніе. Я-бы не кончилъ, господинъ редакторъ, если-бы пожелалъ передать все, что разсказываютъ свидѣтели этихъ загадочныхъ сценъ. Но, можетъ быть, вы спросите, не было-ли въ этомъ лукавства и комедіи со стороны молодой служанки. Благо-

разумные люди такъ сначала и говорили. Одна изъ нихъ, дѣвица Доллеансъ, женщина въ высшей степени смѣтливая и разумная, взялась наблюдать за Адольфиной; въ теченіе пятнадцати дней она ни днемъ, ни ночью не отлучалась отъ нее; и все же ей не удалось уличить молодую дѣвушку ни въ малѣйшемъ обманѣ.

Уже болѣе мѣсяца эти необыкновенныя явленія повторялись, что день, съ возрастающей настойчивостью, когда дѣвица Доллеансъ рѣшила расчитать свою служанку. Адольфина Бенуа вернулась къ своему отцу въ Перувилль. Бѣдное дитя тотчасъ же обрѣло свое спокойствіе.

Сначала у Доллеанса все пошло тихо и это длилось пятнадцать дней. Но въ среду первой недѣли поста (mercredi des Cendres), событія, столько же необъяснимыя какъ и первоначальныя, повергли въ новую тревогу эту интересную семью. На этотъ разъ объектомъ преслѣдованій была уже не служанка, а самый младшій сынъ Доллеанса—ребенокъ двухъ—трехъ мѣсяцевъ. Однажды, когда мать держала его на колѣняхъ, вдругъ съ ребенка былъ сорванъ его чепчикъ и неизвѣстно, что съ нимъ сталось. Госпожа Доллеансъ надѣла на него другой. Вскорѣ онъ также былъ срѣзанъ и унесенъ, а взамѣнъ его къ страшному испугу матери, голову ребенка покрывала громадная кухонная ложка. Въ теченіе восьми дней несчастное дитя было мучимо на тысячи ладовъ, не смотря на усидчивый надзоръ родителей; что ни минута, кухонныя принадлежности сыпались на него, или въ его колыбель. Я лично видѣлъ лопатки, щипцы, грѣлки и кучу другихъ предметовъ, которые внезапно тамъ появлялись и невозможно было сообразить, какъ они туда попали. Госпожа Доллеансъ увѣряла меня, что напрасно она пыталась привѣшивать на шею ребенка медальоны и распятія—эти священные предметы таинственно исчезали мгновеніе спустя послѣ того, какъ были повѣшены.

Было бы невозможно описать вамъ то впечатлѣніе, которое произвело на насъ это событіе; я отказываюсь. Всѣ кричатъ о чарахъ, о колдовствѣ; доходило дѣло до нелѣпыхъ обвиненій многихъ особъ, которыя, конечно, совершенно невинны во всемъ этомъ».

Вотъ событія дополненныя и очень драматически разноображенныя. Кто объяснитъ ихъ? Духи или таинственный мистификаторъ — другаго ключа нѣтъ къ тайнамъ Гильонвилля. Госпожа Доллеансъ, какъ мы это видѣли, женщина набожная и пугливая, естественно должна была склоняться въ пользу духовъ. Къ этому же склонялась и Abeille de Chartres, такъ какъ, отпечатавъ вышеприведенную корреспонденцію, она дополнила ее приложеніемъ, въ которомъ де Мирвилль усматриваетъ правоученіе по поводу этой необыкновенной исторіи.

«Уже восемь дней, — говоритъ Abeill de Chartes, — какъ мы получили письмо нашего корреспондента. Мы не желали печатать его, не побывавши на мѣстѣ. Поэтому двое изъ насъ отправились этой недѣлью въ кантонъ Оржерсъ. Были спрошены люди толковые, наочные свидѣтели, просвѣщенные хлѣбопашцы, священники, медики — всѣ они подтвердили точность сообщенныхъ нашимъ корреспондентомъ фактовъ. Теперь вопросъ, какъ объяснить такія необыкновенныя явленія. Здѣсь мы умолкаемъ. Рѣшеніе подлежитъ наукѣ и церкви. Мы добавимъ только, что господинъ и госпожа Доллеансъ сказали намъ: «въ среду 1-го Марта надъ ребенкомъ было сдѣлано заклинаніе и тотчасъ же всякій безпорядокъ прекратился; ребенокъ болѣе не обладаетъ притягательнымъ свойствомъ, выражаясь языкомъ г. Рожера изъ Constitutionel'я. Вотъ что мы можемъ сказать вполнѣ утвердительно» *).

Каждый знаетъ, или можетъ знать, что заклинаніе не входитъ въ разрядъ тѣхъ требъ, которыя всякій священникъ по произволу можетъ совершать. Для этого ему нужно спеціальное дозволенія и уполномочія ad hoc, сообщаемыя ему его епископомъ. Шартрскій епископъ, давши эти уполномочія, такимъ образомъ призналъ фактъ діавольской одержимости. Какимъ аргументомъ можетъ служить для спиритовъ возможность сослаться въ подкрѣпленіе своей системы на авторитетъ извѣстнаго прелата**), бывшаго въ то время однимъ изъ старшинъ французскаго епископства?

*) L'Abeille, journal de Chartes, 11 Марта, 1849 г.
**) M. Clausel de Montals.

Позднѣе, маркизъ де Мирвилль, не довольствуясь тѣмъ, что онъ узналъ изъ газетъ о результатахъ заклинанія и жаждая подробностей о дѣлѣ Адольфины Бенуа, пожелалъ собрать справки у мѣстнаго духовенства и получилъ отвѣтъ, который онъ приводитъ, какъ документъ самый неоспоримый. Вотъ онъ:

«Милостивый государь. Уполномоченъ для заклинанія противу одержимости двухъ особъ изъ Гильонвиля былъ не кюре изъ Гильонвиля, а я, кюре изъ Корменвилля, его сосѣдъ. Вотъ какъ я поступилъ: никого не подозрѣвая, никого не обвиняя и основательно лично убѣдившись въ подлинности явленій, я представилъ свидѣтелей въ достаточномъ числѣ и вполнѣ достойныхъ довѣрія нашимъ духовнымъ властямъ въ Шартрѣ, которые, вполнѣ убѣдившись въ истинѣ фактовъ и нисколько не бывши ими удивлены, поощрили меня сдѣлать заклинаніе, что я и совершилъ, поступая во всемъ согласно указаніямъ въ требникѣ и въ тотъ же день одержаніе прекратилось безслѣдно, къ великой радости бѣдныхъ фермеровъ, которые изнурялись отъ печали и безпокойства. Все помѣщенное въ журналѣ Abeille было совершенно вѣрно и тысяча другихъ вещей въ томъ же родѣ.

Вашъ покорный слуга».

22 Февраля 1851. Подписано: Лефронъ, викарій Корменвилля.

Видимое дѣло, что Лефронъ былъ счастливѣе одного изъ своихъ коллегъ, который, дѣлая подобную же попытку въ Клэрфонтенѣ, добился лишь того, что его потормошило и разбило ему на носу очки. Правда, намъ ничего не упоминаютъ, что кюре былъ снабженъ необходимыми уполномочіями для заклинанія; неудача, которую нечистый заставилъ его потерпѣть, можетъ считаться наказаніемъ за его продерзость.

И такъ, мы вдоволь имѣемъ электрическихъ дѣвушекъ. Прибавимъ къ нимъ еще послѣднюю, которая имѣла несчастіе быть расчитанной за свои притягательныя свойства, какъ и Адольфина Бенуа, но за которую чортъ не позаботился отомстить ея хозяевамъ. «Gazette des Tribunaux» отъ 20 Сентября 1849 года въ слѣдующихъ выраженіяхъ передаетъ о событіяхъ:

«Любопытство публики слишкомъ живо и слишкомъ долго было возбуждено въ Сенъ-Кентенѣ, чтобы намъ возможно было не дать ему полнаго удовлетворенія.

Въ самомъ дѣлѣ, у почтеннаго негоціанта въ Сенъ-Кентенѣ происходили, повидимому, чрезвычайно странныя вещи. Не говоря уже о звукахъ съ того свѣта, которые, какъ увѣряла прислуга, она каждую ночь слышала—чортъ выкидывалъ свои штуки среди бѣлаго дня съ ловкостью и смѣлостью, способною смутить самыхъ невѣрующихъ. Въ теченіе болѣе трехъ недѣль колокольчики начинали звонить сперва слабо и по одиночкѣ и затѣмъ сразу, во всю мочь. Сбѣгались къ ручкамъ, слѣдили за проволокой, подстерегали—все напрасно. Въ то время, когда между рабочими царилъ ужасъ, а хозяева ждали, что авторъ этой злой шутки будетъ открытъ, обстоятельства усложнились. Не довольно того, что кострюли и посуда перемѣщались, что рѣшетка для жаренья путешествовала съ одного конца кухни на другой, что несчастная прислуга терзалась на тысячи ладовъ, видимо изводилась и серьезно поговаривала объ дезертирствѣ,—домовой сталъ наносить въ стѣны страшные удары.

Нетерпѣливые розыски хозяевъ продолжали оставаться безплодными и діавольскія штуки перемѣшивались, не къ вящему удовольствію, съ фантастическимъ перезвономъ колокольчиковъ, когда обнаружился новый феноменъ удивительнѣе, чѣмъ все остальное. Внезапно разбилось оконное стекло, затѣмъ другое, третье—до пяти въ одинъ и тотъ же день въ двухъ шагахъ и на глазахъ у пяти или шести особъ, собранныхъ вкругъ стола, на который падали осколки стекла, не смотря на то, что нельзя было подмѣтить ни малѣйшаго слѣда того, чѣмъ они разбивались. Удивительнѣе всего, что по большей части стекла не разбивались, а продырявливались, точно отъ выстрѣла пулей.

Короче, никогда чудо не совершалось въ лучшихъ условіяхъ, чтобы сбить съ толку разсудокъ однихъ и смутить умъ другихъ. Однако, нужно было чертовщинѣ окончиться. Такъ какъ всѣ предположенія, диктуемыя здравымъ смысломъ, были исчерпаны, то оставалось одно—заключавшееся, повидимому, въ томъ, чтобы устранить неподдѣльный или

искусно поддѣлываемый страхъ прислуги. Можно-ли было ожидать, что служанка забавлялась и ей удавалось поспѣвать въ десятки мѣстъ съ ловкостью искуснаго фокусника, чтобы такимъ образомъ поставить вверхъ дномъ цѣлый домъ! Вѣрно то, что когда ее расчитали — волшебство исчезло».

Этотъ конецъ чудесъ въ Сенъ-Кентенѣ даетъ въ тоже время ихъ объясненіе. Его слѣдуетъ твердо хранить въ памяти, такъ какъ онъ доказываетъ, что факты самые удивительные и находящіеся, повидимому, въ противорѣчіи съ законами природы, не доказываютъ еще необходимаго вмѣшательства сверхъестественныхъ дѣятелей.

Злонамѣренность и ловкость кой-какихъ лицъ, оставшихся неоткрытыми, объясняютъ различные факты, которые мы передали въ этой главѣ и которые не стоятъ, чтобы мы болѣе занимались ими.

Въ ту эпоху, до которой мы добрались, въ Америкѣ начались пляски столовъ. Но древній міръ имѣлъ свои чудеса, независимыя отъ нынѣшнихъ. Послѣдніе стали извѣстны во Франціи лишь послѣ разсказываемыхъ нами событій и поэтому никоимъ образомъ не могли влiять на нихъ.

Въ то время, когда по ту сторону Атлантическаго океана сверхъестественность была, по выраженію одной англійской газеты, «какъ бы установленіемъ національнымъ»; въ то время, когда журналы Соединенныхъ Штатовъ были полны разсказовъ о чудесахъ - французская пресса, занятая другими заботами, хранила глубокое и въ нѣкоторомъ родѣ систематическое молчаніе на счетъ этихъ странныхъ новинокъ. Лишь конецъ 1852 г. ознаменовывается прибытіемъ нѣсколькихъ американскихъ медіумовъ на сѣверъ Европы, откуда вскорѣ они перенесли свою дѣятельность въ Лондонъ и, позднѣе, въ Германію. Но во Франціи еще не было американскихъ продуктовъ. Такимъ образомъ Мирвилль основательно утверждаетъ о самопроизвольности французскихъ феноменовъ. Менѣе основательнымъ намъ кажется, когда онъ требуетъ первенства надъ трансатлантическими феноменами—феноменамъ нормандскимъ, именно, для происходившихъ въ домѣ сидевильскаго священника. Отложивъ въ сторону вопросъ о первенствѣ, намъ остается вопросъ о

порядкѣ и о методѣ, которые заставляютъ насъ отсрочить, несмотря на хронологію, главу о вертящихся столахъ. Поэтому мы вынуждены, чтобы не возвращаться назадъ, увѣнчать чудесной исторіей дома сидевильскаго священника разсказъ о чудесахъ, совершавшихся въ нашей странѣ передъ тѣмъ какъ она, въ свою очередь, была заражена эпидеміей вертящихся и говорящихъ столовъ.

II.

Домъ священника въ Сидевиллѣ — это продѣлка Вольтера.

Когда Вольтеръ, во время посѣщенія одного изъ своихъ друзей въ нормандской деревушкѣ, гдѣ происходила закладка церкви, принялъ почетное предложеніе положить первый камень, никто не имѣлъ ни малѣйшаго подозрѣнія о принципѣ, который безсмертный философъ скрылъ подъ этимъ камнемъ. Сцена эта происходила въ приходѣ Сидевилль. Теперь невозможно сомнѣваться, что это было исходнымъ пунктомъ страшныхъ напастей, которымъ столѣтіе спустя выпали на долю не самой церкви, а ея кюре. При одномъ разсказѣ объ адскихъ напастяхъ, которымъ подвергся этотъ священнослужитель, всякому станетъ ясно, что тутъ не обошлось безъ духа, автора Кандида и видѣнія Бабука.

Мы говоримъ «всякому». Нужно однако исключить маркиза де-Мирвилля. Да, этотъ опытный спиритъ, который видѣлъ демоновъ повсюду и который даже доказалъ прозорливость видѣть ихъ тамъ, гдѣ ихъ вовсе нѣтъ, упустилъ этотъ случай. On ne s'attendait guere a voir Voltaire en cette affaire, — говоритъ рыцарски де-Мервиль, разсказавъ намъ церемонію закладки камня.—Извините, господинъ маркизъ, этого слѣдовало ожидать, и ваша непредусмотрительность по истинѣ необъяснимая, кажется намъ такого же сомнительнаго свойства, какъ и дьявольщина въ домѣ сидевильскаго священника. Какой иной духъ, кромѣ духа Вольтера, могъ появиться въ церкви, построенной подъ покровительствомъ человѣка, бывшаго самымъ одухотвореннымъ (spirituel) въ его столѣтіе? Эта яко бы чертовщина заслуживаетъ особеннаго вниманія, такъ какъ она закон-

чилась процессомъ. Факты эти занесены въ журналы мирового судьи кантона Іервилля, откуда, по увѣренію автора des Esprits, онъ ихъ лишь переписалъ. Поэтому ничѣмъ не рискуешь, переписывая ихъ отъ него. Притомъ, такъ какъ эти сидевильскія приключенія служатъ капитальнымъ аргументомъ спиритовъ и боевымъ мечемъ маркиза де-Мирвилля — то это служитъ еще однимъ основаніемъ, чтобы предоставить слово автору. Мы урѣзываемъ изъ его разсказа лишь размышленія, которыми онъ слишкомъ часто его прерываетъ и которыми предрѣшается вопросъ, поставленный въ этомъ дѣлѣ между духами и естественными причинами.

«Начнемъ сперва съ изложенія,—говоритъ намъ авторъ,— лишь для того, чтобы возобновить въ памяти, не ручаясь за содержаніе, неопредѣленныхъ слуховъ, которые,—говоритъ онъ, — ходили передъ появленіемъ первыхъ феноменовъ и, казалось, служили имъ предвѣстниками.

Согласно этихъ слуховъ, въ первыхъ числахъ мая 1849 г. кюре Сидевилля встрѣтилъ у одного изъ своихъ больныхъ прихожанъ нѣкоего G... который съ давнихъ временъ слылъ въ краѣ знахаремъ и волшебникомъ. Первый его больной, повидимому, очень плохо вышелъ на его таинственномъ лѣченіи (онъ умеръ). На этотъ разъ кюре счелъ своимъ долгомъ высказать цѣлителю рѣзкое порицаніе, въ то же время приказавъ ему уйдти. Тѣмъ бы дѣло и кончилось; но такъ какъ съ своей стороны госпожа юстиція вмѣшивается здѣсь во многое, то G... однажды оказался задержаннымъ и осужденнымъ на годъ или два тюремнаго заключенія за проступокъ того же рода. Онъ тотчасъ же сопоставилъ укоры кюре съ наказаніемъ суда, произнесъ еще, какъ говорятъ, нѣсколько угрозъ по адресу пріятеля, котораго подозрѣвалъ и позднѣе, когда часъ мести насталъ, пастухъ Торель, другъ и ученикъ знахаря, отзывался, въ свою очередь, что кюре можетъ сильно раскаяваться и что онъ, Торель, будетъ въ этой исторіи лишь уполномоченнымъ своего учителя и исполнителемъ его высокихъ дѣяній.

Въ домѣ священника воспитывалось двое дѣтей: одно двѣнадцати, а другое четырнадцати лѣтъ; оба они пред-

назначались къ духовному званію; оба они были дѣтьми учителей честныхъ, религіозныхъ, уважаемыхъ въ странѣ и оба, казалось, унаслѣдовали всѣ добрыя качества своихъ родителей; наконецъ, оба они служили утѣхой и причиной достатка кюре, который принялъ на себя заботу ихъ воспитанія и надѣялся удержать ихъ при себѣ на сколько можно долѣе.

Какая роль предназначалась бѣднымъ дѣтямъ во всей этой исторіи? Должны ли они были служить орудіемъ обѣщанной мести? По этому предмету могли сказать немного точнаго, ранѣе сознанія, сдѣланнаго впослѣдствіи виновными. Лишь видѣли, на публичной продажѣ, при толкотнѣ, какъ пастухъ приблизился къ младшему изъ нихъ и нѣсколько часовъ спустя событіи начались.

Вотъ то, что оказалось изъ показанія двадцати свидѣтелей, вызванныхъ и показывавшихъ вполнѣ опредѣленно за себя, а также передавшихъ слова другихъ не бывшихъ вызванными. Вскорѣ послѣ возвращенія этого ребенка, родъ смерча или вихря обрушился на несчастный домъ священника, затѣмъ вслѣдъ за этимъ вихремъ стали безпрерывно слышаться во всѣхъ частяхъ дома подъ поломъ, на потолкѣ, за штукатуркой удары молотка.

То удары эти были слабы, коротки и отрывисты — то такой силы, что потрясали весь домъ, который чуть-чуть не развалился въ дребезги, какъ по слухамъ и предсказывалъ это пастухъ въ минуту откровенности.

Удары эти иногда достигали такой силы, что ихъ можно было слышать на разстояніи двухъ километровъ. Разсказывали, что большая часть жителей Сидевилля, пятьсотъ особъ сошлись къ дому священника, оцѣпляли его въ теченіе долгихъ часовъ, изслѣдовали его со всѣхъ сторонъ и не могли открыть причины стуковъ.

Къ этому явленію, замѣчательному самому по себѣ, присоединились тысячи другихъ еще болѣе замѣчательныхъ.

Такъ, когда эти таинственные стуки производили свой нескончаемый концертъ, въ то время когда они воспроизводились въ любомъ назначенномъ мѣстѣ или воспроизводили въ тактъ точный размѣръ назначенныхъ арій,—кружки

ломались и падали во всѣ стороны, предметы передвигались, столы подпрыгивали или сдвигались, стулья ссовывались вмѣстѣ, подымались и висѣли на воздухѣ, собаки подбрасывались къ потолку, ножи, щетки, молитвенники выбрасывались въ одно окно и возвращались въ противуположное; сковородки, щипцы отодвигались отъ печки и сами собой передвигались въ залу; утюги, находящіеся у камина отодвигались, а огонь преслѣдовалъ ихъ до середины пола; молотки съ силой летали по воздуху и опускались на паркетъ съ такой медленностью и легкостью, съ какой рука ребенка могла бы нажать на перо; всѣ туалетныя принадлежности внезапно оставляли полку, па которую были сложены и затѣмъ мгновенно сами собой занимали старыя мѣста; громадные пюпитры столкнулись между собой и разломались; болѣе того, одинъ изъ нихъ, наполненный книгами, поспѣшно двинулся въ горизонтальномъ положеніи къ свидѣтелю (M. L. изъ Saint V.), и тамъ, безъ чьего-бы то ни было прикосновенія, вдругъ, нарушая всѣ извѣстные законы тяжести, сталъ въ перпендикулярномъ положеніи къ его ногамъ.

Одна госпожа (madame de Saint V.) правдивость показанія которой нѣтъ возможности заподозрить и которая, благодаря сосѣдству замка гдѣ она проживала, была свидѣтельницей двадцати подобныхъ случаевъ, почувствовала разъ что ее тянутъ за край ея плаща, не замѣчая въ то же время невидимой руки, которая тащила; деревенскій мэръ въ свой чередъ получилъ сильный ударъ по головѣ и послѣ крика, который вызвало у него это насиліе, отвѣтили ему благодѣтельной лаской, которая мгновенно успокоила его боль.

Другой свидѣтель, землевладѣлецъ, живущій въ сорока лье, недавно пріѣхалъ въ Сидевилль, не предупредивъ, кто онъ такой. Проведя ночь въ комнатѣ дѣтей, онъ задавалъ вопросы таинственнымъ звукамъ, заставлялъ стучать въ различныхъ мѣстахъ комнаты и установилъ съ ними условную рѣчь, напримѣръ, одинъ ударъ долженъ былъ означать да, два удара—нѣтъ, затѣмъ извѣстное число ударовъ число буквъ и т. д. Когда это было условлено, свидѣтель заставилъ простучать числа своей фамиліи, своего имени и имени

своихъ дѣтей, названіе своей деревни и т. д. Все это выстукивалось съ такой точностью и быстротой, что свидѣтель самъ былъ поставленъ въ необходимость заклинать таинственную силу не спѣшить, чтобы можно было провѣрить то, что она говорила. Свидѣтелемъ этимъ были мы сами.

Но вотъ другое свидѣтельство, относительно котораго всякія толкованія скептиковъ будутъ положительно безсильны. Священникъ, викарій церкви св. Роха, аббатъ Л., находясь случайно проѣздомъ въ Ивето, отправился и тоже нежданно въ Сидевиллъ и на подобные же вопросы, задаваемые его братомъ, какъ и самъ онъ неизвѣстнымъ въ околоткѣ, получались отвѣты съ той же быстротой и точностью съ той лишь любопытной разницей, что на этотъ разъ не всегда спрашивающій самъ, зналъ или могъ тотчасъ же провѣрить подробности.

Ему отвѣтили о возрастѣ и имени его матери и братьевъ, то, что онъ никогда не зналъ или позабылъ. Какъ-бы то ни было, онъ сдѣлалъ точную замѣтку. По возвращеніи въ Парижъ, онъ отправился въ мерію, справился со списками гражданскаго состоянія; между этими справками и сидевильскими разоблаченіями оказалось буквальное сходство.

Господа de-U., прибывшіе нарочно изъ города Э., заставили отвѣтить себѣ не только объ ихъ именахъ и фамиліи, но кличкахъ ихъ собакъ, ихъ лошадей, своихъ привычкахъ, костюмахъ и т. д. Помимо этого, подобные же феномены констатированы въ письмѣ доктора де Белвилля. Но всѣ эти феномены, какъ-бы они ни были удивительны, стушевываются съ точки зрѣнія интересности передъ тѣми, которые представляли несчастнымъ ребенкомъ, котораго, какъ предполагали, коснулся пастухъ Торель. Здѣсь, напримѣръ, мы опять встрѣчаемъ то, что мы столько разъ констатировали, то есть—это завладѣніе всей нервной системой, эта необыкновенная тяжесть, давящая плечи ребенка, это сжатіе груди, на которую жаловались трясущіеся изъ Севеннъ. Болѣе того, ребенокъ постоянно видѣлъ позади себя призракъ человѣка въ блузѣ, о которомъ онъ отзывался, что не знаетъ его, пока, однажды, сведенный съ Тореллемъ, онъ не вскри-

чалъ: «Вотъ этотъ человѣкъ». Но послушаемъ далѣе. Въ ту минуту, когда ребенокъ жаловался на присутствіе привидѣнія, одинъ изъ находившихся при этомъ духовныхъ отчетливо замѣтилъ, какъ онъ утверждаетъ, родъ туманнаго столба или сгущеннаго пара. Другіе видѣли нѣсколько разъ такой же паръ въ тотъ моментъ, когда онъ гнался за ними извиваясь во всѣхъ направленіяхъ съ родомъ легкаго шипѣнія, затѣмъ замѣтно сгущался и исчезалъ, какъ токъ воздуха черезъ щели комнаты. Какъ разсказываетъ господинъ de-U., онъ самъ слышалъ, не видя ничего, родъ шелеста платья. Что касается ребенка, его нервное состояніе иногда еще усиливалось. Такъ, разъ видѣли (это подтверждаетъ все присутствовавшее духовенство) какъ онъ упалъ въ припадкѣ конвульсій, затѣмъ впалъ въ родъ экстатическаго столбняка, изъ котораго не могли его вывести въ теченіе многихъ часовъ, такъ что его считали погибшимъ. Состояніе это внушило сильную тревогу у всѣхъ окружающихъ; они стали молиться и ребенокъ пришелъ въ себя.

Другой разъ (дерзнемъ-ли мы это разсказать? Да, потому что мы поклялись разсказать всю правду), ребенокъ жаловался на иное замѣчательное видѣніе: онъ говорилъ, что видитъ спускающуюся изъ трубы черную руку и вскричалъ, что она дала ему пощечину. Мы спѣшимъ объявить, что руку эту никто не видѣлъ, но слышали звукъ пощечины; видѣли, какъ щека сдѣлалась и долго оставалась красной и какъ ребенокъ, въ своемъ простодушіи, выскочилъ на дворъ, разсчитывая увидѣть, какъ эта рука будетъ вылетать изъ трубы.

Станемъ продолжать. Утомленное, а еще болѣе чрезвычайно огорченное состояніемъ этого несчастнаго ребенка и прискорбными результатами, которые должны изъ этого проистечь прежде всего для религіи, а потомъ для кюре Сидевилля, собравшееся у послѣдняго духовенство задалось вопросомъ: какъ отдѣлаться отъ врага, разъ молитвы, повидимому, не помогаютъ. Одинъ предлагалъ одно, другой—другое, третій объявилъ, что онъ прочелъ въ спеціальныхъ трактахъ, касающихся этого предмета, что подобные таинственные призраки страшатся острія желѣза; тогда не ко-

леблясь болѣе и рискуя навлечь на себя обвиненіе въ суевѣріи, они тотчасъ же приступили къ дѣлу. Они вооружились очень длинными шилами и всюду, откуда раздавались звуки, втыкали ихъ съ возможной поспѣшностью. Но такъ какъ трудно было попасть въ цѣль, вслѣдствіе увертливости силы, то многіе уколы были сдѣланы безъ видимаго результата и, вѣроятно, они отказались-бы отъ предпринятой задачи, когда вдругъ одинъ изъ нихъ вогналъ шило болѣе ловко, чѣмъ остальные; тогда выкинуло пламя и вслѣдъ за нимъ повалилъ такой густой дымъ, что изъ боязни совершенно задохнуться, пришлось растворить всѣ окна. Когда разсѣялся дымъ и спокойствіе замѣнило эту ужасную тревогу, возвратились къ способу заклинанія, оказавшемуся такимъ дѣйствительнымъ. Опять взяли шило и воткнули его— раздался стонъ; стали продолжать—стоны удвоились; наконецъ, отчетливо послышалось слово «простите».

«Простить!—отвѣтили они,—конечно, мы тебя простимъ и сдѣлаемъ даже болѣе—мы проведемъ ночь въ молитвѣ къ Богу, чтобы Онъ въ свою очередь тебя простилъ... но подъ условіемъ, чтобы кто-бы ты ни былъ, ты придешь завтра лично просить прощенія у этого ребенка».—«Вы всѣхъ насъ прощаете»?—«А развѣ васъ много?»—«Насъ пятеро, включая пастуха».—«Мы всѣхъ васъ прощаемъ».

Тогда водворился порядокъ въ домѣ священника и эта страшная ночь прошла въ покоѣ и молитвѣ.

На слѣдующій день постучались у дверей дома, ихъ отперли,—и явился Торель. Видъ его былъ покорный, рѣчь несмѣлая и онъ старался прикрыть своей шляпой кровавыя царапины, покрывавшія его лицо. Ребенокъ увидѣлъ его и вскричалъ:—«Вотъ этотъ человѣкъ, вотъ человѣкъ, который преслѣдуетъ меня уже пятнадцать дней».— «Что вамъ нужно»? Торель отвѣтилъ: —«Господинъ кюре, я пришелъ отъ моего хозяина за органчикомъ, который у васъ».— «Нѣтъ, вамъ не могли дать этого приказанія. Еще разъ, вы не для этого сюда пришли. Что вамъ нужно? Но прежде скажите, откуда у васъ эти раны. Кто вамъ ихъ надѣлалъ?»—«Это до васъ не касается,—я на это отвѣчать не желаю».—«Полно, скажите, что имѣете сказать; будьте от-

кровенны, скажите, что вы просите прощенья у этого ребенка; станьте на колѣни и сдѣлайте это». — «Ладно, простите»,—сказалъ Торель, падая на колѣни.

Стоя на колѣняхъ и прося прощенія, онъ сближался и старался схватить ребенка за его блузку. Ему это удалось, и свидѣтели констатируютъ, что съ этого момента страданія ребенка и таинственные шумы удвоились въ домѣ сидевильскаго священника. Во всякомъ случаѣ, кюре пригласилъ Тореля отправиться съ нимъ въ мерію; онъ пошелъ и тамъ, въ присутствіи свидѣтелей, безъ всякаго съ чьей-бы ни было стороны вызова, онъ троекратно упалъ на колѣни и просилъ прощенія.—«За что вы просите у меня прощенія?—спросилъ кюре,—объясните пожалуйста». Торель продолжалъ свое; прося прощенія, онъ поступалъ также какъ въ домѣ священника: онъ ползъ на колѣняхъ, стараясь прикоснуться къ г. Тинелю, такъ, какъ поступилъ съ ребенкомъ.—«Не дотрогивайтесь до меня, во имя неба,—вскричалъ тотъ, не дотрогивайтесь до меня, или я васъ ударю». Тщетная угроза. Торель сближался, сближался, пока кюре, затиснутый въ уголъ, не былъ вынужденъ, для своей законной обороны, отвѣсить ему палкой три удара по рукѣ. Само собою разумѣется, эти три удара палкою сыграли видную роль въ процессѣ; ими тотчасъ же воспользовались. Несмотря на это, Торель продолжалъ настаивать и на этотъ разъ обратился къ меру. Онъ просилъ его, заклиналъ, плача обнималъ и говорилъ:—«попросите господина кюре, чтобы онъ этимъ удовлетворился». Въ другой разъ онъ призналcя священнику, что все исходитъ отъ G...—«G. вышелъ изъ тюрьмы,—говорилъ онъ,—и зашелъ ко мнѣ; онъ злится на господина кюре за то, что тотъ мѣшаетъ ему зарабатывать хлѣбъ и прогналъ его отъ больнаго, котораго онъ хотѣлъ лечить. Господинъ кюре неправъ,—добавлялъ онъ,—такъ какъ G. человѣкъ очень образованный, очень ученый; онъ можетъ бороться со священникомъ. Господинъ кюре хотѣлъ-бы, чтобы его просвѣтили; если онъ пожелаетъ заплатить за мой кофе, я его избавлю отъ всего, что происходитъ въ его домѣ».

Невозможно виновному болѣе откровенно признать свою

виновность и человѣкъ этотъ, требующій двѣсти франковъ вознагражденія и убытковъ, готовъ былъ все покончить за чашку кофе. Тѣмъ, кто укорялъ за его образъ дѣйствій. онъ отвѣчалъ:—«я такъ хочу, мнѣ такъ нравится». Тѣмъ же, кто его спрашивалъ, почему онъ выбралъ жертвой бѣднаго невиннаго ребенка вмѣсто того, чтобы приняться за кюре, отвѣчалъ:—«Развѣ вы не видите, что кюре не можетъ жить безъ этихъ двухъ дѣтей?! Нужно ихъ убрать; они уберутся, и тогда всему конецъ». Еще разъ онъ похвалялся въ началѣ, похвалялся въ продолженіи и похвалялся въ концѣ. Чего еще болѣе для констатированія confidentem reum?

Затѣмъ, всѣ антецеденты Тореля доказываютъ, что это не первая его продѣлка. Такъ, онъ предсказывалъ вещи, внѣ всякаго предвидѣнія, которыя, говорилъ онъ, должны случиться черезъ двадцать минутъ, и черезъ двадцать минутъ они происходили. Другой свидѣтель показываетъ, что, когда онъ былъ въ полѣ вмѣстѣ съ Торелемъ, послѣдній сказалъ ему:—«Всякій разъ, когда я ударю кулакомъ по моему шалашу, ты упадешь и всякій разъ вонъ тотъ другой упадетъ и будетъ чувствовать, что что-то его сжимаетъ за горло, душитъ его и принуждаетъ падать. Однако, Торель признавался, что ему больно дѣлать это. Наконецъ, послѣдній свидѣтель показалъ, согласно съ другими, что, прогуливаясь съ сестрой господина Тинеля и обоими дѣтьми по равнинѣ дорогой изъ Сидевилля въ Озонвиллъ, они видѣли булыжники, метаемые незримой силой, направляемые прямо на нихъ и падающіе у ихъ ногъ, не причиняя имъ вреда и т. п.

Сюда не включена масса подробностей, которыя, не будучи разоблачены на засѣданіи, тѣмъ не менѣе засвидѣтельствованы, какъ то: группы стульевъ, висѣвшія на воздухѣ безъ поддержки; собаки, подкидываемыя на воздухъ, какъ въ игрѣ въ орлянку, летающая мебель, страшныя богохульства, которыя раздавались, когда дѣти становились на молитву, угрозы, громко произносимыя, свернуть имъ шею — угрозы, подтвердившіяся однажды вечеромъ, когда одно изъ этихъ несчастныхъ дѣтей почувствовало, какъ двѣ руки схватили его за голову и повернули ее съ такой силой

что свидѣтели этого необыкновеннаго свѣдѣнія должны были подать помощь жертвѣ, иначе она погибла-бы.

. . . .

«... Эти явленія повторялись ежедневно въ теченіе двухъ съ половиною мѣсяцевъ, съ 26 ноября 1850 года по 15 февраля 1851 г., пока монсеньоръ архіепископъ не призналъ нужнымъ изъ осторожности удалить дѣтей изъ дома сидевильскаго священника, гдѣ до тѣхъ поръ они находили добрый примѣръ и добрыя наставленія. Рѣшеніе монсеньора было такого рода, какого и слѣдовало ожидать отъ глубокой мудрости этого прелата. Оно сразу прекратило скандалъ или точнѣе предлогъ къ скандалу, такъ какъ съ этого дня всякіе шумы прекратились».

Архіепископское рѣшеніе, за которымъ мы въ свою очередь признаемъ благоразуміе, этой быстрой развязкой дѣлаетъ для насъ излишнимъ указывать, что оно признавало главной основой сидевильскихъ чудесъ. Остается еще судебная власть, рѣшеніе которой еще интереснѣе, хотя она и уклонилась отъ подробностей, которымъ мы придали большую цѣну.

Какъ бы то ни было, дѣло было разслѣдовано старательно и процессъ велся заботливо. Были допросы и передопросы; было выслушано множество свидѣтелей, конечно, болѣе серьезныхъ, чѣмъ образованныхъ, но свидѣтелей безупречныхъ,—и факты были выяснены и обсуждались двумя достойными адвокатами: Вокье-дю-Таверсенъ, со стороны сидевильскаго кюрэ и Фонтэнемъ, со стороны пастуха Тореля. Наконецъ, вотъ рѣшеніе по иску послѣдняго, который требовалъ двѣсти франковъ за три удара палкой, полученныхъ имъ въ залѣ меріи во время сцены прощенія, когда онъ не поддавался чрезмѣрному униженію предъ сутаной кюрэ.

4-го февраля 1851 г.

«Мы мировой судья Іервилля. Выслушавъ показаніе свидѣтелей, также какъ объясненія сторонъ, и принимая въ соображеніе ихъ взаимныя претензіи, постановили въ первой инстанціи:

«Имѣя въ виду, что каковы бы ни были причины не-

обыкновенныхъ явленій въ домѣ священника Сидевилля, изъ совокупности всѣхъ свидѣтельскихъ показаній вполнѣ опредѣлилось, что причины эти остаются неизвѣстными и что, поэтому, остается лишь установить послѣдствія этихъ явленій, вызвавшихъ настоящее дѣло.

«Имѣя въ виду, во-первыхъ, что, если съ одной стороны отвѣтчикъ (Тинель) показалъ, что истецъ (Торель) похвалялся, будто явленія въ домѣ священника Сидевилля вызвалъ онъ и что отвѣтчикъ подозрѣваетъ, что Торель и былъ ихъ творцомъ, то съ другой—установлено многочисленными свидѣтелями, что Торель все это говорилъ и дѣлалъ, чтобы заставить вѣрить, что онъ игралъ какую-нибудь роль въ этихъ явленіяхъ. Хвастовство это подтверждается свидѣтелями Шеваль, Варенъ, Летелье, Фулонгъ, Герно и другими и его поведеніемъ въ домѣ священника и въ меріи.

«Имѣя въ виду также, что истецъ не имѣетъ основаній жаловаться, что онъ обезславленъ по поводу совершившихся событій, такъ какъ главнымъ виновникомъ этому былъ онъ самъ, ибо слухи эти пошли по его иниціативѣ и распространялись по его винѣ.

«Имѣя въ виду, что если и вѣрно, какъ видно изъ предъидущаго, что слава колдуна, которую приписывалъ себѣ истецъ, причинила ему ущербъ въ уваженіи, то вѣрно также и то, что онъ былъ первымъ, кто причинилъ этотъ ущербъ, и что отвѣтчикъ, повторяя лишь собственныя притязанія истца, не могъ причинить ему этимъ никакого вреда и онъ долженъ нести послѣдствія своихъ рѣчей и отвѣтственность за нихъ, если сверхъ его ожиданій, изъ этого возникли невыгодныя для него послѣдствія.

«Имѣя въ виду, что при подобныхъ обстоятельствахъ въ словахъ отвѣтчика не заключается оскорбленія словомъ или обезславленья и поэтому проступка, подлежащаго удовлетворенію.

«Имѣя въ виду, во-вторыхъ, что ни допросомъ свидѣтелей, ни передопросомъ не удостовѣрено, чтобы отвѣтчикъ принуждалъ истца падать передъ собой на колѣни, и даже многими свидѣтелями подтверждено, что онъ добровольно

сталъ на колѣни передъ однимъ пансіонеромъ священническаго дома и просилъ у него прощенія, помилованія, какъ бы совершилъ какой-нибудь проступокъ, лишь по простому приглашенію отвѣтчика, оправдывающему страннымъ образомъ дѣйствія Тореля въ помянутыхъ обстоятельствахъ; что этотъ способъ дѣйствій истца легко объясняется, такъ какъ онъ точно также поступилъ съ мэромъ Сидевилля, передъ которымъ онъ по собственному почину повторилъ сцену вставанія на колѣни, упрашивая прекратить это дѣло, и что такимъ образомъ въ данномъ случаѣ никакого принужденія истцу со стороны отвѣтчика не было.

«Имѣя въ виду, въ-третьихъ, что по показаніямъ многихъ свидѣтелей подтвердилось, что отвѣтчикъ нанесъ истцу два или три удара палкой; а также и то, что, несмотря на запрещеніе, которое сдѣлано было отвѣтчикомъ истцу приближаться и дотрогиваться къ нему—тотъ, не взирая на это, настойчиво домогался схватить его, протягивая для этого руки, что отвѣтчикъ, чтобы избѣжать этого, вынужденъ былъ отступить къ стѣнѣ и, поэтому, поставленъ былъ въ необходимость законной обороны, что оправдываетъ его поведеніе въ данномъ случаѣ.

«Что касается послѣдняго пункта, то имѣя въ виду, что ни одинъ свидѣтель не слышалъ, чтобы отвѣтчикъ приказывалъ съ угрозами хозяину истца прогнать Тореля со службы; что если нѣкоторые свидѣтели и говорили, но неопредѣленно и по слухамъ, что отвѣтчикъ выражалъ господину Пэну, хозяину истца, свое желаніе и свое удовлетвореніе, если тотъ его разсчитаетъ; но такіе неопредѣленные слухи не могутъ въ глазахъ закона разсматриваться, какъ имѣющіе значеніе, и что въ этомъ отношеніи доводы Тореля не основательны.

«Что касается взаимныхъ исковъ: принимая во вниманіе, что если и вѣрно, что въ первоначальномъ инстанціонномъ производствѣ были допущены безславящія выраженія, то вѣрно также и то, что требуемое опубликованіе разбирательства служитъ безсильнымъ средствомъ помочь вреду, причиненному этимъ производствомъ и разглашеніемъ, которое вызвало скандальную извѣстность; по этимъ различ-

нымъ соображеніямъ, отстраняя всѣ доводы истца, какъ неосновательное во всѣхъ пунктахъ, и принимая лишь часть доводовъ отвѣтчика, въ искѣ Тореля отказываемъ и, оправдывая отвѣтчика, присуждаемъ помянутаго Тореля къ уплатѣ расходовъ и повелѣваемъ считать дѣло оконченнымъ».

Итакъ, вотъ что сталось съ несчастнымъ пастухомъ за его палочные удары. Онъ заплатилъ за то, что былъ битъ своимъ кюрэ. Мы полагаемъ, что въ Іервилѣ очень широко толкуютъ право о законной самообоpонѣ, такъ какъ, въ концѣ концовъ, жизнь кюрэ не подвергалась опасности отъ сближенія Тореля, если только онъ дѣйствительно не былъ колдуномъ — обстоятельство, рѣшить которое судья уклонился.

Судьба рѣшенія, изданнаго нормандскимъ трибуналомъ, была бы очень рискованной, если бы его обжаловали; но не поэтому мы сожалѣемъ, что рѣшеніе осталось окончательнымъ. Прежде всего, намъ любопытно было бы знать: сохранилъ ли Руанскій судъ, подъ вліяніемъ воспоминаній или по духу мѣстности, гдѣ онъ засѣдаетъ въ странѣ волшебниковъ, какіе-нибудь остатки того пылкаго усердія, которымъ былъ одержимъ древній нормандскій парламентъ 1675 года, когда онъ отвѣтилъ такимъ рѣзкимъ манифестомъ *) на повелѣніе короля Людовика XIV, отмѣнившее его производства и его разслѣдованія по дѣламъ колдовства и замѣнившее простымъ изгнаніемъ изъ предѣловъ провинціи, казни, назначенныя толпѣ несчастныхъ за занятіе магіей и волшебствомъ. Будь въ 1851 г. въ Руанскомъ судѣ пренія по дѣлу Сидевилля, онѣ можетъ быть выяснили бы намъ нѣкоторые пункты, въ которыхъ критика крайне нуждается, чтобы они были прочно установлены для оцѣнки этихъ чудесъ. Если Торель не былъ волшебникомъ, то за его палочные удары слѣдовало ему заплатить. Если же онъ былъ волшебникомъ, то онъ тоже получилъ, но въ образѣ призрака, удары шиломъ, которые наносили ему то тамъ,

---

*) Мы изложили въ предисловіи этого сочиненія (Томъ I) большую часть этого документа; онъ былъ приведенъ цѣликомъ Гарине въ примѣчаніяхъ его къ Histoire de la Magie.

то сямъ духовенство, собранное въ домѣ священника *). Онъ имѣлъ знаки отъ нихъ, когда въ первый разъ приходилъ съ плотью и кровью испрашивать прощенія; кюрэ Тинель ихъ видѣлъ, и всѣ спириты, основываясь на его свидѣтельствѣ, считаютъ это за вещь доказанную. Что сталось съ этими кровавыми ранами, о которыхъ судебное производство не говоритъ ни слова и которыя на самомъ дѣлѣ составляютъ самый необыкновенный изъ всѣхъ явленій, происходившихъ въ Сидевиллѣ? Передъ судомъ и въ присутствіи публики стотысячнаго города, адвокаты, конечно, не упустили бы задать нѣсколько вопросовъ о происхожденіи этихъ знаковъ и судъ бы не отказалъ имъ, хоть бы для того, чтобы ознакомить суевѣрную публику съ своими взглядами на уязвимость призраковъ, переносящихъ свои раны на тѣла тѣхъ, воздушной оболочкой которыхъ они были, и того, что Мирвилль называетъ солидарностью между призракомъ и особой самого пастуха. Мы бы тогда знали: точнѣе ли сказать, что пастухъ Торель былъ раненъ, какъ Данисъ пастухъ изъ Бри **); или, что Данисъ не болѣе

*) Кюре былъ увѣренъ, что онъ попалъ въ своего колдуна, такъ какъ онъ добавлялъ важную подробность, вначалѣ опущенную Мирвиллемъ и потомъ приведенную имъ въ примѣчаніи. «Г. Кюре», — говоритъ онъ, — однажды вечеромъ замѣнилъ процессъ съ шилами — огнестрѣльнымъ оружіемъ. Онъ выстрѣлилъ изъ пистолета въ загадочный шумъ, ребенокъ вскрикнулъ, что преслѣдующій его призракъ раненъ двумя дробинами въ правую щеку и на слѣдующій день тѣлесный Торель появился съ этой двойной раной на этой самой щекѣ.

**) Кто не слышалъ о пастухахъ Бри и окрестности Парижа, которые, не взирая на эдиктъ 1682 года, о наказаніи колдуновъ, еще долгое время продолжали давать работу Турнелю *).

*) Названіе древняго парижскаго судилища.

Aux temps peu rulé de la sorciellerie
Ah' qu'ils etaitent puissants les berger de la Brie
Il n'etait prudant d'allumer leurs courroux
Tantôt on les voyait changes en loups-garous
Rôder dans les hameaux y chercher aventure
Enlever les enfants, en faire leur pâture
Tantôt le flots de grêle ils frappaunt moissons
Ou dans les tas de blé semaient les charançons
Avaient-ils à franchir un immence intervalle
Le manche d'un balcu leur servait de cavale
Leur regard rendait pâle un vesage vermeil
Avec un ocil de pie ils otaient le sommeil.
(La Brée munga d' Anglemont).

былъ раненъ, чѣмъ Торель. Если дѣло осталось такъ, какъ оно есть, чего мы не перестаемъ жалѣть, то это не вина Тореля, бѣдняка, побитаго и присужденнаго къ уплатѣ всѣхъ

Къ концу XVII столѣтія пріобрѣлъ страшную извѣстность пастухъ Данисъ. Вотъ какъ Н. Лебрёнъ разсказываетъ его исторію:

«Въ пятницу 1-го мая 1705 года, въ пять часовъ вечера, господинъ Миланжъ де-Ришардьеръ, сынъ одного изъ адвокатовъ парижскаго парламента, подвергся на своемъ восемнадцатомъ году такому необыкновенному припадку безчувственности и безумія, что медики не знали, что про него сказать. Ему прописали рвотное и родители увезли его въ свой домъ въ Ноази-ле-Гранъ, гдѣ его положеніе ухудшилось такъ, что рѣшили, что онъ былъ околдованъ. Его спросили, не имѣлъ-ли онъ ссоры съ какимъ-нибудь пастухомъ; тогда онъ разсказалъ, что 18-го прошлаго апрѣля, когда онъ проѣзжалъ верхомъ черезъ деревню Ноази, его лошадь вдругъ остановилась на улицѣ Фере противъ часовни и невозможно было заставить ее двинуться далѣе; въ это время онъ увидѣлъ незнакомаго ему пастуха, который сказалъ: «Сударь, возвращайтесь домой—ваша лошадь не пойдетъ далѣе».

Человѣкъ этотъ, показавшійся ему лѣтъ подъ пятьдесятъ, былъ высокаго роста, непріятной физіономіи, имѣлъ бороду и черные волосы, въ рукахъ у него былъ посохъ, а за нимъ шли двѣ черныя собаки съ короткими ушами.

Молодой Миланжъ посмѣялся надъ предсказаніемъ пастуха. Но ему не удалось заставить идти лошадь; онъ былъ вынужденъ отвести ее домой, гдѣ самъ онъ заболѣлъ. Было ли это слѣдствіемъ его нетерпѣнія и гнѣва, или пастухъ уготовилъ ему эту порчу?

Господинъ де-Ла-Ришардьеръ-отецъ предпринималъ тысячу безплодныхъ средствъ для излѣченія сына. Однажды, молодой человѣкъ, безъ сопровожденія другихъ, вошелъ въ свою комнату; онъ нашелъ тамъ своего стараго пастуха, сидѣвшаго въ его креслѣ со своимъ посохомъ и своими двумя черными собаками. Зрѣлище это его напугало, онъ позвалъ людей—но никто кромѣ его не видѣлъ колдуна; однако, самъ онъ утверждалъ, что видитъ его прекрасно; онъ даже добавлялъ, что колдунъ этотъ называется Данисомъ, хотя онъ не знаетъ, кто могъ открыть ему его имя. Продолжалъ видѣть колдуна лишь онъ одинъ. Къ десяти часамъ вечера онъ свалился на землю, говоря, что пастухъ сидитъ на немъ и давитъ его; въ глазахъ присутствующихъ онъ вынулъ изъ кармана ножъ и нанесъ въ лицо бездѣльника пять или шесть ударовъ, которыми онъ оказался отмѣченнымъ.

Наконецъ, послѣ восьминедѣльной болѣзни, Миланжъ отправился въ Сентъ-Моръ съ увѣренностью, что сегодня онъ выздоровѣетъ. Съ нимъ было дурно три раза, но послѣ обѣдни ему показалось, что онъ видитъ святаго Маврикія стоящимъ въ одеждѣ бенедиктинца; а слѣва отъ него пастуха съ лицомъ окровавленныхъ шестью

расходовъ, которые при допросѣ и передопросѣ должны были доходить до разорительнаго размѣра для простого пастуха. Для аппеляціи ему нужна была помощь, а ее никто не оказалъ ему.

ударами ножа, съ своихъ посохомъ въ рукѣ и своими черными собаками по сторонамъ. Въ этотъ моментъ больной громко крикнулъ въ церкви: «Чудо, чудо!» и дѣйствительно излѣчился.

Нѣсколько дней спустя, охотясь въ окрестности Ноази, онъ на самомъ дѣлѣ увидѣлъ въ виноградникѣ пастуха. Зрѣлище это привело его въ ужасъ и онъ ударилъ колдуна по головѣ прикладомъ своего ружья. «О, сударь, вы меня убьете», — вскричалъ убѣгая пастухъ; на другой день онъ явился къ де-Ла-Ришардьеру, бросился на колѣни, признался, что его зовутъ Данисомъ, что онъ уже двадцать лѣтъ какъ занимается колдовствомъ, что дѣйствительно наслалъ на него порчу, которой онъ страдалъ; что порча эта должна была длиться годъ, что онъ вылѣчился послѣ восьми недѣль лишь потому, что совершилъ девятины, но что чары обратились на него, Даниса, и что онъ взываетъ къ его милосердію.

Миланжъ повторилъ, при участіи своего дяди аббата Миланжа каноника Ріома, въ пользу пастуха тотъ же рядъ молитвъ, которыя ему помогли, молитвъ, увѣнчавшихся равнымъ образомъ блистательнымъ исцѣленіемъ пастуха. Затѣмъ, такъ какъ пастуха преслѣдовали полицейскіе, онъ убилъ своихъ собакъ, бросилъ свой посохъ, измѣнилъ одежду, удалился въ Торэ, покаялся и, по прошествіи нѣсколькихъ дней, умеръ.

Но обыкновенно вещи оканчивались хуже для бѣдныхъ колдуновъ, когда правосудіе начинало заниматься ими.

Долгія преслѣдованія пастуховъ Бри и многочисленные смертные приговоры, нисколько, однако, не прекращавшіе падежа скота, не открыли глазъ судьямъ. Въ своемъ легковѣріи, раздраженные своимъ безсиліемъ, они мстили пытками и новыми осужденіями на смерть. Скажемъ нѣсколько словъ о дѣлѣ пастуха Гока, относящемся къ XVIII столѣтію и котораго factums и приговоръ Парижскаго парламента сохранили намъ ужасающія подробности.

Пастухъ этотъ былъ обвиняемъ въ томъ, что въ сообществѣ съ другими онъ навелъ порчу на скотъ фермера земель Пасси, неподалеку Бри-Коитъ-Робертъ, и былъ приговоренъ къ каторжнымъ работамъ.

Очевидно, этого было недостаточно, такъ какъ коровы и овцы продолжали падать, но старое юридическое правило non bis in idem не допускало судить Гока наново, чтобы примѣнить къ нему болѣе дѣйствительную мѣру. У него въ тюрьмѣ Турнелля былъ товарищъ по цѣпи, нѣкто Беатриксъ. Съ согласія послѣдняго устроили, чтобы Беатриксъ принялся за Гока и такъ расположилъ его къ себѣ, чтобы колдунъ поддался на его убѣжденія написать

Намъ даютъ понять, что вольтерьянцы или люди, которые не легко вѣрятъ въ колдовство, условились замять это дѣло; а Мирвилль прибавляетъ, что ханжи, чтобы заглу-

---

другому пастуху, такому же колдуну какъ и онъ самъ, — потому что всѣ они одинаковы — и попросилъ снять наведенную имъ порчу. Порча эта, или на ихъ языкѣ, зарядъ, была ужасной; они называли ее le bon Ciel-Dieu; это составъ, въ который входили яды, но который, по вѣрованію той эпохи, обязанъ былъ своимъ пагубнымъ дѣйствіемъ въ особенности ужаснымъ церемоніямъ, при которыхъ онъ приготовлялся. Колдуны заключали его въ глиняный горшокъ и закапывали въ землю на дорогѣ, по которой скотъ долженъ былъ проходить, или даже при входѣ въ скотный сарай. На допросахъ было дознано, что зарядъ этотъ имѣлъ силу до тѣхъ поръ, пока онъ оставался на томъ же мѣстѣ, или до тѣхъ поръ, пока положившій его колдунъ былъ въ живыхъ; но что если зарядъ былъ найденъ и убранъ, то колдунъ умиралъ въ то же мгновеніе.

Чтобы получить отъ Гока письмо, которое онъ долженъ былъ написать, его напоили на деньги, пересланныя Беатриксу владѣльцемъ Пасси. Когда хмѣль прошелъ, несчастный, соображая о томъ, что онъ сдѣлалъ, сталъ издавать страшныя рычанія, бросился на Беатрикса, чтобы задушить его, что не замедлилъ бы сдѣлать при содѣйствіи всѣхъ остальныхъ возмущеннымъ каторжниковъ, еслибы начальникъ Турнелля, извѣщенный объ этомъ безпорядкѣ, не прибылъ во время, чтобы вырвать овечку изъ ихъ рукъ.

Тѣмъ временемъ роковое посланіе пошло своей дорогой. Стараніемъ владѣльца Пасси пастухъ, которому оно было адресовано, вскорѣ его получилъ; это былъ нѣкто Бра-де-Ферь, жившій неподалеку Сенса, колдунъ первой степени, единственный, — по сужденію Гока, — который могъ своими заклинаніями снять le bon Ciel-Dieu. Бра-де-Ферь явился поэтому въ Пасси и совершилъ желаемыя церемоніи; зарядъ былъ отысканъ и брошенъ въ огонь въ присутствіи фермера и его прислуги. Но вдругъ операторъ поблѣднѣлъ; до тѣхъ поръ онъ не зналъ, кто наложилъ порчу. «Дьяволъ только что открылъ мнѣ, — говорилъ Бра-де-Ферь, — что это Гокъ, мой лучшій другъ, который въ настоящую минуту умираетъ въ семи лье отъ Пасси». Странное совпаденіе. Изъ сообщеній, полученныхъ изъ замка Турнелль, оказалось, что въ тотъ же день и въ тотъ же часъ, когда Бра-де-Ферь началъ снимать порчу, Гокъ, бывшій самымъ крѣпкимъ и самымъ здоровымъ человѣкомъ, умеръ въ одно мгновеніе въ страшныхъ конвульсіяхъ и мучащійся, какъ одержимый бѣсами, не пожелавъ ни слушать о Богѣ, ни исповѣдаться.

Узнавши, что порча насланная на овецъ той же фермы, была зарыта дѣтьми Гока — онъ ни за что въ свѣтѣ не пожелалъ снять ее изъ опасенія, чтобы не умертвить ихъ, какъ отца. Вслѣдствіе этого упорнаго отказа, Бра-де-Ферь былъ преданъ суду и приго-

шить шумъ, присоединились въ этомъ къ скептикамъ и невѣрующимъ *).

Намъ не легко сообразить, что ханжи выиграли на этомъ систематическомъ молчаніи, но еще менѣе, что спириты на этомъ потеряли. Потому, что въ концѣ концовъ, они лишь одни имѣли слово въ вопросѣ сидевильскихъ феноменовъ и ставили насъ въ непріятную альтернативу или отрицать совершенно, или характеризовать и комментировать, какъ они. Они прекрасно съумѣли въ то время, когда о процессѣ перестали говорить, раздуть то, что для нихъ составляло главное и найти подробности, которыя, по всей вѣроятности, сгруппировали не безъ выбора и о которыхъ никогда они не могли разсказывать безъ нѣкотораго преувеличенія. Такова именно исторія, которую они намъ теперь преподносятъ: исторія, очищенная отъ всѣхъ противорѣчащихъ элементовъ, которые могли-бы служить критикѣ и которые лишь одни подверглись уничтоженію. — А производство Іервилля? — скажете вы. Конечно, мы его не забыли. Это единственный существующій документъ и мы считаемъ его въ извѣстныхъ отношеніяхъ монументальнымъ. Не опасайтесь, что мы его сочтемъ вышедшимъ вполнѣ вооруженнымъ изъ вашей головы**). Производство не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію; но оно ничего не говоритъ — оно точно умышленно не упоминаетъ объ единственной вещи, которую намъ было-бы важно знать; что желаете вы, чтобы мы сдѣлали, и что сдѣлали-бы вы сами, господинъ маркизъ, съ этими неопредѣленными выраженіями, въ которыхъ приговоръ упоминаетъ, какъ о фактахъ необыкновенныхъ, происшедшихъ въ домѣ сидевильскаго священника? Это рѣшеніе слѣпое, упрямо слѣпое, отталкиваетъ чудеса, отбрасываетъ сверхъестественное и минуетъ ихъ, не останавливаясь, чтобы перейдти прямо къ самымъ вульгарнымъ показаніямъ. Оно оставляетъ въ сторонѣ великій психическій вопросъ о солидарности призрака съ человѣкомъ, чтобы перейдти къ жалкому вопросу объ ударахъ палкой,

---

воренъ быть повѣшеннымъ и сожженнымъ вмѣстѣ съ двумя другими пастухами Жарденъ и Пти-Пьеромъ.

*) Des Esprits, p. 312.

**) Выраженія маркиза Мирвилля

которые не касаются ни меня, ни васъ. Что намъ указываетъ это іервильское рѣшеніе, намъ, которые не могутъ помѣститься съ маркизомъ подъ тѣмъ спудомъ, подъ которымъ помѣстили свѣтъ?!

XIV.

Стучащіе духи въ Америкѣ.

Американскіе духи имѣютъ ту же цѣну, какъ и духи Стараго свѣта, и не стоятъ большаго; они лишь въ болѣе значительномъ числѣ и вторженіе ихъ въ Соединенные Штаты Америки носитъ характеръ распространенной нравственной эпидеміи.

Начало необыкновенныхъ явленій относится къ 1846 г. Въ помянутомъ 1846 г. нѣкто Михаилъ Уикманъ, жившій въ деревнѣ Гайдесуилль, кантона Акеди, графства Wagne, услышалъ вечеромъ стукъ у дверей своего дома. Онъ пошелъ отпереть—никого не оказалось. Едва онъ усѣлся на прежнее мѣсто у камелька—повторился тотъ же стукъ. Уикманъ пошелъ еще разъ и съ тѣмъ же результатомъ. Рѣшившись изловить на мѣстѣ преступленія нарушителя покоя, онъ притаился, держа руку на щиколодѣ, готовый отпереть при малѣйшемъ стукѣ. Стукъ не заставилъ себя ожидать. Уикманъ быстро растворилъ дверь. Опять никого. Единственнымъ барышемъ было то, что онъ довольно сильно ранилъ себя въ лицо косякомъ двери при быстромъ ея отпираніи. Въ буквальномъ и переносномъ смыслѣ Уикманъ остался съ носомъ.

Другой бы успокоился, но не таковъ былъ нравъ Уикмана. Его одолѣлъ испугъ и о своемъ приключеніи онъ не могъ говорить иначе, какъ со страхомъ. Къ тому же, тѣ же стуки стали повторяться отъ времени до времени. Англійская поговорка гласитъ, что угри привыкаютъ къ снимапію съ нихъ кожи, такъ и нашъ герой и его семейство освоились съ тѣмъ, что среди ночи ихъ внезапно будила эта непріятная стукотня. Стукотня не стоила, чтобы на нее обращать вниманіе, но вскорѣ движеніе мебели, перестановка стульевъ невидимой силой привели въ ужасъ жителей дома.

Уикманъ не дожидался этихъ новыхъ явленій, такъ какъ

въ слѣдующемъ году онъ оставилъ свой гайдесунльскій домъ и его занимало семейство Фоксъ. Семейство это состояло изъ мужа, жены и ихъ двухъ дочерей Екатерины и Маргариты, дѣвушекъ уже на возрастѣ, честныхъ и простодушныхъ. Имъ-то принадлежитъ слава не только приручить духовъ, но даже сдѣлать ихъ полезными—особенно для себя.

Екатерина и Маргарита Фоксъ, дочери Джона Фоксъ, были первыми, которыя признали спиритическіе стуки (spiritual rapping, spiritual chocking) въ странныхъ звукахъ, которые онѣ услышали ночью декабря 1847 г., когда собирались лечь въ постель въ домѣ Уикмана въ Гайдесуиллѣ. Сперва онѣ приписали эту стукотню крысамъ, но вскорѣ должны были отказаться отъ такого вульгарнаго объясненія. Шумы возобновлялись, говорили онѣ, съ возрастающей силой. То они были какъ-бы ударами молотка въ дверь, то какъ хлопаніе бича.

Екатерина и Маргарита входили во много другихъ подробностей, которыя, если оставить въ сторону крысъ, изобличали извѣстныхъ духовъ изъ разряда самыхъ нахальныхъ. Они начинали свой шабашъ всегда въ тотъ моментъ, когда барышни ложились въ постель.

Намъ не говорятъ, что думалъ обо всемъ этомъ господинъ Фоксъ. Что касается двухъ дочерей и ихъ матери, то вскорѣ онѣ такъ хорошо освоились со своими невидимыми посѣтителями, что въ одинъ прекрасный день или, точнѣе, въ одну прекрасную ночь марта 1848 г., госпожа Фоксъ рѣшилась обратиться съ рѣчью къ стѣнѣ, гдѣ, казалось, они избрали свое мѣстопребываніе.

«Кто производитъ этотъ шумъ? — Никакого отвѣта.— Производитъ-ли его существо живущее? — Молчаніе. — Можетъ быть умершее? — Одинъ ударъ. —Это духъ несчастливый?—Одинъ ударъ.—Несчастливъ-ли онъ самъ по себѣ или за свою семью?—Никакого отвѣта.—Сколько лѣтъ моей старшей дочери?—Четырнадцать ударовъ.—А моей младшей?»—Двѣнадцать ударовъ.

Число ударовъ точно соотвѣтствовало числу лѣтъ, составлявшихъ возрастъ каждой дѣвушки. Госпожа Фоксъ задала еще и другіе вопросы, но на нихъ не послѣдовало отвѣта.

Она поднялась перепуганной и пошла разсказать объ этомъ разговорѣ своему мужу, который въ свою очередь отправился повторить его своимъ сосѣдямъ. Менѣе, чѣмъ въ полчаса тѣ въ большомъ числѣ сбѣжались къ дому. Спрошенный наново обществомъ, духъ объявилъ свое имя, добавивъ, что онъ былъ отцемъ многочисленнаго семейства, изъ котораго пятеро дѣтей еще въ живыхъ и сообщилъ имя того человѣка, который пять лѣтъ тому назадъ убилъ его въ этомъ самомъ домѣ.

Конечно, это должно было вызвать какое-нибудь разслѣдованіе. Спириты увѣряютъ, что оно было сдѣлано, но лишь самой госпожей Фоксъ, которая приказала предпринять раскопку у себя въ погребѣ и дорылась до человѣческихъ останковъ. Что касается человѣка, обвиняемаго въ убійствѣ,—то тѣ же источники утверждаютъ, что хотя онъ громко кричалъ о клеветѣ, но его все-таки духи упрямо уличали. Но все это ничѣмъ не удостовѣряется. Единственный безспорный фактъ, это сильнѣйшее народное волненіе, вызванное въ Гайдесуиллѣ разсказомъ объ этихъ таинственныхъ явленіяхъ, и необходимость, въ которой вскорѣ оказалось семейство Фоксъ оставить эту деревню. Съ половины 1848 года оно водворилось въ сосѣднемъ городѣ, въ Рочестерѣ у госпожи Фишъ, старшей дочери госпожи Фоксъ.

Еслибы всѣ феномены, которыми мы будемъ заниматься въ дальнѣйшемъ изложеніи, не представляли ничего серьезнѣе, чѣмъ ихъ Американское начало,—то на нихъ давно перестали-бы обращать вниманіе.

«Извѣстно, на что способны дѣвушки»,—сказалъ очень разумно одинъ парижскій кюре по поводу одной одержимой, которая въ XVII вѣкѣ дурачила многихъ добряковъ. Галлюцинація трехъ женщинъ, или ихъ усиленное суевѣріе, было-бы достаточнымъ объясненіемъ гайдесуильскихъ приключеній. Но эти приключенія имѣли продолженія, съ которыми не такъ легко справиться.

Едва семейство Фоксъ поселилось въ Рочестерѣ, какъ духи ушли вмѣстѣ съ ними изъ Гайдесуиля и оказались у нихъ. Это были тѣ же самые духи, потому что это были тѣ же самыя лица, усиленныя госпожей Фишъ, которая вскорѣ превзошла въ ловкости и мать, и своихъ сестеръ.

Въ странѣ положительной, какъ Америка, гдѣ дѣлаются деньги изъ всего, что подвернется подъ руку, семейство Фоксъ очень скоро сообразило, что репутація, которую они привезли съ собой изъ деревни, могла-бы служить прекраснымъ матеріаломъ для эксплоатаціи. Поэтому три женщины упражнялись въ своей роли посредниковъ между духами умершихъ и людьми живущими. Эти звуки, слышимые ими въ ихъ комнатѣ, эти танцы мебели, эти хлестанія бичемъ, были по ихъ толкованіямъ—сигналы душъ умершихъ, желавшихъ войти въ бесѣду со своими находящимися на землѣ родственниками. Три сестры объявляли, что онѣ вполнѣ понимаютъ эту стукотню и обладаютъ азбукой, при помощи которой могутъ истолковывать ее какъ для себя, такъ и для другихъ. Такимъ образомъ онѣ открыли публичное совѣщательное бюро, куда каждый могъ приходить по стольку-то въ часъ, или по стольку-то за сеансъ, чтобы поговорить съ духами своихъ родственниковъ или своихъ умершихъ друзей.

Мѣстные обитатели спѣшили нести туда свои доллары и, курьезная вещь, всѣ выходили довольными тѣмъ, что они видѣли и что слышали въ пещерѣ новѣйшихъ сивиллъ. Успѣхъ дѣвицъ Фоксъ былъ такъ громаденъ, что вскорѣ люди серьезные, просвѣщенные судьи, служители церкви, узрѣли въ этомъ новое откровеніе и провозгласили себя убѣжденными въ истинности спиритическаго характера этихъ явленій.

Нѣкій г-нъ С. Гомонъ издалъ многія брошюры, въ которыхъ онъ излагаетъ свою вѣру на этотъ счетъ, свое долгое сопротивленіе, свои предосторожности, которыя онъ принималъ, чтобы не быть обманутымъ. Двухъ сеансовъ не было достаточно, чтобы убѣдить его, что феномены были ничто иное, какъ химера.

«Во время третьяго посѣщенія, — разсказываетъ онъ, — было восемь часовъ вечера; зажженная свѣча была поставлена на большой столъ, за которымъ мы усѣлись. Я сидѣлъ на одномъ концѣ стола, мать и младшая сестра сѣли отъ меня справа, остальныя двѣ сестры — слѣва; четвертый бокъ стола былъ не занятымъ. Когда мы усѣлись, послышались звуки; они продолжались съ возрастающей силой и быстротой до того, что вся комната стала дрожать. До сихъ

поръ мнѣ ни разу не удавалось слышать чего-нибудь подобнаго. Вдругъ, въ то время, когда мы держали наши руки на столѣ, я почувствовалъ, что столъ подымается съ того конца, у котораго я сидѣлъ. Я желалъ удержать его, употребивъ на это всѣ мои силы, но онъ выскользнулъ изъ подъ моихъ рукъ и самъ собой перенесся на шесть футовъ отъ меня и по крайней мѣрѣ на четыре фута отъ ближайшей особы. Я могъ убѣдиться, что его не оттянула туда, куда онъ сталъ, какая-нибудь проволока, которую тащилъ кто-нибудь изъ присутствовавшихъ, такъ какъ я явился, чтобы разоблачить плутовство, если-бы его замѣтилъ. Одна изъ присутствовавшихъ сказала тогда: «Не соблаговолитъ-ли духъ поставить столъ, гдѣ онъ былъ»? И столъ возвратился къ намъ, точно его несъ кто-нибудь на своей головѣ, причемъ онъ покачивался со стороны въ сторону, не слишкомъ соблюдая равновѣсіе. Въ тоже время демонстраціи становились все болѣе и болѣе шумными. Семья начала пѣть «Пѣсню Духовъ» и многіе другіе отрывки духовной музыки — въ теченіе этого столъ билъ тактъ. Въ эту минуту прозрачная рука, похожая на тѣнь, появилась предъ моимъ лицомъ. Я почувствовалъ, какъ на правомъ вискѣ пальцы потянули меня за прядь *волосъ* и принудили меня наклонить голову. Затѣмъ мертвенно холодная рука приложилась къ моему лицу; я почувствовалъ три слабыхъ удара по лѣвому колѣну, тогда какъ правая нога съ силой была оттолкнута подъ столъ. Двѣ невидимыя руки ударили меня по плечамъ, стулъ, на которомъ я сидѣлъ, вмѣстѣ со мной былъ передвинутъ, я получилъ нѣсколько пощечинъ, которыя нанесла мнѣ по обоимъ щекамъ невидимая рука и въ срокъ болѣе кратчайшій, чѣмъ нужно для того, чтобы это вымолвить, всѣ остальные присутствовавшіе получили столько же. Въ теченіе этого времени кусочекъ картона сталъ перелетать по всѣмъ направленіямъ комнаты. Штора одного изъ оконъ два раза сама собой наворачивалась и спускалась; стоявшая позади меня софа энергически подпрыгивала; два комодныхъ ящика выдвинулись и затѣмъ заперлись съ поразительной скоростью; подъ столомъ слышались звуки пилы, струга и колеса прялки, точно кто-нибудь занятъ былъ серьезной работой. Всѣ эти явленія и очень многія другія,

свидѣтелями которыхъ я былъ въ этотъ вечеръ, нисколько не нарушали моего самообладанія, такъ что я могъ наблюдать самымъ старательнымъ образомъ. Лишь тогда, когда холодная рука коснулась моего лица, я почувствовалъ легкое содроганіе, подобное тому, которое испытывается отъ прикосновенія къ мертвому тѣлу.

«Предполагать, — прибавляетъ Гомонъ, — что творцемъ всѣхъ этихъ явленій былъ кто нибудь изъ присутствовавшихъ, было-бы легкомысленнѣе моей вѣры въ то, что ихъ производили духи. Я былъ такъ остороженъ, что никакая попытка къ плутовству отъ меня не ускользнула-бы. Должно замѣтить, что подъ конецъ моего посѣщенія, я почувствовалъ такое сильное дрожаніе пола, точно тяжесть въ нѣсколько тоннъ свалилась на него съ значительной высоты, и всѣ находившіеся въ комнатѣ предметы дрожали въ теченіе нѣсколькихъ минутъ». Рочестеръ, 22 февраля 1850 года.

Вотъ теперь отчетъ о другомъ сеансѣ, бывшемъ болѣе торжественнымъ, который живо заинтересовалъ американскую публику. Медіумы, по прежнему, дѣвицы Фоксъ; но мѣсто дѣйствія перенесено въ большой городъ Сенъ-Луи на берегахъ Мисисипи. Изъ города этого написали слѣдующее письмо, которое Courrier's des Etats Unis напечаталъ въ своемъ номерѣ 8 Іюля 1852 года.

«Здѣсь происходятъ, да и въ большей части Америки, факты, заслуживающіе нѣкотораго вниманія прессы. Если только они во-истину то, чѣмъ претендуютъ быть, то они служатъ указаніемъ космогонической эры. Если же они скрываютъ подъ собой обманъ, то гдѣ онъ кроется? Зараза распространяется необъяснимымъ способомъ и невозможно указать причину; это галюцинація, овладѣвшая цѣлымъ народомъ. Я говорю о явленіяхъ, извѣстныхъ подъ именемъ спиритическихъ сношеній или манифестацій духовъ того свѣта. Предвижу, что слова эти вызовутъ улыбку сожалѣнія на уста тѣхъ, кто не знаетъ въ чемъ дѣло; но безуміе, если это безуміе, овладѣваетъ умами, хорошо одаренными; никто не имѣетъ права считать себя внѣ опасности и кой-какія объясненія не могутъ казаться излишними.

«Уже третью недѣлю находятся здѣсь дѣвицы Фоксъ. Всѣ

слышавшіе о spiritual rapping, знаютъ, что эти молодыя дѣвушки—первые апостолы пассивные и непроизвольные, новаго откровенія. Болѣе четырехъ лѣтъ онѣ играютъ или исполняютъ эту роль, а старшей нѣтъ еще и девятнадцати лѣтъ. Если эти двое дѣтей надуваютъ публику, то никогда гнусное плутовство не принимало болѣе обманчивой маски. Наконецъ, эти двѣ дѣвушки не имѣютъ исключительной привиллегіи на таинственные феномы; шесть мѣсяцевъ спустя, послѣ появленія здѣсь перваго медіума, число ихъ такъ возросло, что теперь ихъ считаютъ сотнями. Ихъ болѣе десятка тысячъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Для тѣхъ, кто слѣдилъ за распространеніемъ, не можетъ быть рѣчи ни о плутовствѣ, ни о бѣлой магіи. Тѣ, кто отвергаетъ вмѣшательство духовъ, ищутъ объясненія въ электричествѣ и въ магнетизмѣ для этихъ невѣроятныхъ новинокъ. Но теоріи самыя остроумныя не могутъ объяснить происходящаго,—и гипотеза духовъ до сихъ остается единственной, которая, повидимому, разрѣшаетъ всѣ затрудненія. Дѣло здѣсь идетъ не о томъ, чтобы высказаться за или противъ этой гипотезы, а лишь, чтобы описать публичныя и въ нѣкоторомъ родѣ оффиціальныя демонстраціи, происходившія въ присутствіи дѣвицъ Фоксъ».

«Они происходили въ аудиторіи медицинскаго факультета университета Миссури, въ присутствіи пяти-шести сотенъ особъ. Старый мэръ города, извѣстный своей оппозиціей новому ученью, былъ назначенъ предсѣдателемъ собранія. Наблюдательный комитетъ слѣдилъ за опытами, руководимый деканомъ факультета—человѣкомъ, извѣстнымъ на Западѣ своими медицинскими познаніями и своимъ эксцентрическимъ краснорѣчіемъ. Молодыхъ дѣвушекъ посадили за препаровочный столъ такимъ образомъ, что ни малѣйшее ихъ движеніе не могло пройдти не замѣченнымъ. Собраніе, затаивъ дыханіе, созерцало эти двѣ граціозныя фигурки, и великій вопросъ о загробномъ существованіи былъ предложенъ: To be or not to be. Звуки не замедлили послышаться, напоминая собой легкіе удары молотка по столу и на столько отчетливые, что они могли быть слышимы, будь даже зала значительнѣе, просторнѣе. Между деканомъ и духами или, по

крайней мѣрѣ, однимъ изъ нихъ завязался разговоръ по научнымъ вопросамъ, на которые получались умѣстные отвѣты. Правда, они ограничивались словами «да» или «нѣтъ» и духъ былъ ни меньше, ни больше какъ Франклинъ. Впрочемъ, дѣло шло не столько о томъ, чтобы испытать мудрость духовъ, сколько провѣрить электрическую теорію rappings, теорію, по которой дѣвицамъ Фоксъ приписывали такое же свойство, какъ электрическимъ угрямъ. Ихъ изолировали помощью стеклянныхъ табуретовъ, но звуки продолжали раздаваться по залѣ изъ подъ табуретовъ. Рядъ подобныхъ же опытовъ доказалъ, что гальванизмъ и магнетизмъ не при чемъ въ производствѣ явленій. Я говорю здѣсь о магнетизмѣ земномъ; что касается магнетизма животнаго — то, повидимому, онъ остается послѣднимъ рессурсомъ для тѣхъ, кто наотрѣзъ отказывается сдаться духамъ.

«По лукавой минѣ, по репутаціи скептика можно было ждать, что старый профессоръ съ злобнымъ удовольствіемъ разрушитъ все зданіе спиритическаго ученія. Но нѣтъ, анатомъ, наконецъ, оставилъ царство мертвыхъ, матеріалистъ по профессіи, онъ провозгласилъ свою вѣру въ безсмертіе души, ученый объявилъ, что онъ вѣритъ въ присутствіе духовъ и ихъ сношенія при помощи физическихъ средствъ и привелъ по этому предмету нѣсколько объясненій, по меньшей мѣрѣ, очень остроумныхъ, школы Даирса. Я могъ бы поразсказать о болѣе поразительныхъ феноменахъ, чѣмъ эти необъяснимые звуки, которые переворачиваютъ вверхъ дномъ законы матеріалистическаго міра, но я хотѣлъ только отмѣтить факты, которые, по своей достовѣрности, не подлежатъ ни малѣйшему сомнѣнію и въ особенности, это странное и торжественное заявленіе, сдѣланное однимъ изъ жрецовъ науки въ серединѣ XIX вѣка».

Со временъ опубликованія этого отчета число медіумовъ страшно увеличилось въ Америкѣ. Ихъ насчитывали до шестидесяти тысячъ и всѣ они, какъ увѣряютъ, дѣлали не дурные гешефты, одни—давая сеансы для простого любопытства, другіе—примѣняя свою способность къ леченію больныхъ, а большая часть—вводя своихъ кліентовъ въ сношеніе съ духами.

Притомъ, съ самаго начала пропаганда совершалась съ такой быстротой, что менѣе, чѣмъ въ годъ, послѣ событія съ дѣвицами Фоксъ всѣ главные города американскаго континента Бостонъ, Провиденсъ, Нью-Гавенъ, Страдфордъ, Цинцинати, Буфало, Джеферсонъ, Сенъ-Луи, Обрюнъ, Манчестеръ, Лонъ-Эйландъ, Портсмутъ, Нью-Брайтонъ и т. д. были наводнены пропов̀ѣдниками новаго открытія и создали въ свою очередь новыхъ адептовъ, которые распространяли его въ другихъ мѣстахъ. Дѣвицы Фоксъ, имѣвшія въ началѣ монополію этаго новаго промысла, нашли болѣе сильныхъ конкуррентовъ; но они долго оставались наиболѣе посѣщаемыми и наилучше оплачиваемыми. Если число кліентовъ американскихъ медіумовъ было пропорціонально числу пользующихся ихъ услугами, какъ естественно предположить, то авторъ письма, которое мы только что прочитали, не преувеличилъ, говоря, что увлеченіе стучащими духами овладѣло «почти цѣлымъ народомъ».

Въ добавокъ, существуетъ одинъ документъ, который не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія относительно прогресса этой эпидеміи въ Америкѣ. Это—петиція, адресованная законодательному собранію штатовъ значительнымъ числомъ гражданъ, не знающихъ, что имъ объ этомъ думать, которой они испрашивали совѣта и нравственной поддержки для сопротивленія потоку или, наоборотъ, законнаго разрѣшенія отдаться ему. Во Франціи и другихъ католическихъ странахъ въ подобномъ обстоятельствѣ обратились бы къ папѣ, но въ Америкѣ, гдѣ законодательное собраніе составляетъ для всѣхъ единственную властъ и единственный оракулъ—отъ него испрашиваютъ нравственныхъ и религіозныхъ инструкцій, такъ же, какъ упорядоченія общественнаго управленія. Отъ него желали получить или оправданія ереси стучащихъ духовъ, или догматическаго опредѣленія этой новой тайны.

Вотъ этотъ любопытный адресъ, подписанный сорока тысячами гражданъ, между которыми встрѣчаются многія имена лицъ, пользующихся большимъ уваженіемъ въ странѣ.

«Нижеподписавшіеся граждане республики Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ почтительно излагаютъ ува-

жаемому собранію, что съ нѣкотораго времени въ нашей странѣ, какъ и въ большей части Европы, обнаружились извѣстные физическіе и интелектуальные феномены загадочнаго происхожденія и таинственной тенденціи. Феномены эти даже такъ усложнились на сѣверѣ, западѣ и центрѣ Соединенныхъ Штатовъ, что ими живо заинтересовано общественное вниманіе. Особенность природы того предмета, на который мы желаемъ обратить вниманіе уважаемаго собранія, не можетъ быть оцѣнена поспѣшнымъ анализомъ различныхъ родовъ проявленій,—и мы ниже даемъ ихъ несовершенный перечень:

«1) Скрытая сила, примѣняющаяся къ передвиженію, поднятію, поддерживанію на воздухѣ и измѣненію различными другими способами нормальнаго положенія многихъ вѣскихъ предметовъ, совершающимся въ прямомъ противорѣчіи съ законами природы и совершенно превосходящимъ разумѣніе и пониманіе человѣческое; сила эта проявляется въ присутствіи людей развитыхъ и здравомыслящихъ съ безъуспѣшной попыткой для человѣческаго разума открыть, для удовлетворенія общества, первоначальныя или приблизительныя причины этихъ феноменовъ.

«2) Сіянія и свѣтовыя явленія различныхъ формъ и разнообразнаго цвѣта, появляющіяся въ темныхъ покояхъ, гдѣ не существуетъ никакихъ веществъ, способныхъ развить химическую реакцію или фосфоресценцію и въ отсутствіи всякихъ приборовъ или инструментовъ, способныхъ породить электричество или вызвать горѣніе.

«3) Другая фаза феноменовъ, на которые мы обращаемъ державное вниманіе собранія, состоитъ въ разнообразныхъ звукахъ, въ настоящее время чрезвычайно часто встрѣчающихся, чрезвычайно разнообразныхъ по характеру и болѣе или менѣе важныхъ посвоему значенію. Звуки эти состоятъ частью въ извѣстнаго рода таинственныхъ постукиваніяхъ, повидимому, указывающихъ на присутствіе незримаго разумнаго существа. Къ тому же, часто случается слышать звуки, схожіе съ тѣми, которые раздаются въ мастерскихъ различныхъ механическихъ профессій или даже болѣе похожіе на рѣзкій шумъ вѣтра и бури, къ которымъ при-

мѣшивается скрипъ мачтъ и кузова корабля, борющагося съ сильнымъ штормомъ. Порой слышатся громкіе звуки, похожіе на раскаты грома или выстрѣлы изъ орудій; звуки ихъ сопровождаются сотрясеніемъ окружающихъ предметовъ и порой дрожаніемъ цѣлаго дома, въ которомъ совершается феноменъ. Въ другихъ обстоятельствахъ, гармоническіе звуки ласкаютъ слухъ то какъ человѣческіе голоса, а чаще, какъ аккорды нѣсколькихъ музыкальныхъ инструментовъ: флейты, барабана, рожка, гитары, арфы и фортепіано. Звуки эти совершаются таинственно, то разомъ, то по одиночкѣ; то безъ всякаго участія находящихся тутъ же инструментовъ, то эти инструменты играютъ сами собой и, во всякомъ случаѣ, безъ всякаго видимаго участія человѣка или какой-нибудь другой зримой силы. Феномены эти, повидимому, производятся,—касаясь лишь вопроса ихъ распространенія,—согласно съ процессами и принципами, признаваемыми акустикой. Видимо, существуетъ колебательное движеніе воздуха, которое дѣйствуетъ на слуховой нервъ и на центральный органъ слуха, хотя происхожденіе этихъ воздушныхъ колебаній не поддается удовлетворительнымъ объясненіямъ для большей части самыхъ серьезныхъ наблюдателей. Всѣ человѣческія, душевныя и тѣлесныя, отправленія находятся порой подъ страннымъ вліяніемъ, такъ что вызываютъ совершенно не нормальное состояніе системы вслѣдствіе причинъ, которыя не были ни опредѣлены убѣдительно, ни поняты. Невидимая сила прерываетъ часто то, на что мы привыкли смотрѣть, какъ на нормальное отправленіе нашихъ способностей, прекращая чувствительность, пріостанавливая способность къ произвольнымъ движеніямъ и циркуляцію животныхъ жидкостей, понижая температуру членовъ или частей тѣла до холодности и неупругости трупа. Иногда на нѣсколько часовъ и цѣлыхъ дней совершенно прекращается дыханіе, послѣ чего душевныя способности и отправленія тѣла вполнѣ принимаютъ свой обычный ходъ. Однако, простительно утверждать, что въ многочисленныхъ случаяхъ за этими феноменами слѣдуетъ постоянно разстройство духа и неизлечимыя болѣзни; но тѣмъ не менѣе вѣрно, что многіе, страдающіе органическими пороками или

болѣзнями застарѣвшими и, повидимому, неизлечимыми, получали быстрое облегченіе или совершенно излечивались той же таинственной силой.

«Принимая въ соображеніе, что существенно важно и строго совмѣстно съ духомъ нашихъ установленій обратиться къ представителямъ народа по всѣмъ вопросамъ, которые, какъ прямодушно думается, должны привести къ открытію новыхъ принциповъ и повлечь за собой могущественныя послѣдствія для рода человѣческаго, мы, ваши сограждане, настоятельно просимъ васъ просвѣтить насъ по этому предмету.

«Въ виду фактовъ и соображеній, помѣщенныхъ въ настоящемъ мемуарѣ, ваши сограждане обращаются къ уважаемому собранію съ петиціей, чтобы назначенъ былъ кредитъ, который далъ бы возможность членамъ комиссіи довести ихъ изслѣдованіе до конца. Мы вѣримъ, что прогрессъ науки и истинные интересы человѣчества извлекутъ большую пользу изъ результатовъ разслѣдованія, которыхъ мы желаемъ и вполнѣ надѣемся, что наша просьба будетъ одобрена и удовлетворена уважаемой камерой федеральнаго конгресса».

Конгрессъ Соединенныхъ Штатовъ, заслушавъ эту петицію, перешелъ къ очереднымъ дѣламъ, но приведенный выше мемуаръ не теряетъ черезъ это своей цѣнности, которую даетъ ему сорокъ тысячъ подписей и тонъ совершеннѣйшей вѣры и даже прямодушія, съ которымъ онъ составленъ. Подписавшіеся не преувеличиваютъ, говоря, что скрытая сила, которой они приписываютъ всѣ эти дѣйствія, непонятная по принципамъ законовъ природы, обнаруживается въ присутствіи тысячъ людей просвѣщенныхъ и разумныхъ. Мы только что видѣли въ изложеніи Гомонда подробности странныхъ явленій, совершавшихся на его глазахъ, даже на его особѣ, и которые завершились его обращеніемъ. Случай съ этимъ преподобнымъ пасторомъ былъ не единственнымъ въ протестантскомъ духовенствѣ Америки; хотя нужно отдать справедливость, что большинство священнослужителей этого исповѣданія соединилось съ нѣсколькими политическими дѣятелями, чтобы торжественно

осудить занятія, опасность которой не заключается лишь въ одной ереси.

Какъ бы то ни было, но вотъ появились другія лица, еще менѣе способныя быть обманутыми, или болѣе осторожныя по своей профессіи, чѣмъ церковнослужители, относительно которыхъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія о корыстномъ потворствѣ. Почтенные судьи приняли за несомнѣнное проявленіе духовъ и, сдѣлавшись прозелитами новаго ученія, стали вслѣдъ за этимъ его апостолами.

Это прежде всего М. Симонсъ. Этотъ почтенный судья потерялъ сына. Чего горе не въ силахъ сдѣлать надъ сердцемъ отца?! Ему предложили вызвать это дорогое существо, которое онъ видѣлъ, увы, лишь въ своихъ воспоминаніяхъ. Симонсъ согласился, операціи начались, и дѣйствующій медіумъ объявилъ, что видитъ покойнаго. Онъ описываетъ его и даже заставляетъ говорить. Отецъ, уже пораженный и портретомъ, и языкомъ вызваннаго призрака, все же требуетъ новыхъ доказательствъ: «Пусть онъ мнѣ напишетъ и навѣрняка я его узнаю». Тогда дали медіуму карандашъ. Такимъ образомъ получилось трогательное письмо, въ которомъ отецъ, еще болѣе разстроганный, чѣмъ удивленный, призналъ не только идеи и чувства своего сына, но даже его почеркъ, его неправильный стиль, вплоть до привычныхъ грамматическихъ ошибокъ.

Другое обращеніе, Джонса Эдмонса, члена высшаго суда въ Нью Іоркѣ и бывшаго предсѣдателя Сената, имѣло своей исходной точкой тоже нѣжное чувство къ умершему лицу. Вотъ подробности по этому предмету, которыя мы находимъ въ сочиненіи, изданномъ Спенсеромъ подъ заглавіемъ «Видѣнія и звуки» (Sights and sounds).

«Первымъ фактомъ, породившимъ въ умѣ судьи Эдмонса нѣкоторыя сомнѣнія—было появленіе жены, которую онъ потерялъ нѣсколько недѣль передъ тѣмъ. Онъ былъ приглашенъ вторично воспользоваться тѣмъ же утѣшеніемъ одной дамой, которой его жена тоже появлялась; дама эта во второй сеансъ возбудила въ немъ желаніе серьезно познакомиться съ натурой такихъ необыкновенныхъ фактовъ;

тогда онъ внесъ въ свои изслѣдованія все благоразуміе и искусство человѣка, съ давнихъ поръ привыкшаго къ судебнымъ разслѣдованіямъ. Онъ потребовалъ доказательствъ, не довольствуясь стуками, ударами и верченіями обыкновенныхъ столовъ.

«Эти неопредѣленныя сношенія съ духовнымъ міромъ не вполнѣ его удовлетворяли и, можетъ быть, утомленный результатами, которые не отвѣчали его ожиданіямъ, онъ бы окончательно ушелъ, еслибы не появились нѣкоторые знаменательные феномены для того, чтобы окончательно заставить его сдаться, но лишь, какъ самъ онъ это говоритъ, въ тотъ моментъ, когда «здравый разсудокъ не допускалъ болѣе отрицать очевидности» . . . .

. . . .

«20 мая настоящаго 1852 года собралось общество въ домѣ М. Партриджа въ Нью-Іоркѣ; считая съ нимъ, было около двадцати особъ.

«Вскорѣ раздались стуки и духи потребовали, чтобы сыграли на фортепіано, стоявшемъ посреди комнаты. Этому повиновались и въ теченіе исполненія удары били правильно тактъ, ихъ сопровождали самыя странныя подскакиванія всѣхъ столовъ и стульевъ, изъ которыхъ многіе были перенесены и, затѣмъ, вскорѣ были установлены на прежнія мѣста. Во всякомъ случаѣ, эти простыя явленія и, въ настоящее время, совершенно обычныя, были лишь прелюдіей къ явленіямъ болѣе ошеломляющаго характера.

«Когда кто-то предложилъ погрузить во мракъ комнату, въ которой тѣ находились, свѣтъ появился въ различныхъ пунктахъ комнаты; мѣстами онъ образовалъ свѣтящіяся и подвижныя облака, въ другихъ мѣстахъ принималъ форму блестящихъ звѣздъ, кристалловъ, бриллiантовъ. Эти физическія явленія, увеличиваясь постепенно въ силѣ и напряженности, длились въ продолженіи трехъ часовъ; въ теченіе всего этого времени,—говоритъ авторъ отчета,—судья, повидимому, самъ находился во власти духовъ и повторялъ нѣсколько разъ, что тѣ объявляли ему вещи, которыя происходили нѣкогда и о которыхъ онъ одинъ могъ знать».

«Во время этихъ откровеній прекрасно замѣтно было, что

что-то необыкновенное дѣйствовало на него и вокругъ него. Наконецъ, въ слѣдующемъ собраніи судья Эдмонсъ получилъ отъ невидимаго голоса извѣщеніе, что онъ сдѣлается медіумомъ. Это предсказаніе исполнилось, такъ какъ вскорѣ онъ сдѣлался свѣтиломъ первой величины и однимъ изъ первыхъ медіумовъ Америки».

Судья Эдмонсъ, до того времени надсмѣхавшійся надъ вѣрованіями въ духовъ, сталъ позднѣе не только медіумомъ первой силы, но пророкомъ, апостоломъ новаго ученія. Онъ опубликовалъ, въ сотрудничествѣ съ губернаторомъ штата Висконсинъ и съ докторомъ Векстеромъ, вольнопрактикующимъ врачемъ города Нью-Іорка, работу, которая разсматривалась, какъ оффиціальный манифестъ спиритическаго движенія.

Католическій писатель Г. С. де-Ларошъ-Геронъ имѣлъ случай совѣщаться съ американскими оракулами и передаваемый имъ разсказъ о посѣщеніи семейства Фоксъ, заключаетъ въ себѣ интересныя подробности, которыя побуждаютъ насъ ихъ разсказать.

Одинъ изъ друзей этого писателя привелъ его къ госпожѣ Броунъ, бывшей Фишъ, старшей изъ сестеръ Фоксъ, которая развелась по повелѣнію духовъ для того, чтобы вступить въ новый бракъ.

Заработокъ отъ спиритизма,—говоритъ Ларошъ-Геронъ,—доставилъ возможность г-жѣ Броунъ покинуть Рочестеръ и устроить себѣ болѣе широкую арену. Она владѣетъ прехорошенькимъ домомъ, гдѣ живетъ со своими сестрами, имѣющими теперь отъ семнадцати до двадцати лѣтъ. Духи объявили госпожѣ Фишъ, что господинъ Фишъ ей не пара. Поэтому она развелась и вышла замужъ за господина Броуна, который помоложе его предмѣстника. Госпожа Броунъ не дурна собой и, повидимому, имѣетъ лѣтъ тридцать. Она продолжаетъ свою коммерцію въ Нью-Іоркѣ, давая у себя на дому по три совѣщательныхъ сеанса въ день; но съ того времени, какъ муниципальныя власти входили въ обсужденіе вопроса, не слѣдуетъ-ли запретить спиритическіе кружки, она совершаетъ свои операціи подъ сурдинкой.

«2-го апрѣля, въ семь часовъ вечера, мы отправились къ

г-жѣ Броунъ въ сопровожденіи пріятеля, консула одной изъ европейскихъ державъ, человѣка очень развитаго; насъ ввелъ въ залу лакей, предварительно получивъ отъ насъ обычную плату. Мы были никому неизвѣстны; насъ не ожидали и мы были убѣждены, что покуда г-жа Броунъ еще не знаетъ ни нашихъ именъ, ни нашего прошлаго. Лакей объявилъ намъ, что эти дамы пьютъ чай и выйдутъ къ намъ черезъ нѣсколько минутъ. Мы воспользовались временемъ, чтобы изслѣдовать во всѣхъ направленіяхъ залу, куда насъ ввели, постукивая въ стѣны, приподымая столы, ища вездѣ, но безплодно, двойнаго дна, спускныхъ дверей, металлическихъ проволокъ или акустическихъ проводниковъ. Вскорѣ къ намъ присоединились двое мужчинъ и три дамы, но, казалось, они были друзьями дома и легко могли сойти за пособниковъ, если только тутъ пособничество имѣло мѣсто. Одинъ изъ мужчинъ, сухощавый старикъ, длинный какъ висѣлица, объявилъ, что онъ каждый вечеръ приходитъ бесѣдовать съ духами своихъ умершихъ дочерей. Онъ въ полной власти своихъ галлюцинацій и вѣроятно не пройдетъ и шести мѣсяцевъ, какъ сойдетъ съ ума. Появилась г-жа Броунъ съ сестрами и предложила намъ усѣсться вокругъ длиннаго овальнаго стола.

«Вамъ легко было придти для совѣщанія съ духами,— сказала г-жа Броунъ.—Но дѣло въ томъ, что сперва нужно, чтобы они были въ комнатѣ—они появятся только черезъ шесть или десять минутъ; покуда мы можемъ поболтать о предметахъ постороннихъ».

Общество послѣдовало этому совѣту; вдругъ послышались стуки въ столѣ, потомъ въ полу, затѣмъ въ стѣнахъ, въ потолкѣ, въ окнахъ; стукотня сдѣлалась такой сильной и такой непрерывной, какъ дробь многихъ барабановъ. «Какъ видите,—сказала г-жа Броунъ духи уже есть и вы можете съ ними совѣщаться».

Мы стали отдавать себѣ отчетъ о причинахъ этихъ необычайныхъ звуковъ, которые вскорѣ, казалось, локализировались въ одномъ столѣ. Одинъ изъ насъ снялъ скатерть и прислонилъ ухо къ стольницѣ; нашъ пріятель сѣлъ на корточки подъ столомъ и въ такомъ положеніи обоимъ намъ казалось, что стуки исходятъ изъ-подъ стола.

Мы спросили медіума, будутъ-ли слышаться стуки со всякаго твердаго тѣла, которое мы укажемъ; послѣ ея утвердительнаго отвѣта, мы отперли одно окно; г-жа Броунъ и одна изъ ея сестеръ, сплетясь руками, подняли ихъ по направленію къ одному изъ стеколъ, причемъ стекло было отъ нихъ въ разстояніи около фута. Тотчасъ же, къ нашему великому удивленію, раздались звуки, похожіе на стукъ десяти пальцевъ по стеклу; мы потребовали, чтобы послѣдовательно стуки раздавались со всѣхъ стеколъ и достаточно намъ было указать стекло, чтобы стало раздаваться тоже барабаненье.

Не зная, какимъ образомъ приняться за распрашиваніе духовъ, мы предоставили старому маніаку дать намъ примѣръ, и онъ поспѣшилъ вступить въ разговоръ съ тѣмъ, что онъ считалъ духомъ своей дочери,—то получая отвѣты «да» или «нѣтъ» (на языкѣ г-жи Броунъ три удара означаютъ «да», одинъ ударъ «нѣтъ», два удара—отвѣтъ сомнительный), то длинныя фразы, составляемыя быстрымъ складываніемъ азбуки; всѣ отвѣты извѣщали о благополучіи души на томъ свѣтѣ и желаніи ея, чтобы отецъ къ ней туда присоединился. Тогда мы рискнули сами предложить слѣдующіе вопросы по-французски: духи пользуются репутаціей полиглотовъ и отвѣчаютъ на всѣхъ извѣстныхъ языкахъ.

«Есть ли здѣсь кто-либо изъ духовъ моихъ умершихъ родственниковъ»? — Послышались три утвердительныхъ стука. «Можетъ быть это духъ моего отца»?—Опять три удара. «Моя мать тоже здѣсь»?—Три легкихъ стука раздались, казалось, въ другой части комнаты. «Матушка, зналъ-ли я васъ?» — Одинъ отрицательный ударъ. «Счастливы-ли на томъ свѣтѣ вы»?—Три удара. «Были ли вы счастливы на землѣ?»—Три удара.

«Этотъ необыкновенный разговоръ не могъ не причинить намъ нѣкотораго волненія и въ теченіе минуты мы безмолствовали. Госпожа Броунъ пригласила насъ тогда провѣрить, дѣйствительно-ли это души нашихъ родныхъ, спросивъ о фактахъ интимныхъ, неизвѣстныхъ медіумамъ и остальному собранію. Они даже намъ сказали, что для предупрежденія всякаго плутовства, мы можемъ изложить письменно наши вопросы и получить отвѣты духовъ такимъ образомъ, что никто

и ъ присутствующихъ не будетъ читать и не будетъ знать, что мы спрашиваемъ. Тогда мы сказали громко слѣдующее: «Духъ, стукни три раза, когда я напишу имя моей матери». Затѣмъ, взявши бумагу, вдали отъ всѣхъ взглядовъ, мы последовательно написали пять именъ, между которыми не было имени матери. Все оставалось спокойнымъ. Мы написали первую букву материнскаго имени. Тотчасъ же разразились три удара, прежде чѣмъ слово было окончено.

«Мы такимъ образомъ послѣдовательно предложили съ пятьдесятъ вопросовъ объ именахъ, случаяхъ, числахъ, о которыхъ, какъ мы знали, никому не было извѣстно въ Америкѣ: неизмѣнно мы получали удовлетворительные отвѣты, безъ малѣйшей ошибки. Намъ были даже указаны различныя болѣзни, которыми страдали наши разные родственники, причины ихъ смерти и другія подробности съ точностью чудесной.

«Нашъ пріятель тоже получилъ вдоволь столько же многознаменательныхъ отвѣтовъ, согласныхъ съ истиной и безъ малѣйшей неточности.

Затѣмъ, желая разсѣять туманъ этихъ феноменовъ, мы громко спросили:

— Вы посланы Богомъ?—«Да».

— Не вѣрнѣй-ли, что вы посланы діаволомъ?—«Нѣтъ».

Г. де-Ларошъ-Геронъ въ статьѣ, которую онъ издалъ объ американскихъ медіумахъ, и изъ которой мы привели выдержку, отзывается очень враждебно объ этой сектѣ.

XV.

Объясненіе стуковъ стучащихъ духовъ.

Мы должны объяснить читателю происхожденіе таинственныхъ стуковъ, которыми американскіе духи, получившіе даже спеціальное названіе стучащихъ духовъ (spirit rappings), впервые обнаружили свое присутствіе. Стучащіе духи, сказать по правдѣ, издавали свои тукъ-тукъ лишь въ американскихъ кружкахъ и по вызову дѣвицъ Фоксъ и ихъ многочисленныхъ послѣдователей. Въ Европѣ эти таинственные стуки рѣдко раздавались, или имъ не придавали серьезнаго зна-

ченія. Но это не освобождаетъ насъ отъ того, чтобы сказать о нихъ нѣсколько словъ.

Если плутовство не было настоящимъ объясненіемъ для таинственныхъ стуковъ, которые дѣвицы Фоксъ и ихъ многочисленные соревнователи заставляли слышать вѣрующихъ въ Америкѣ, то можно объяснить ихъ себѣ, не оскорбляя вѣрующихъ, гипнотическимъ состояніемъ. Такъ какъ во время этого физіологическаго сна субъектъ не имѣетъ никакого сознанія о совершаемыхъ имъ актахъ, то ничто не мѣшаетъ думать, что онъ самъ творецъ этихъ таинственныхъ ударовъ и что послѣ сеанса, во время котораго происходили эти явленія, онъ можетъ утверждать съ полной искренностью, что онъ тутъ не при чемъ.

Объясненіе это мы считаемъ удовлетворительнымъ для ударовъ въ стѣны предполагаемыхъ духовъ. Но это не освободитъ насъ отъ обязанности изложить другое объясненіе для тукъ-туковъ spirit rappings'овъ. Это то, которое въ первый разъ предложено было ученымъ Соединенныхъ Штатовъ, докторомъ Флинтомъ и которое нѣсколько лѣтъ спустя повторено было нѣмецкимъ физіологомъ I. Шиффомъ и изложено предъ Парижской Академіей Наукъ.

Флинтъ, а послѣ него Шиффъ, открыли, что, при быстромъ сокращеніи нѣкоторыхъ мышцъ, можно слышать звуки или шумы безъ всякаго замѣтнаго движенія тѣла. Шиффъ полагаетъ, что американскіе медіумы, или ихъ участники пускали въ ходъ это свойство, чтобы симулировать таинственные стуки, приписываемые ими духамъ.

По Шиффу шумы эти, сходные со слабыми и заглушенными ударами молотка, и которые слабые умы удостоивали приписывать присутствію сверхъестественныхъ существъ, не имѣли инаго источника, кромѣ извѣстнаго скрытаго движенія, которое кто-нибудь имѣлъ способность производить сокращеніемъ какого-нибудь мускула ноги. Доказано, что сухожиліе длинной боковой берцовой мышцы, ударяя о гладкую поверхность голени, можетъ производить довольно сильный звукъ, который удается слышать на нѣкоторомъ разстояніи. Докторъ Шиффъ, добившійся въ этомъ курьезномъ упражненіи нѣкотораго совершенства, заставлялъ по

произволу раздаваться послѣдовательные и правильные шумы. Въ то время, когда онъ совершалъ эти движенія, стоя или лежа, въ обуви и безъ нея, одинъ изъ зрителей, положивъ руку на одинъ изъ мыщелковъ (костистое возвышеніе, находящееся въ нижней части ноги) могъ распознать и чувствовать сокращеніе боковой длинной берцовой мышцы.

Въ апрѣлѣ 1859 года онъ публично демонстрировалъ на засѣданіи Парижской Академіи Наукъ свою способность управлять мускулами голени. Введенный въ залу засѣданія института, онъ былъ посаженъ посреди комнаты, чтобы быть видимымъ всѣми и чтобы изолировать его отъ всякаго соучастника.

«Господа, стучащій духъ ожидаетъ вашихъ повелѣній»,— сказалъ Шиффъ, поднявъ руки и раздвинувъ пальцы.

Онъ широко раскрылъ ротъ, чтобы убѣдить зрителей, что ни пальцы его, ни ротъ будутъ не при чемъ при ударахъ, которые онъ собирался издавать.

Тогда стучащему духу приказали приступить къ дѣлу. Тотчасъ же послышались маленькіе частые удары, точно какъ-бы вдали стучали.

— Потрудитесь постучать снова, — сказалъ другой присутствовавшій. Въ то же мгновеніе стуки возобновились и на этотъ разъ казались болѣе близкими къ аудиторіи.

Этотъ маневръ повторялся нѣсколько разъ и не было никакой возможности различить, откуда издаются звуки

Не желая дольше держать въ неизвѣстности академиковъ о причинѣ удивившаго ихъ феномена, Шиффъ показалъ имъ свою правую ногу и, вызвавши сильное сокращеніе берцовыхъ мышцъ, произвелъ тѣ же стуки.

Вслѣдъ за опытомъ, произведеннымъ докторомъ Шиффъ въ Академіи наукъ на засѣданіи ея 18 апрѣля 1859 года, Жобертъ (де-Ламбаль) сообщилъ сходный патологическій случай. Разница состояла только въ томъ, что опыты, произведенные Шиффомъ, входили въ область физіологіи и шумы, которые онъ ловко производилъ, совершались по его волѣ; въ случаѣ же, наблюдаемомъ Жобертомъ, дѣло шло о болѣзни, характеризовавшейся ударами, которые слышались позади

праваго внѣшняго мыщелка и имѣли правильность шума. Хирургической операціей Жобертъ устранилъ ненормальное анатомическое строеніе, бывшее ихъ причиной, и всякіе звуки прекратились.

Вельно подтвердилъ наблюденія Жоберта, удостовѣривъ, что тотъ родъ шума, о которомъ идетъ рѣчь, можетъ происходить нормально во многихъ областяхъ человѣческаго тѣла; бедро, плечо, внутренняя часть стопы бываютъ иногда, по словамъ хирурговъ Charité, мѣстомъ происхожденія аналогичныхъ шумовъ. Вельно сообщилъ случай объ одной дамѣ, которая посредствомъ извѣстнаго рода вращенія туловища могла производить звуки, которые можно было слышать съ другого конца залы.

Жюль Клоке разсказываетъ, что однажды, ему привели въ госпиталь Сенъ-Луи молодую дѣвушку шестнадцати,—девятнадцати лѣтъ, которая производила сильный и довольно правильный трескъ посредствомъ легкаго вращательнаго движенія поясницы. Трескъ этотъ, который былъ слышенъ на разстояніи девяти метровъ, походилъ,—какъ говоритъ Жюль Клоке,—на звукъ стараго вертела. Отецъ этого феномена былъ скоморохомъ, показывавшимъ публично свою дочь, объявляя, что у нея маятникъ въ животѣ.

Мы сказали, что докторъ Флинтъ въ Америкѣ предшествовалъ Шиффу въ объясненіи ударовъ стучащихъ духовъ мускульными сокращеніями. Будетъ не безполезно привести здѣсь подлинныя замѣтки Г. Флинта. Основаніе къ этому тѣмъ большее, что авторъ ведетъ въ нихъ рѣчь о дѣвицѣ Фоксъ и ея сестрѣ, госпожѣ Фишъ.

Остинъ Флинтъ, профессоръ медицинской клиники университета Буффало, приписываетъ шумы, производившіеся Рочестерскими стукольщицами, не сокращенію сухожилій берцовой мышцы, а движеніямъ колѣннаго сочлененія. Господинъ Флинтъ подвергъ личному наблюденію этихъ двухъ героинь и послѣ этого изслѣдованія онъ написалъ слѣдующій мемуаръ:

«Любопытство побудило насъ,—разсказываетъ докторъ Остинъ Флинтъ,—посѣтить залу «Phelpi House», въ которой двѣ женщины изъ Рочестера (госпожа Фишъ и дѣвица

Фоксъ), по ихъ увѣреніямъ, получали изъ міра духовъ стучащія сообщенія, посредствомъ которыхъ можно войти въ сношенія съ умершими родственниками или друзьями и т. п.; мы прибыли для физіологическаго объясненія явленія, объясненія, основательность котораго доказалъ одинъ случай, представлявшійся нашему наблюденію. Тогда мы почувствовали, въ какой степени необходимо доставить публикѣ объясненіе, которое на будущее время можетъ содѣйствовать къ устраненію заблужденій, въ которыя ее вводитъ этотъ обманъ уже съ очень долгаго времени.

«Прежде всего слѣдуетъ условиться, что явленія не должны разсматриваться, какъ сверхъестественныя, съ той минуты, когда для нихъ можно подъискать физическую или физіологическую причину. Простительно взывать къ дѣятелямъ нематеріальныхъ лишь тогда, когда нѣтъ на лицо дѣятелей матеріальныхъ. Поэтому мы должны исключить всякую спиритическую причину въ этой части нашихъ изслѣдованій. Что касается искусственныхъ приспособленій, которыя могла-бы скрывать одежда, всѣ согласны, что этого нѣтъ. Наконецъ, гипотезу эту нельзя допустить,—дамскіе комитеты не разъ осматривали стукольщицъ.

«Очевидно также, что стуки не производятся какими-нибудь аппаратами, помѣщаемыми въ столахъ, дверяхъ и т. п., такъ какъ они раздаются въ различныхъ комнатахъ и въ разныхъ мѣстахъ одной и той же комнаты, гдѣ находятся женщины изъ Рочестера... и всегда неподалеку отъ того мѣста, гдѣ онѣ находятся. Предположеніе о механизмѣ или какихъ-нибудь приспособленіяхъ должно быть тоже исключено.

«Вотъ, что можно сказать въ пользу отрицательной стороны явленій. Теперь, что касается положительной, то наблюдая обѣихъ женщинъ становится яснымъ, по ихъ манерѣ держать себя, что звуки обязаны происхожденіемъ младшей изъ нихъ и что они нуждаются въ усиліи ея воли, которое она искусно старается замаскировывать. Допустивъ это усиліе, очевидно, она не могла-бы продолжать его долго безъ утомленія. При допущеніи этого положительнаго факта рождается вопросъ: какимъ образомъ воля можетъ производить звуки безъ видимыхъ движеній тѣла. Произвольно сокращающіяся мышцы

суть единственные органы, находящіеся подъ прямымъ контролемъ воли. Но сокращенія мышцъ не производятъ сами по себѣ ощутительнаго звука. Значитъ, чтобы мышцы развили вибрацію, доступную уху, необходимо чтобы они подѣйствовали на части, съ которыми находятся въ соприкосновеніи. Конечно, звука эти не могутъ имѣть характера вокальнаго; послѣдніе не могутъ быть произведены безъ участія дыхательныхъ мышцъ, что не замедлило-бы открыть источникъ ихъ. Исключая, по этой причинѣ, вокальные звуки, единственнымъ возможнымъ источникомъ занимающихъ насъ шумовъ остаются сокращенія произвольныхъ мускуловъ, дѣйствующихъ на одно или нѣсколько подвижныхъ сочлененій скелета. Это единственное допустимое объясненіе.

«Благодаря любопытному совпаденію, напавъ на теоретическое объясненіе звуковъ, намъ представлялась возможность наблюдать одинъ случай, ясно доказывавшій фактъ, что шумы совершенно тождественные ударамъ стучащихъ духовъ, могутъ производиться въ колѣнномъ сочлененіи.

«Одна уважаемая въ нашемъ городѣ дама имѣетъ способность издавать звуки, вполнѣ схожіе по характеру и силѣ съ тѣми, про которые рочестерскіе обманщики увѣряютъ, что они исходятъ отъ міра духовъ. Мы присутствовали при совершеніи дамой этихъ стуковъ, и она дозволила намъ изслѣдовать, какимъ механизмомъ они производятся. Не входя здѣсь въ мелочныя анатомическія и физіологическія подробности, достаточно объяснить, что вслѣдствіе ослабленія связокъ колѣннаго сочлененія и посредствомъ дѣйствія мышцъ и оттягиванія нижняго конца къ точкѣ прикрѣпленія, берцовая кость сдвигается на поверхность голени, производя такимъ образомъ частичное боковое смѣщеніе. Это совершается произвольно, безъ видимаго движенія члена, и производитъ замѣтный звукъ; возвращеніе кости на свое мѣсто сопровождается вторичнымъ звукомъ. Большинство рочестерскихъ стуковъ—тоже двойные. Возможно, однако, производить лишь одиночный звукъ, смѣщая кость съ желанной силой и скоростью и затѣмъ дозволяя ей скользнуть на свое мѣсто; въ этомъ случаѣ звука при возвратѣ не будетъ.

«Если, во время производства этихъ стуковъ, производящій

ихъ органъ или какая-нибудь другая часть экспериментатора будетъ находиться въ соприкосновеніи съ окружающими предметами, то получатся замѣтныя вибраціи въ этихъ предметахъ. Сила неполнаго смѣщенія кости достаточна, чтобы замѣтно сотрясти столы, двери и т. д., если они находятся въ прикосновеніи. Напряженность звука измѣняется соотвѣтственно силѣ мускульнаго сокращенія и кажущійся источникъ стуковъ можетъ тоже стать болѣе или менѣе отчетливымъ.

«Разоблаченія, помѣщенныя въ этомъ сообщеніи, вызвали живую ажитацію тѣхъ, которыхъ стуки непосредственно касались.

«Правильность объясненія была констатирована не только на этихъ, но и на многихъ другихъ особахъ, которыя, впрочемъ, никогда не колебались разсматривать эти, яко бы спиритическія сношенія, какъ грубую хитрость. Понятно, стукольщицы энергически отрицали, что звуки производятся сочлененіями и производятся при ихъ участіи.

«По требованію самихъ стукольщицъ, съ которыми они обратились къ докторамъ Флинту, Ковентри и Лэ, подвергнуть ихъ изслѣдованію, имѣвшему назначеніемъ доказать отсутствіе съ ихъ стороны всякаго обмана, были сдѣланы слѣдующія наблюденія.

«Собрались, немного времени спустя послѣ того, какъ стуки стали раздаваться съ силой и продолжать учащаться въ теченіе нѣкотораго времени. Обѣ рочестерскія стукольщицы сидѣли на диванѣ. Тогда предложили духамъ, не соблаговолятъ-ли они заявить себя во время засѣданія и отвѣчать на запросы. Раздался рядъ стуковъ, который былъ истолкованъ, какъ отвѣтъ утвердительный. Тогда обѣихъ женщинъ заставили сѣсть на два рядомъ стоящихъ стула, ихъ пятки покоились на подушкахъ, нижнія конечности вытянуты, носки приподняты и ступни раздвинуты.

«Цѣлью этого опыта было придать такое положеніе, при которомъ связки колѣна были-бы натянуты и ступни не имѣли-бы опоры. Мы были почти заранѣе увѣрены, что необходимое для звука смѣщеніе кости не можетъ произойти, если только не упереть ногъ въ какое нибудь сопротивляющееся тѣло.

«Присутствующіе, усѣвшись полукругомъ, спокойно ожидали манифестацій въ теченіе получаса, но духи, обыкновенно столь шумные, хранили молчаніе. Тогда измѣнили позицію младшей сестры: ее заставили сѣсть на диванъ вмѣстѣ съ ногами, старшая же сѣла обычнымъ способомъ на другомъ концѣ дивана. Но и при такомъ положеніи вещей духи не нашли умѣстнымъ выказать свое присутствіе. Этотъ второй опытъ укрѣпилъ нашу догадку, что лишь младшая сестра имѣла способность производить стуки. Опыты эти продолжали до тѣхъ поръ, пока сами стукольщицы не сознались, что безполезно продолжать далѣе и что онѣ не имѣютъ никакой надежды на манифестаціи.

Когда имъ придали обычное положеніе съ ступнями, касающимися земли, вскорѣ послышались стуки. Тогда намъ предложили какой-нибудь иной опытъ. Мы на это согласились, хотя и первые по нашему мнѣнію были достаточно убѣдительны. Тотъ, который мы избрали, состоялъ въ томъ, чтобы крѣпко держать колѣни обоихъ женщинъ, приложивъ руки такъ, чтобы можно было ощущать всякое боковое движеніе костей. Это сжиманіе дѣлалось поверхъ одежды. Нельзя было ожидать, чтобы это вполнѣ предупреждало звуки; но опытъ долженъ былъ доказать, происходятъ ли они или нѣтъ отъ колѣннаго сочлененія. Очевидно, что этотъ опытъ имѣлъ въ глазахъ наблюдателя значительно меньшій вѣсъ, чѣмъ предъидущіе, такъ какъ единственнымъ доказательствомъ движенія костей было свидѣтельство рукъ, прикасающихся къ сочлененіямъ. Опытъ возобновлялся нѣсколько разъ въ теченіе часа съ чѣмъ-то, и каждый разъ прикладывали руки въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ. Всякій разъ это вело къ конфузу стукальщицъ, то-есть слышалось много стуковъ, когда руки бывали сняты и ни одного, когда онѣ были положены на колѣни. Только разъ, когда докторъ Лэ, съ намѣреніемъ ослабилъ сжатіе, раздались два или три слабыхъ одиночныхъ удара и онъ немедленно констатировалъ замѣтное движеніе колѣнной. Пробовали также нѣсколько разъ съ наивозможной скоростью схватывать колѣни, когда начинались стуки; этотъ опытъ имѣлъ постояннымъ результатомъ немедленный молчокъ духовъ.

Тогда перешли къ обсужденію предложенія о томъ, чтобы забинтовать колѣни. Друзья женщинъ воспротивились этому, если мы не желаемъ смотрѣть на это, какъ на испытаніе рѣшающаго значенія. Мы не приготовили необходимаго, чтобы привести члены въ состояніе неподвижное и потому отказались. Конечно, на опытъ этотъ стукольщицы разсчитывали, какъ на долженствующій окончиться къ ихъ торжеству. Мы почти увѣрены, что прежде, чѣмъ обратиться съ своей просьбой объ испытаніи, онѣ удостовѣрились, что бинтъ, наложенный выше и ниже колѣнной голени, не будетъ препятствовать смѣщенію.

Въ случаѣ тождественномъ или однородномъ, если окажутся нужными опыты, относящіеся до подобныхъ обмановъ, мы совѣтуемъ не полагаться на дѣйствіе бинта. Однако, вѣрно, что при значительномъ числѣ оборотовъ и боковыхъ лубкахъ, приложенныхъ плотно, такъ чтобы придать ногѣ положеніе совершенно вытянутое и сочлененіямъ полную неподвижность, можно задержать звуки, если только они исходятъ изъ колѣннаго сочлененія. Намъ замѣтятъ, что въ нашемъ сообщеніи мы вовсе не утверждаемъ, что единственнымъ источникомъ стуковъ служитъ колѣнное сочлененіе; если бы наши испытанія, направленныя въ этомъ направленіи, не удались, мы занялись бы другими сочлененіями.

Во время опубликованія настоящаго сообщенія, намъ передавали о различныхъ случаяхъ, въ которыхъ движеніе костей, составляющихъ другія сочлененія, приводимыя въ дѣйствіе силой мускуловъ, даютъ начало звукамъ. Намъ разсказывали объ одной особѣ, которая издавала звуки мыщелкомъ, многія другія—сочлененіями ножныхъ и ручныхъ пальцевъ, у одного ощущалось движенія плеча, у другаго въ тазобедренномъ сочлененіи.

Разоблаченіе этого обмана открываетъ намъ поле для физіологическихъ изысканій. Звуки въ сочлененіяхъ заслуживаютъ, въ самомъ дѣлѣ, серьезнаго изслѣдованія.

Анатомическое строеніе колѣннаго сочлененія, очевидно, весьма благопріятно для производства сильныхъ звуковъ при смѣщеніяхъ. Широкая поверхность сочлененія представляетъ просторъ для боковыхъ движеній, лишь бы связки были

достаточно ослаблены и двигательная сила подлежаще примѣнена. Сравнительная малость внѣшняго отростка бедряной кости благопріятствуетъ смѣщенію ея впаружу; происходила бы настоящая дислокація въ этомъ направленіи, не будь сильныхъ и многочисленныхъ связокъ, дѣлающихъ это сочлененіе самымъ прочнымъ въ нашемъ тѣлѣ. Эти связки такъ хорошо защищаютъ это сочлененіе отъ случайностей, которымъ оно подвержено, благодаря своему положенію и своимъ отношеніямъ, что вывихи этой части въ самомъ дѣлѣ встрѣчаются очень рѣдко. Для смѣщенія производящаго стуки достаточно отдѣлить сочленованную поверхность верхняго конца голени отъ ея положенія въ бороздѣ, отдѣляющей отростки бедряной кости, и отвести ее болѣе или менѣе къ внѣшнему отростку. Это движеніе даетъ происхожденіе первому звуку, а возвратъ кости на свое мѣсто—второму, который въ рочестерскихъ стукахъ, обыкновенно, вскорѣ слѣдуетъ за первымъ. Мы не можемъ вполнѣ объяснить точный механизмъ, посредствомъ котораго совершается это смѣщеніе. Дама нашего города, которая воспроизводитъ стуки, заставляетъ скользнуть кость къ наружѣ слабымъ усиліемъ своей воли и ни изъ того, что она объяснила, ни при помощи изслѣдованія рукой, не легко опредѣлить, какіе мускулы дѣйствуютъ на сочлененіи.

Въ описываемомъ нами случаѣ смѣщеніе происходитъ иногда, сгибая ногу безъ всякаго старанія его проявить, но въ этомъ случаѣ обыкновенно не раздается громкаго звука. Кость возвращается на свое мѣсто, какъ только прекратилось, произведшее его мускульное усиліе. Для того чтобы смѣщеніе произвело звукъ, необходимо, чтобы оно было произведено съ извѣстной скоростью и силой; послѣдняя до нѣкоторой степени можетъ быть соображаема по желанію. Помянутая дама можетъ теперь производить стуки лишь въ одномъ колѣнѣ; въ молодости способность ея распространялась на оба. По числу и объему звуковъ, производимыхъ рочестерскими стукальщицами очевидно, что онѣ могутъ производить стуки въ обоихъ колѣнахъ. Можно думать, что частое повтореніе этихъ смѣщеній въ концѣ нѣкотораго времени должно вести къ раздраженію и даже къ какому ни-

будь страданію въ сочлененіи. У дамы, которой мы обязаны столькими полезными разъясненіями, они имѣли послѣдствіемъ извѣстную чувствительность; но прежде, когда она имѣла обыкновеніе практиковаться чуть ли не каждый день, она не чувствовала ни малѣйшей боли и звуки были сильнѣе, чѣмъ теперь.

Иныя особы, видѣвшія и слышавшія рочестерскихъ стукальщицъ, съ трудомъ повѣрятъ, что стуки эти происходятъ изъ сочлененія; это слѣдуетъ приписать тому, что они составили себѣ идею, будто стуки раздаются съ различныхъ частей комнаты и на разстояніи отъ мѣста, гдѣ находятся женщины. Такой взглядъ порождается многими обстоятельствами, которыя полезно объяснить.

Прежде всего, на извѣстномъ разстояніи нельзя опредѣлить мѣсто происхожденія звука: это заблужденіе, происходящее отъ недостаточнаго знакомства съ законами акустики. Обыкновенно нельзя опредѣлить, откуда слышится звукъ, если только какіе-либо другіе звуки не придутъ въ помощь слуху. Можно подражать звукамъ съ извѣстнаго разстоянія простымъ измѣненіемъ напряженности звука, лишь бы только истинный источникъ его не былъ видимъ или доступенъ другимъ чувствамъ, кромѣ слуха. На этомъ принципѣ покоится лживая наука чревовѣщателей. Въ самомъ дѣлѣ, они не переносятъ своего голоса ни на разныя разстоянія, ни въ разныя направленія, какъ это обыкновенно думаютъ; они просто на просто соразмѣряютъ силу его, чтобы онъ казался болѣе или менѣе удаленнымъ; въ тоже время они скрываютъ внѣшніе признаки того, какъ произведенъ звукъ; затѣмъ, они ловко умѣютъ обезпечить успѣхъ своихъ стараній, такъ удачно направляя своими разговорами вниманіе своихъ слушателей на извѣстныя мѣста, что, благодаря воображенію, дѣйствительно, кажется, что звуки раздаются оттуда.

Такъ какъ колѣно прикрыто одеждой, то легкія движенія, производящія стуки, легко скрываются; вотъ почему между обманщиками этого сорта успѣшнѣе всего подвизаются женщины.

Вотъ различныя объясненія таинственныхъ стуковъ, приписываемыхъ американскимъ духамъ. Мы изложили свое

мнѣніе, основанное на добросовѣстныхъ изслѣдованіяхъ,—и мы приписываемъ звуки самому индивидуму, который безсознательно производитъ ихъ, ударяя ногой по полу или столу, или же совершая какой-нибудь частью своего тѣла тотъ родъ треска, который удается инымъ людямъ, благодаря особому анатомическому строенію производить, безъ всякаго замѣтнаго внѣшняго проявленія и о которомъ господа Флинтъ, Шиффъ, Джобертъ (де-Ламчалъ), Вельно и Жюль Клоке сообщали нѣсколько примѣровъ. Медіумъ, пишущій отвѣты духовъ, находясь въ гипнотическомъ состояніи, можетъ также, подъ его вліяніемъ, производить помянутые стуки безсознательно. Но эта аномалія мышечной системы кажется намъ лишней для объясненія. Достаточно гипнотическаго состоянія, чтобы объяснить безсознательныя дѣйствія, о которыхъ идетъ рѣчь.

Дѣло ясное, мы предполагаемъ здѣсь искренность медіума и отстраняемъ вопросъ о плутовствѣ.

«Въ монахѣ я всегда преполагаю милосердіе», сказалъ— Лафонтенъ. Мы раздѣляемъ добрыя чувства баснописца; но найдется много оговорокъ, которыя можно было бы привести относительно простодушія монаховъ и простодушія спиритовъ.

[illegible]

[illegible]

[illegible] которых удается [illegible] лишь [illegible]

[illegible] не слишком проведены и [illegible] Чтобы [illegible]

[illegible] бывали тщательно подобраны. В случае [illegible]

[illegible], обычно не [illegible], может тем [illegible]

[illegible] наблюдений, [illegible]

[illegible]. Но это [illegible] в таких [illegible]

[illegible] для сравнения. [illegible]

[illegible], чтобы [illegible]

[illegible] руки.

Что ясное мы предполагаем, [illegible]

[illegible] и отсутствия [illegible] и исследований.

[illegible] в [illegible] и проводится [illegible]

[illegible]. Из [illegible] чтобы было [illegible]

[illegible] найдется много способов, которыми можно было бы

[illegible] представления [illegible] и просто

[illegible].

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТР.

Кудесничество Каліостро.

Магнитизеры-мистики.

Пособія по математикѣ В. Д. Агапова.

1) Собраніе наиболѣе трудныхъ задачъ по математикѣ, служившихъ темами на испытаніяхъ зрѣлости во всѣхъ учебныхъ округахъ Россіи, съ подробнымъ рѣшеніемъ и объясненіемъ ихъ. Составилъ *Д. Агаповъ.*

Выпускъ первый—**Ариѳметика**; цѣна 65 к., съ перес. 80 к.

Выпускъ второй—**Алгебра**; цѣна 65 к., съ перес. 30 коп.

Выпускъ третій — **Геометрія**; цѣна 65 коп., съ перес. 80 коп,

Выпускъ четвертый—**Тригонометрія**; цѣна 65 коп., съ перес. 80 коп.

2) Подробное рѣшеніе и объясненіе наиболѣе трудныхъ численныхъ задачъ геометріи Давыдова. Сост. *Д. Агаповъ*; цѣна 50 коп., съ перес. 65 к.

3) Подробное рѣшеніе и объясненіе наиболѣе трудныхъ ариѳметическихъ задачъ сборника Малинина и Буренина. Составилъ *Д. Агаповъ*; цѣна 50 коп., съ перес. 65 коп.

4) Подробное рѣшеніе и объясненіе наиболѣе трудныхъ задачъ алгебры Давыдова. Составилъ *Д. Агаповъ*; цѣна 40 к., съ перес. 50 к.

5) Подробное рѣшеніе и объясненіе наиболѣе трудныхъ задачъ алгебры Малинина и Буренина. Составилъ *Д. Агаповъ*; цѣна 40 к , съ перес. 50 к.

6) Подробное рѣшеніе и объясненіе наиболѣе трудныхъ задачъ тригонометріи Малинина. Составилъ *Д. Агаповъ*; цѣна 50 к., съ перес. 65 к.

7) Конспектъ и справочная книга по математикѣ. Формулы, необходимыя при рѣшеніи задачъ по ариѳметикѣ. Сост. *Д. Агаповъ*; ц. 30 к., съ перес. 40 к.

8) Конспектъ и справочная книга по математикѣ. Формулы, необходимыя при рѣшеніи задачъ по геометр. Сост. *Д. Агаповъ*; цѣна 30 к., съ перес. 40 к.

9) Новая тригонометрія. Рѣшенія треугольниковъ помощью теоремы Агапова; цѣна 85 коп., съ перес. 1 руб.

10) Рѣшенія нѣкоторыхъ геометрическихъ задачъ во всякомъ прямоугольномъ треугольникѣ, произведеніе кодетовъ и гипотезъ; ц. 35 к., съ пер. 50 к.

11) Подробное рѣшеніе и объясненіе типическихъ задачъ по ариѳметикѣ, для старшихъ клас. средн. учебн. зав. Сост. *Д. Агаповъ*; ц. 50 к., съ пер. 65 к.

12) Искусственные способы рѣшенія уравненій второй степени со многими неизвѣстными; ц 60 к., съ перес. 75 к.

Гальберштадтъ К. Рѣшенія алгебраическихъ задачъ Бычкова. Составлено по послѣднему изданію. 1887 г.; ц. 2 р. 50 к., съ перес.

Рѣшенія 256 геометрическихъ задачъ. *А. Давыдова, В. А. Крыжановскаго*; ц. 1 руб., съ перес.

Краткій конспектъ греческаго языка. Изд. миніатюрн.; ц. 60 к., съ пер. 75 к.

Краткій греческо-русскій словарь. Миніатюрное. изд.; ц. 50 к., съ перес. 50 коп.

Краткій русско-греческій словарь съ обозначеніемъ этимологическихъ особенностей каждаго слова. 2-е изданіе миніатюрное; ц. 35 к., съ перес. 50 к.

Ключъ къ русскимъ упражненіямъ учебника французскаго языка *Д. Мори*, цѣна 35 коп., съ перес. 50 к.

Ключъ къ греческой грамматикѣ Григоревскаго. Перев. басенъ Эзопа; цѣна 20 к., съ перес. 30 к.

Ключъ къ англійскому учебнику *Ilурова*. ц. 50 к., съ перес. 65 к.

Ключъ къ учебнику М. Эртеля. Переводъ русскихъ статей на нѣмецкій языкъ, ц. 30 к., съ перес. 40 к.

Ключъ Къ упражненіямъ, помѣщеннымъ въ руководствѣ къ изученію латинскаго языка. *Кюнера*; Перев. Носова. Перев. на латинскій К. Отто; ц. 50 к., съ перес. 65 к.

Конспектъ латинскаго языка. Изданіе миніатюрн. ц. 60 к., съ перес. 65 к.

Extemporalia. Съ русскаго языка на латинскій для среднихъ и старшихъ классовъ гимназій. Переводъ *Н. Виноградова*; ц. 60 коп., съ перес. 75 к.

Vade Mecum. Алфавитный списокъ греческихъ глаголовъ ихъ особенностей и отступленій въ образованіи формъ съ приложеніемъ обзора и неправильн. именъ существительныхъ и русско-греческаго указателя; цѣна 20 коп. съ перес. 30 к.

Словарь Гомеровской миѳологіи и географіи. *Э. Леру*. Перевелъ съ французскаго *Н. Боговскій*. Одобрено ученымъ комитетомъ Мин. Нар. Просвѣщенія въ качествѣ учебнаго пособія по греческому языку для ученическихъ библіотекъ гимназій Мин. Нар. Просвѣщенія; ц. 60 к. съ перес. 75 к.

Словарь латинско-русскій. Составилъ С. Р. Л...ръ. Изданіе миніатюрное; ц. 35 к., съ перес. 50 к.

Voalapük. Вспомогательная книга для скораго легкаго изученія основныхъ началъ всемірнаго языка Альфреда Кирхгоффа. Третье значительно дополненное изд; ц. 60 к., съ перес. 75 к.

При требованіи различныхъ мелкихъ сочиненій не менѣе какъ на 1 рубль за пересылку не взимается.

ДОНЪ-КИХОТЪ ЛАМАНЧСКІЙ.

Сочиненіе *Сервантеса*, полный перев. въ 2-хъ част. *Н. М. Тимофѣева*
656 стр. Цѣна 1 р. 20 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Этотъ романъ, сатирическое значеніе котораго останется безсмертнымъ, долженъ быть всегда въ числѣ любимыхъ книгъ каждаго интеллигентнаго человѣка.

ЛУННЫЙ КАМЕНЬ.

Романъ *Уильки Коллинза*, перев. съ англійскаго *Д. А. Тернова.*
480 стр. Цѣна 60 коп., съ перес. 85 коп.

Кто не знаетъ имени Уильки Колинза, этого романиста съ фантазіей, полной таинственныхъ исторій, ужасовъ преступленій и страшныхъ семейныхъ драмъ? Романъ «Лунный камень» является одн...мъ изъ самыхъ характерныхъ его романовъ, заключающій таинственную исторію одного уголовнаго дѣла.

СОВРЕМЕННАЯ НІОБЕЯ.

Романъ *Іонаса Ли*, перев. съ датскаго *В. Фирсова.*
186 стр. Цѣна 60 к., съ перес. 75 к.

Сѣверная литература въ настоящее время [...]ращаетъ на себя всеобщее вниманіе, затрогивая самые коренные вопросы совр[...] [...]й общественной нравственности [...] общественнаго устройства. Предлагаемый [...] касается, такъ сказать, «воспитательнаго вопроса», и по своей силѣ, по [...] красокъ и смѣлости постановки вопроса произвелъ сен[...] [...]ъ Европѣ.

МИРТАЛА.

Романъ *Элизы Ожешко*, перев. съ польскаго *А. Сахаровой.*
203 стр. Цѣна 60 коп., съ перес. 75 коп.

Въ послѣднее время съ увлеченіемъ отдавшись исторіи, преимущественно древней, маститая писательница создала рядъ шедевровъ, къ числу которыхъ относится и означенный романъ. Въ немъ описывается исторія евреевъ послѣ разрушенія Іерусалима Титомъ и ихъ безпрерывныя возстанія противъ римскаго владычества.

НА БОЖЬЕМЪ ПУТИ.

Романъ *Бьернстерна-Бьернсона*, перев. съ шведскаго *М. Н. Чинаева.*
280 стр. Цѣна 60 коп., съ перес. 75 коп.

Романъ этотъ безспорно является самымъ выдающимся во всемірной литературѣ за послѣднее десятилѣтіе. Глубиною и смѣлостью мысли онъ возвышаетъ душу читателя до жажды подвига. Героиня романа, Рагни, словно сотканная изъ цвѣточной пыли, пробуждаетъ такія высокія чувства, что, разъ прочитавъ этотъ романъ, всякій захочетъ обратиться къ нему много и много разъ снова, во всякую трудную минуту своей жизни. Авторъ хотѣлъ указать людямъ путь, дѣйствительно угодный Богу, и выполнилъ свою задачу блестяще.

Съ требованіями обращаться въ книжный складъ П. П. Сойкина.
С.-Петербургъ, Стремянная, собств. д., № 12.

Дозв. ценз. Спб., 1 ноября 1895 г. Тип. П. П. Сойкина, Стремянная, 12.